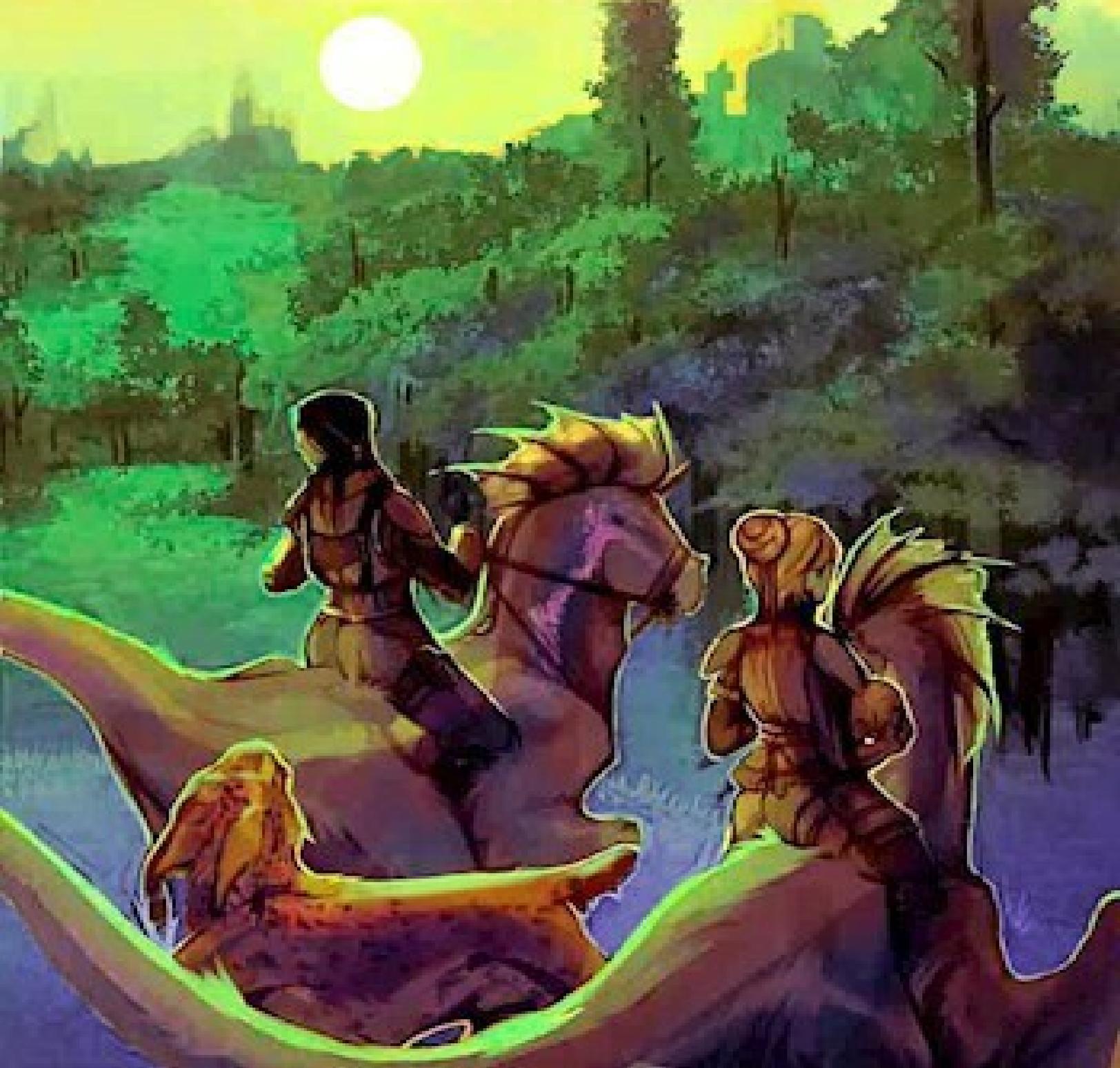

Мурчание котят

Анна Агатова

Зелёная планета Лес-Прародитель живёт по своим особым законам: джунгли вместо городов, гигантские ящеры вместо самолётов... Но изумрудные чащобы Великого Леса полны опасностей. Неведомо чудовище идёт по планете, оставляя за собой кровавый след. Единственный, кто может его остановить — Эрвин, опальный страж, что живёт на другом краю континента. Однако станет ли он это делать? Или дело возьмёт в свои руки Идона — амбициозная дочь вождя? Возможно, ей удастся не только остановить зверя, но и приручить гордого стража...

Что-то шевельнулось в жёсткой листве куста, отозвалось тихим, едва уловимым сухим треском справа. Охотник замер, застыл, будто изваяние, боясь шевельнуться, заглушить возникший звук. И только глаза на загорелом лице прощупывали пядь за пядью зеленую стену Леса. Ухо улавливало самый слабый шорох, напрягалось обоняние, в попытке заметить малейший запах, тень запаха, хотя бы его след.

Но никаких признаков добычи не было.

Не было!

И вдруг...

Из-за неподвижного куста мгновенно, словно вспышка молнии, явилось существо, не потревожив ни единого листа. Метнулось и застыло.

Перед охотником на тропе стояла диковинка: огромный купол головы в полтора обхвата, покрытый коротким мягким на вид мехом, а ног зверя не разглядеть — его огромные печальные глаза приковали взгляд так, что не оторваться, не двинуться с места, не пошевелить рукой.

Мужчина смотрел потрясённо: давно ему не попадалось такого. Такого крупного, такого необычного зверя. Давно Великий Зелёный Лес-Прародитель не дарил такого щедрого подарка.

Зверь стоял, нетвёрдо покачиваясь на своих тонких ногах, и всё смотрел. Смотрел пронзительно, доверчиво, будто спрашивал о чём-то. О чём? Не понять. Такой большой, наивный! Так легкомысленно вышел навстречу, так доверчиво глядит в глаза. И кому? Ему, самому удачливому охотнику посёлка Себаста! Душу наполнил чистый, как родниковая вода, восторг.

Это удача!

В этот раз путь по тропе был у охотника длинным. Три утомительных дня во влажном сумрачном воздухе Южного Леса, а добыча плохая: в схронах вдоль тропы лежала всё ещё несущественная мелочь, а усталость и потраченное время уже звали домой. Но как вернуться, когда добычи так мало? Ведь он самый удачливый охотник своего посёлка! Невозможно!

Но Лес услышал его и подарил такой подарок!

Мужчина легонько улыбнулся. Осторожно, чуть двинув губами — нельзя показать зубы, нельзя спугнуть или вызвать отпор. Потому держал взглядом глаза зверя, и лишь боковым зрением мог оценить его размер и вес. Умильно-печальный взгляд, черные выпуклые линзы крупных глаз, серый пух морды. Не разрывать контакт взглядов и быстро соображать, какую брать сеть: на мелкую или крупную дичь?

Зверь, будто желая себя показать, чуть двинулся вправо, в сторону от куста. Большой! Ох, какой большой! Охотник залюбовался: шкура зверя манила провести по ней рукой, зарыться пальцами в мех. Чудесный, прекрасный материал! А эти глаза! Доверчивые, изумленно-детские, совершенно неразумные!

Охотник сделал последнее, что должен был сделать, повстречав серое чудо в Лесу, — медленно протянул зверю руку. Очень-очень плавно поднял ладонь вверх. Это был всеобщий жест дружбы — пустые руки, доверчиво тянущиеся навстречу.

Кто разумен, поймёт. Поймёт и протянет руку в ответ.

Опытный охотник понимал — это для проформы, потому другая рука очень медленно, чтобы не встревожить существо, потянулась к поясу за сетью.

Зверь не заметил протянутой руки, руки дружбы. Лишь чуть наклонил голову набок. Большой серый купол головы качнулся, а пушистые бугорки над глазами шевельнулись, да так забавно, будто брови приподнялись. И от этого печальные глаза стали ещё печальнее. Печальнее и милее.

Мужчина порадовался, что зверь не отозвался на жест — он неразумен. Прекрасно! Значит, это добыча. Чудесная добыча!

И уже уверенно потянул с пояса сеть. Какое-то мгновенье замешкался от мелькнувшей мысли: «Не сбежал ли этот великанчик из лаборатории?», но отринул нелепость и влил в сеть каплю силы — убить успеется, а вот живой зверь ценнее.

Две конечности молнией метнулись вперёд, раздался резкий, но тихий звук испаряемой плоти, одновременно с ним сдавленный хрип, затем — приглушенный высокой и густой травой шум падения тяжёлого тела...

Через полчаса существо, похожее на огромного серого осьминога с печальными и милыми глазами продолжило свой путь по Лесу-Прародителю. Тонкие на концах конечности уверенно перебирали землю, серый купол головы покачивался при ходьбе. И только бурые пятна вокруг того, что, видимо, было ртом зверя, говорили о судьбе самого удачливого охотника посёлка Себаст. *Примечание* Портрет зверя

Глава 1. Идона

Идона

Шеф сидел в своём кресле — кресле главы стейта — и читал. Видимо, только что прилетел голубь и принёс свежую почту. Лист бумаги подрагивал в немолодой суховатой руке, когда Идона тихо вышла из-за входной перегородки в кабинет.

Сегодня она не увлеклась рассматриванием столешницы из драгоценного листа *Acernus Gigantum* — гигантского клёна, с детства вызывавшего восхищение. Сегодня дрожание руки шефа стейта привлекло её внимание куда больше.

Она мимо воли скривилась: чужая слабость всегда вызывала брезгливость. Но показывать свои чувства — тоже слабость, и лицо девушки почти мгновенно разгладилось, став безмятежным. И, едва справившись с собой, сделала два мягких шага к столу, так, чтобы попасть в поле зрения главы стейта. Вежливо поклонилась:

— Приветствую, шеф. Вы меня звали?

Мужчина поднял на неё полный печали взгляд.

Идона вздёрнула подбородок, гордо распрямлённые плечи блеснули доспехом. В её глазах светилась решимость. Да и вообще весь её вид демонстрировал готовность действовать, сворачивать горы и преодолевать. А вот шеф — с его обычной апатией, а сегодня ещё и подавленностью, — казался чужеродным в этом зале, наполненном бледно-зелёным светом, за этим большим круглым столом драгоценной листовины.

Она постаралась сделать свой вздох сожаления незаметным, в который раз подумав о том, что стейту нужен другой глава. Решительный, смелый и деятельный человек, хорошо знающий Лес, его жителей — людей, животных и растения. Тот, кто не будет сидеть здесь, в мэрии, с беспомощно дрожащими руками.

Идона знала такого человека, того, кто мог бы поднять их стейт на былые вершины. Она бросила мимолетный взгляд на своё отражение в отполированной столешнице — полный доспех из *Formica Gigantum*, гигантского муравья, редкого и опасного зверя Леса, сиял даже в рассеянных лучах солнца.

Однако было одно препятствие. Одно небольшое препятствие, глупый закон, что приняли первопрядки. В этом законе утверждалось, что возглавлять стейт — группу разумных, проживающих на определённой части Леса, — может только владеющий силой.

Сила, сила... Разве она так уж важна, если человек достаточно умен, отлично развит и может выжить в Лесу? А Идона могла. Если бы её, связанную и избитую, бросили в незнакомой чаще, ночью, без оружия и нагую, всё это не стало бы для неё проблемой — она бы выжила. Сумела бы справиться.

Вот что важно!

А сила... Что сила? Она не делает человека ни умнее, ни ловчее, ни выносливее. Лишь вселяет ложные надежды, что он сможет, преодолеет, победит, но не благодаря своему уму или ловкости, а благодаря силе.

Их род издавна был в стейте самым сильным, и всегда давал людей с самой большой силой. И только на ней, Идоне, Лес промахнулся... Это несправедливо!

Пальцы сжались в кулаки. Зря она об этом задумалась... Идона выдохнула и выгнала ненужные мысли из головы, разжала ладони. Не думать! Вообще ни о чём не думать!

— Идона, подойди, — слабым голосом проговорил шеф, опуская все вежливые и

формальные фразы, — вот, прочти.

И передвинул ей по столешнице бумаги. Они легко скользнули по полированной поверхности, а Идона не смогла удержаться и не показать свою ловкость: резко махнула ладонью, и созданный этим движением поток воздуха подхватил листы и помог им спланировать прямо к ней в руки. Пусть шеф видит, какая она ловкая, хоть и безсильная.

Ловко схватив бумагу, принялась читать.

От первых же строчек пальцы свободной руки снова сжались в кулак, а на последних словах кулак захрустел. Что за цуккановы выверты Леса?! Идона вплотную подошла к столу, уперлась в него ладонями и злобно-вопрошающе уставилась на шефа.

— Как такое возможно?

Вблизи Мариджн казался не просто растерянным. Он был постаревшим лет на пятьдесят: безвольно обмякший в своём кресле из маленького кленового листа, затканного мягким бархатом, бледный в прозелень, с горькими морщинами у рта, со страдальчески сведёнными над переносицей бровями. И всё, что он смог в такой ситуации сделать, — беспомощно развести руками...

И от этого его жеста у Идоны в глазах заплясали белые точки, а ноздри раздулись. Злость. Раздражение. Жажда резких движений и гортанных звуков. И всё это... ненависть?

Как же это типично для главы стейта в Южном Влажном Лесу — признаться в беспомощности, развести руками, жалостливо скривиться! Идона сцепила зубы, чтобы ничего не сказать, и вновь опустила глаза в бумаги.

В коротких донесениях значилось: в поселении Чарное неизвестный зверь учинил кровавую бойню, погибли десятки людей, а в поселении Болотица вовсе не осталось никого живого. А подробности ужасали — вспоротые чем-то крупным и острым животы, выгрызенные внутренности, оторванные конечности...

Как такое может быть?!

Последнее происшествие в Болотице замечено было случайно — человек, шедший Лесными тропами куда-то на север, зашел в поселение, чтобы набрать воды. Обнаружив окровавленные трупы зверски убитых людей, отправил почтового голубя прямо из башни связи Болотицы с подробным описанием увиденного шефу стейта и ближайшим соседям. Судя по неровным буквам и кривым строчкам, человека сильно трясло.

"Страх, ужас, паника", — не почувствовала — поняла Идона.

Она встряхнула головой, будто хотела избавиться от наваждения, отогнать вставшие перед глазами чудовищные картины. Это какой-то бред воспалённого мозга. Невозможно! Неужели, на всё поселение не нашлось ни единого человека, который бы смог сопротивляться и отправить голубя?

— Что это за зверь и откуда он мог взяться? — Идона озвучила самый первый и самый логичный вопрос.

Мариджн обессиленно откинулся на своём дорогом стуле.

— Я не знаю... Не было заявлено о работах с крупными животными ни в одной лаборатории нашего стейта. Не могу даже представить...

Идона с трудом сдерживала злость: как этот человек управляет стейтом?! Приди кровожадное чудовище к ним в поселение, шеф даже не подумает сопротивляться, а выйдет вперёд, с этими горькими складками у рта, с пустыми руками — вот он я, берите меня, ешьте, потрошите! Ох уж эти руки, не знавшие ни лука, ни камня, знакомые только с лабораторными инструментами и посудой!..

Хотелось выкрикнуть оскорбление прямо в это немолодое лицо, хотелось заставить двигаться, что-то делать, что-то решать... Ведь даже до перьевых ручек шеф не дотягивался из-за своих опытов. Когда он последний раз требовал отчёты со всех поселений стейта? А нужно навести порядок, спросить со всей строгостью!.. Идона притушила клокочущий гнев — не сейчас, не время, не тот момент.

Недавно она почти случайно углубилась последние, но очень давние отчёты всех поселений их стейта. И сколько же обнаружила там нестыковок и явных подтасовок! Отчёты сквозили дырами и умалчиваниями, но зато были богаты жалобами на трудности, как болото — квакающими лягушками. Из этих отчётов получалось, что малые проекты в поселениях реализовывались мало и редко, а большие были слишком трудны или объёмны, чтобы показать результат.

Читая отчёты, она думала, что отписки даже не пытались сделать правдоподобными. А с сильным шефом стейта так себя не ведут! Не подсовывают ему всякую чепуху вместо отчёта. Конечно, никто не будет уважать тебя, если ты только и можешь, что перебирать инструменты и бумаги, а воли нет и властью воспользоваться не можешь. И, конечно, кто угодно при таком состоянии дел мог проводить опыты с крупными или хищными животными и не показывать ни их, ни их результаты.

— Уважаемый шеф, позвольте сказать слово, — Идона, проявляя подобающую вежливость, поклонилась, и длинный хвост её волос упал на лицо. Распрямляясь, она резким движением, противоречащим уважительному тону, отбросила волосы с лица. — Стоит собрать шефов всех поселений и строго спросить, в чьей лаборатории проводились эксперименты с животными. Вывести огромного кровожадного зверя не так-то просто. Каковы были причины таких опытов? Каковы цели? И, самое главное, — кто эти цели ставил? И почему вы, глава стейта, не знаете об этом?!

Перед глазами Идоны уже мелькали картинки этого разговора: строгость, жесткость, а лучше плеть из колючей лианы. Пусть сначала скажут всё, пусть признаются, а потом будут наказаны. Обязательно наказаны!

Дыхание участилось, а во рту появился железный привкус, как на охоте, когда остаётся сделать то самое последнее движение, после которого добыча остаётся лежать, истекая кровью. Вот так нужно наводить порядок! И никаких лицемерно вежливых слов и лживых улыбок, которые отец называет дипломатией!

Усталый взгляд Мариджна упёрся в её лицо. Идона снова вздёрнула подбородок и расправила плечи, упёрлась руками в бока и чуть отставила ногу. Она залюбовалась бы собой, если бы смогла посмотреть со стороны, — гордая, прекрасная, сильная, в сияющих доспехах из муравья-гиганта!

— Дочь, ты слишком молода и прямолинейна. Нельзя так. И потом... это сейчас не главное, — шеф, а, по совпадению ещё и отец, словно ледяной водой окатил.

Ах, молода?! Она молода?!

Идона очень не любила, когда ей говорили о возрасте. Она уже давно не девчонка, ей восемьдесят, её успехи на Лесных тропах не знают равных! То, что в лаборатории отца она лишь последний помощник, так что же? Никто и никогда не ориентировал её на научные результаты, а сама она больше удовольствия находила на тропах Леса, чем в экспериментах поселения.

И то, что сейчас скажет отец, она хорошо знала. Сразу же следом за разговорами про возраст речь всегда заходила о необходимости семейного союза.

Он уже много лет подталкивал её к замужеству, потому что ждал от единственной дочери преемника. Да, да, потому что именно в их роду всегда рождались самые сильные дети стейта в Южном Влажном Лесу.

Но Идона не хотела обсуждать эту тему. Поэтому она поспешила проявить так любимую отцом “дипломатичность”, — а в её понимании охотничью хитрость — и сместила внимание с себя на дела текущие.

— Что же тогда главное, уважаемый Мариджн?

Отец, просветлевший лицом и явно настроившийся на воспитательную беседу, за которой так легко забыть все невзгоды текущей минуты и почувствовать себя значительным, сник. Идона злорадно усмехнулась, но опять же “дипломатично” прикрыла лицо рукой, делая вид, что прячется от особо яркого луча солнца, чудом прорвавшегося сквозь высокий полог Леса.

— Главный вопрос в том, нужно ли сообщать в Центр или нет, — пожевав губами, неохотно ответил отец.

Идона в душе захохотала — ну надо же, какие проблемы! Будь она на его месте, уже взяла бы ружьё, «пьяных» пуль к нему, лук с отравленными стрелами и тесак, и пошла искать этого зверя, кем бы или чем бы он ни был, а не сидела и не думала, отсылать гранд-шефу почтового голубя или нет. Она бы сама разобралась с проблемой и имя своё увенчала славой! И тогда, наконец, все поняли, кто достоин быть главой стейта, отметя всякие глупые предрассудки.

Но внешне никак не проявила своих эмоций, лишь уважительно склонила голову, показывая, что внимательно слушает.

Отец не мог решить, отсылать ли донесение в Центр. Он боялся! И Идона точно знала кого — Дукса, гранд-шефа планеты. Уже не однажды уважаемый Мариджн так же сутулил плечи над посланием в Центр, размышлял слать или не слать, прочтёт ли гранд-шеф на этот раз или снова оставит без внимания. Рассуждал и не замечал, что говорит сам с собою о том, что Дукс там, в столице, совсем зажрался и забывает о них, живущих на периферии.

Идона всегда брезгливо морщилась от осознания, что шеф Мариджн, этот велеречивый пустозвон и слабак, её отец. Это ещё одна ошибка Леса-Прародителя: у неё, такой сильной, смелой и решительной, такой слабовольный и мягкотелый отец. Как вообще можно быть таким?

Сейчас речь шла не просто о том, обратит ли гранд-шеф, по слухам — мерзкий старый мухомор, — своё внимание на их проблему. Масштабы беды давали повод задуматься вообще о выживании стейта, если потери столь велики — почти полностью два поселения людей погибли.

Идона, которой точные науки не очень давались, сейчас на удивление легко сложила два и два: не будет людей — не будет стейта, а значит, и её честолюбивые планы провалятся. И потому поспешно и слишком резко бросила:

— Конечно, нужно сообщать! Дукс — вершина власти на планете. Он должен знать всё, что происходит! Если ты, отец, и другие главы стейтов будете скрывать новости, то как гранд-шеф сможет оценить состояние Леса и принимать решения?! Если ты отвечаешь только за наш стейт, за каких-то несколько поселений, то он — за всех! Поэтому я считаю, что стоит любую новость отсылать в Центр.

Отец задумчиво смотрел на неё, на её сурово сдвинутые брови, сжатые кулаки, на всю её хоть и стройную, но неженственную из-за доспехов фигуру. Для Идоны эта задумчивость

значила только одно — у шефа зреет какая-то мысль.

— Сообщить нужно, это ты правильно говоришь, дочь моя. Гранд-шеф должен знать, конечно, что творится на землях Леса-Прародителя. Но если бы грандом был не Дукс... Ты его просто не знаешь.

Голос отца предательски упал почти до шёпота. Он боится! Торжествуя, Идона улыбнулась и дернула подбородок вверх. Её взгляд сочился надменностью.

— Взял бы меня с собой на форум в Центр, узнала бы. А так... — она перевела взгляд на большое окно, за которым шумел Лес-Прародитель, Лес-великан, закрывавший собой небо.

Продолжительная тишина заставила Идону обернуться и снова взглянуть на отца. Тот всё ещё внимательно изучал её. И она вспыхнула:

— Ты боишься гнева какого-то старикашки?!

Отец хмыкнул и поджал губы. Сказал с усталым вздохом:

— Боюсь? Вряд ли это можно назвать страхом. Но всё же предпочту не встречаться с его гневом. Он владеет самой большой силой на планете, и это надо учитывать.

О, дипломатичность! Снова эта драгоценность главы стейта на Юге Влажных Лесов — дипломатичность! Идона в который раз разочаровалась в отце, в который раз её детский кумир, уважаемый Мариджн, самый сильный и могущественный человек на свете, свергался с пьедестала.

— И какое же решение ты примешь, отец?

Она снова говорила сдержанно и вежливо. Только за вежливостью пряталось хорошо скрытое презрение.

Глава стейта и, по нелепой случайности, её отец задумчиво разложил веером бумаги с донесениями на столе. Они очень красиво сочетались по цвету и фактуре — желтоватые, волокнистые листы и украшенная дивной резьбой столешница, и отец, полубовавшись, собрал донесения в одну стопку, скрутил трубочкой, остукал полученным рулончиком по самой толстой жилке на поверхности стола и поднял глаза на дочь.

— Я подожду. Вдруг это единичное явление.

Глава 2. Дукс

Весь путь до офиса Дукс напряженно размышлял. Новая идея, пришедшая сегодня под утро была очень интересна, но и очень сложна в реализации. И эта короткая прогулка от дома до лаборатории, что обычно его раздражала, сегодня была как нельзя кстати: идея была слишком сырая, а ходьба хорошо успокаивала эмоции.

О, эти женщины! Идея пришла прямо во сне и, едва оторвавшись от перины, гранд-шеф сел записывать появившиеся мысли. Их было много и все — очень интересные. Дукс спешил, боясь забыть что-то или потерять мысль, чернильный сок брызгал с острого хвостика ручки, пачкал тонкие листы бумаги, иногда даже протыкал их, но великий учёный не обращал на это внимания, торопясь зафиксировать мысль. И он почти всё успел, уже задыхался от восторга, чувствуя, что он в шаг от открытия.

Но тут пришла эта ужасная женщина и принесла завтрак. И, конечно, сбила его с мысли! Ах, как Дукс разозлился! Раскричался, швырнул тарелкой в дуру, что так неосмотрительно оторвала его от важного дела. Жаль, не попал — хоть и немолода была, а ловко увернулась, отрыжка цуккана. За столько-то лет натренировалась...

И вот теперь мерные шаги по заросшей зеленью улочке приносили умиротворение, шепот Леса-Прародителя приводил в гармонию душу, а мысли снова устремились к родившейся ночью идее. Дукс неосознанно прибавил шагу, спеша к рабочему столу, журналу наблюдений и привычной ручке с напитанным чёрным соком острым хвостиком.

Гранд-шеф должен работать в своём офисе — таково было негласное правило. И в те времена, когда Дукс только-только занял должность гранд-шефа, ему легче было к личному кабинету прирастить лабораторию и оборудовать всем необходимым, чем пытаться сломать старый порядок. Это сейчас он с лёгкостью переворачивал порядки и отметал правила. Да только переносить лабораторию не было смысла — теперь здесь было удобнее, чем дома.

Дукс взглянул на свои подрагивающие не в такт шагам руки, сжал их в кулаки, снова раздражась, и поднял голову вверх. Громадный купол офиса, как всегда внезапно, вынырнул из невысокой на фоне отдалённого Леса-Прародителя зелени столицы.

Этот купол когда-то стал для него символом успеха, доказательством его состоятельности. И много лет назад он не стал спорить со старым правилом не только потому, что имел ограниченное влияние. Просто тогда он не мог и представить, что, спустя несколько десятков лет обязанности гранд-шефа станут для него настолько обременительны, а трата времени на дорогу в офис будет казаться преступной расточительностью.

В первые годы после избрания Дукс вырастил здание новой лаборатории прямо возле кабинета, да так, как того хотела душа, — широко, с запасом, с мечтами о будущем расширении, с учётом самых смелых планов. Он черпал ресурсы на постройку из общего бюджета сначала робко, нерешительно, а когда лаборатория была готова, заполнена необходимым и не очень оборудованием, понял все преимущества своей новой должности. И возрадовался. Это было совсем не то, что вырастить собственными силами дом для своей тогда ещё маленькой, семьи. Для покупки строительных бактерий и субстрата приходилось работать на столичный стейт, заниматься неинтересными исследованиями, щедро, порой досуха отдавать свою силу и... тешить себя мечтами.

А вот сейчас, когда семья разрослась, а опыты стали касаться его потомков, такое удалённое расположение лаборатории стало неудобно. Да и сама она была уже не такой

современной, как много лет назад.

Дукс недовольно скривился — не хочет он сейчас думать о таких глупостях, как новые постройки и обновление оборудования. Именно это выражение лица увидели его помощники, Фнорре, Свер и Зэодан, встретив его недалеко от офиса.

— Шеф? — озабоченно уточнил Свер.

— Ах, дети мои! Как время уходит, как уходит! Просто сочится сквозь пальцы словно сухая пыль!

Помощники чуть расслабились, вразнобой закивав. А Дукс, почувствовав наконец поддержку тех, кто его понимает, стал торопливо излагать новую идею, способную продвинуть опыты по улучшению репродукции сапиенсов на новый виток.

— Это будет как прыжок вверх на батуте! — восторженно воскликнул Дукс, делая последние шаги к входной перегородке офиса.

Каждый из троих его помощников обладал неслабой силой, но, кроме того, был очень крупными и физически сильными. Их сила, конечно, не шла ни в какое сравнение с его, но втроём они почти дотягивали до его уровня. Но было и ещё кое-что, что делало этих молчаливых гигантов бесценными помощниками — в отличие от остальных жителей Леса, они полностью разделяли его увлеченность, не пытались спорить и всегда поддерживали его начинания.

Были у помощников и другие ценные качества. Например, они обеспечивали ему комфорт в лаборатории. Или приносили перекусить тогда, когда напряжение опыта или расчетов спадало, а аппетит давал о себе знать. Или готовили лабораторию к работе и убирали после, при этом всё оставалось на своих местах, и на следующий день ничего не приходилось искать, теряя время.

Они не спорили, не умничали, всегда внимательно слушали и были преданы, как домашние псы. А ещё не позволяли делам офиса отрывать его от научных изысканий.

Как сейчас, например.

Едва Дукс вошел в общий зал офиса, как Полит — его помощник по делам стейтов — выскочил из-за своего куцега столика и бросился наперерез, пытаясь первым попасть к проёму в кабинет и закрыть его своим тщедушным тельцем.

— Дукс, уважаемый! Гранд-шеф! Вам с голубем пришла почта от главы стей...

Фнорре и Свер, не дав договорить, ловко отеснили Полита к его обычному месту и освободили проход.

— У гранд-шефа важный опыт сегодня, уважаемый. Здравствования тебе вечного среди Леса!

— Но!.. — попытался выдернуть руки из крепкого захвата помощник.

— Никаких но, Полит, — прорычал угрожающе Фнорре, приближая свое грубое лицо. И прозвучало это так, будто он угрожал приложить его не кулаком, а силой, и ручался за плохие последствия. Свер, по обыкновению молчал. Но испуганный взгляд Полита, метнувшийся было к нему, спрятался за трепетавшими от ужаса веками — искать понимания или помощи у этого подручного гранд-шефа было бесполезно.

И пожилой помощник обмяк, перестав сопротивляться.

— Вот так-то, — оба подпевалы Дукса одновременно отпустили старика. Огромная ручища Свера — он был самым крупным из троицы — ещё и нежно коснулась плеча Полита, будто стряхивала невидимую пушинку. Тот дернулся и сжался в комок.

Фнорре хмыкнул, отпустил руку нервного помощника и ушел вслед за Свером за

перегородку, закрывавшую проход в кабинет. Он, правда, давно перестал быть кабинетом. Теперь это был просто проход в лабораторию самого главного шефа планеты Лес.

Глава 3. Эрвин

Эрвин проснулся как от толчка. Только что спал, но открылись глаза и — ни одного воспоминания из сна, ранний зелёный свет из окошка заливает комнату, над головой знакомый потолок. Каждая жилочка огромного листа гигантского клёна как родная, складывается в рисунок — вот большой самолёт раскрыл пасть, из неё торчит полусъеденный детёныш. Или это мелкий дракончик. Вот кувшин с крышкой, слева — россыпь звёзд.

Каждый день перед глазами эти рисунки, видены множество раз. Бесконечный, утомительный миллион раз. Всё знакомо до зубовного скрежета, и так же до скрежета ненавистно.

Эрвин скривился.

Пожелать бы кому-то доброго солнца над Лесом, доброй воды. Пожелать бы, да рядом никого. Новый день в одиночестве. Обычный, привычный, как тысячи прошедших.

Вздых оборвался на середине — что-то тяжёлое упало сверху, запечатав дыхание, забив мехом рот и нос, перекрыв кислород тяжёлой тушей. Секундное замешательство, и опытный воин и охотник понял, чья шерсть залепила рот и лицо. А раз так... Резким движением обхватил зверя, одновременно переворачиваясь и подминая под себя Арту. Прижал её всем весом к кровати, и в живот ему вонзились острые рысьи когти — зверюга отчаянно отбивалась задними лапами. Пришлось прижать ещё сильнее, да, видимо, перестарался — у наглой кошачьей морды что-то хрустнуло, послышался тонкий, придушенный визг.

Эрвин ухмыльнулся и ослабил хватку. Смешная! Неужели до сих пор верит, что может его застать врасплох? Что он не среагирует? Жаль, конечно, если помял немного, но зато запомнит.

— Эй ты, старая самка цуккана! — Эрвин привстал и вытащил из-под себя подвывающую страдалицу за загривок.

Она извернулась, пытаясь цапнуть за руку, но, потерпев неудачу, обвисла мешком, посмотрела укоряющее и отвернулась. Обиделась, наверное. Выглядела повисшая рысь забавно, словно котёнок-переросток: свесив лапы, отвернув морду и подметая пушистым хвостом пол.

— Ты мне ещё пообижайся, цукканово отродье! Прыгаешь мне на брюхо, когти пускаешь в ход и думаешь, не получишь отпора?

Арта только сильнее дернула хвостом, но лобастую голову так и не повернула.

— Ладно, прощаю, — проявил Эрвин великодушие и отставил большущую кошку в сторону, — давай сделаем зарядку и пойдём завтракать.

Эрвин одним прыжком выскочил из кровати, влил каплю сілы в постель, и та мигом пришла в порядок — колонии пушистых бактерий очень любили сіловую подпитку. Эрвин вздохнул. Он как добрый хозяин всегда подкармливал свои растения и животных, не жадничал. Да и сілы у него было на двоих, а тратить некуда.

Вздохнул, покругил шей разминаясь и упал на пол.

Перекат, стойка на лопатках, мостик. Покрутиться на голове в одну и в другую сторону. Вскочить, пара выпадов против невидимого противника. Упор лёжа, стойка, отжимания. Примерно на двадцатом на спину осторожно забралась Арта, балансируя при движениях хозяина и вцепляясь в его одежду острыми когтями.

Эрвин улыбнулся и сморгнул пот, продолжая упражнения — он знал, что рысь не обиделась по-настоящему, а рысь знала, что хозяин не по-настоящему сердился на неё. Это был их привычная игра, за которую человек был благодарен своей питомице.

Иногда, как сегодня, он думал о том, как начиналось бы его утро, если бы Арта не держала бы его в тонусе своими внезапными нападениями. Как было бы тоскливо открыть глаза и увидеть знакомый до боли потолок, хоть и ни в чём не виноватый, но ненавидимый глухой, придушенной ненавистью, увидеть в большом окне знакомый зеленоватый свет Звезды, проникающий через зелень родного Леса. И не радоваться всему этому, лежать на упругой пене колонии постельных бактерий и раскисать от жалости к себе, от безделья, от одиночества.

А иногда, после очередного утреннего нападения, Эрвин размышлял, пытаясь найти систему в этих наскоках. Зверушка иногда изобретала что-то новое, а иногда использовала уже опробованное раньше. Как она выбирала, с какого способа начать день, было непонятно. И сколько Эрвин ни пытался предугадать, ещё ни разу не преуспел.

Окончив зарядку, прямо так, с рысью на спине, пошёл к душе. Зверь, поняв, куда направляется, мягко и неслышно, несмотря на свой немалый вес, соскочила на пол, подошла к лестнице с явным намерением спуститься и мякнула-проскрежетала, с укором глядя на человека. Мол, пока ты тут балуешься, капризничаешь, тратишь воду, бедная рысенка умирает с голоду. Села и выразительно глянула вниз, а потом перевела вопросительный взгляд на человека.

Но Эрвин только улыбнулся и нырнул за загородку душа. Дёрнув за висюльку, стал под прохладные, освежающие струи. Сначала это было приятно, но вода всё лилась и лилась, оставаясь всё такой же прохладной.

Нос, уши и руки стали мёрзнуть. И, хотя брюхо душевого зверя почти уже не свисало из отверстия в потолке, воды в полостях было всё ещё много. Было жалко терять столько ценной влаги, и потому расточительный хозяин влил целую струйку сілы в душевого. Тот довольно хрюкнул и содрогнулся, а вода заметно потеплела, и Эрвин под конец даже согрелся.

Собирая лишнюю влагу с тела большим куском улиточного молчала, он вспоминал те времена, когда душевой зверь был совсем маленьким. Тогда воды едва хватало умыться и набрать кувшин для питья на весь день. В груди у Эрвина зашевелилось что-то теплое и пушистое.

Когда друзья только-только привезли двоих душевых зверей, они были маленькими, с ладонь взрослого мужчины. Это вынули из корзины и его глаза-щелочки подслеповато смотрели на непонятный мир, большой рот чмокал толстыми губами, а сам сонно тянулся к Эрвину, взмокшему после пробежки по Лесу, своей влажной кожей заставляя малютку волноваться.

И отверстие тогда в крыше сделали маленькое, чтобы рыхлая полая тушка не могла провалиться внутрь. А теперь? Раздобрел водяной — на полкрыши разросся, и воду льёшь-льёшь, а она всё не заканчивается. Хорошо, что кухонный водяной так не вырос.

Эрвин боролся с жалостью к животным. Разум твердил, что перекармливать их сілой — и младенцу известно — не на пользу, это баловство. А не мог пройти мимо и не угостить каждого. А всё оттого, что вполне представлял, насколько была бы безрадостна жизнь без них.

Мелькнула рациональная мысль искупать Арту, но пришлось отказаться от неё как от

недружественной — страдающая кошачья морда, заглянувшая в душевую из-за перегородки, и новый скрипучий, наполненный укоризной крик напомнили одному медлительному человеку о его жестокости.

Не то, чтобы Эрвин почувствовал себя экзекутором, пытающим животное голодом — всё же рысь не выглядела недокормленной, — но вот чувство, что подводит друга своими задержками, заставило поторопиться. Впрыгнул в свежую одежду, а вчерашнюю побыстрее запихнул в стиральный бак: не забыть бы вечером вытащить и развесить для проветривания — стиральные бактерии оставляли неприятный кислый запах, очищая одежду.

Арта ждала преданно, хоть и нетерпеливо — переминалась с лапы на лапу, недовольно топорила усы, но не спускалась. Но стоило Эрвину появиться из-за перегородки, как желтая тень метнулась вниз, к кухне. И человек, чуть придержавшись за лианную веревку, спрыгнул за ней следом.

Проходя на кухню через оранжерею, остановился возле персикового деревца. Самый нижний плод уже созрел и просто просился в ладонь. Эрвин подержался за него, тронул пальцем нежный пушок на боку и... не сорвал. Сладкое было его слабостью. А слабости нужно, если не искоренять, то уж контролировать точно. И поэтому он отказал себе в лакомстве: самодисциплину никто не отменял.

Бросив прощальный взгляд на фиолетовый бок персика, пошел дальше. Провел рукой по острым усам колосьев пшеницы — вот то, что нужно сейчас. В зернах много белка и клетчатки, а растут они быстро. Мужчина ножом срезал колосья, собрал их в охапку. И, как всегда, позаботился о завтрашнем дне: отшелушил и сразу же воткнул в землю несколько спелых зернышек, полил усиленной водой из развешенных там и тут сосудов.

Рысь боднула под колено, и Эрвин покачнулся и чуть не рассыпал спелые колосья. Шикнул на рысь и всё же добавил каплю сілы в новый посев — следующий урожай поспеет уже через неделю.

На небольшой кухне, занимавшей всё основание дома-купола, царил идеальный порядок. Привычка к порядку ещё с воинской службы в этой непроглядной череде одинаковых дней стала якорем, базой, на которой строился быт.

Для Арты, ну и для себя, конечно, в холодной кладовке Эрик взял мясо, что осталось после последней охоты. Постоял над полкой, вспоминая, как здорово они в прошлый раз порезвились и как удачно поохотились. Как плыли на Северный Полярный остров наперегонки, вода с каждым движением рук становилась всё холоднее, обжигая кожу, а над ними летела его дракониха. И в её клетоте слышался такой же, как в их дружеской компании, смех.

Сколько можно маяться? Надо взять себя в руки и перестать хандрить!

Эрвин вздохнул и быстро приготовил завтрак — дела не ждали: сегодня нужно осмотреть свой участок Леса, проверить нет ли где возгораний, зафиксировать это в отчете и отослать его в Центр, гранд-шефу. Руки занимались привычным делом — чистили, нарезали, мыли, — а в голове роились хмурые мысли об этих отчётах. Какая же цукканова чушь! Будто старый червивый гриб, глава Дукс, будет читать проклятые отчёты!

Руки тонко шинковали мясо, поливали его соком лимона, потом, когда над блюдом закурился парок, — соком красного перца, присыпали ароматными травами и через пятьдесят ударов сердца — сбрызнули молоком одуванчика, чтобы нейтрализовать лимон и перец. Нос уловил, как изменился запах мяса — уже пахло съедобным, вкусным, и уже слюна наполняла рот.

Ногой приходилось придерживать Арту, которая с пола пыталась дотянуться и стащить вкусненькое со стола — она тоже любила мясо с едкими соками и молоком одуванчика. Но Эрвин почти не обращая на неё внимания, продолжал резать плоды и травы, чистить злаки, поливать всё липким приятно пахнущим белковым киселем.

А в голове — Центр, Дукс, служба, жители Леса...

И только когда микроволновка забарахлила, Эрвин вернулся из мыслей о бессмысленности службы на свою кухню. И дети знали, что в Великом Лесу-Прародителе, в Лесу, который разумен настолько, насколько может быть разумен огромный живой и сложный организм, состоящий из разумных людей, неразумных животных и растений, пожара быть не может. И зачем защищать Лес, если он не может загореться? Цуккана тебе на голову, трусливый ржавый гриб Дукс!

Микроволновка лежала на узеньком кухонном столе и не желала открывать рот, косясь на хозяина. Не помогли ни капля силы, ни щекотка под носом, отчего эта братия морщилась, но мигом открывала греющую полость. Подступало раздражение от голода, да ещё и Арта... А где Арта?

Эрвин оглянулся — зверя не было. Только что терлась о ноги, мурчала и пыталась острым когтем утащить со стола пласт мяса, а сейчас пропала. Ни под столом, ни под стульями, ни в холодной кладовке за неплотно прилежавшей перегородкой её не было видно. В душе привычное уныние всё отчётливее перерастало в мрачное злое раздражение. Мало было упрямой микроволновки, так ещё и что-то напортит голодная рысь!

Но не успел Эрвин не только разозлиться как следует, но даже двинуться с места, как большая жёлтая кошка свалилась откуда-то сверху на хозяина, едва не опрокинув столик. Но её всаженные прямо под хвост зверю-разогревателю когти произвели нужный эффект — может, от боли, а может, и от неожиданности, упрямец всё-таки распахнул рот.

А Эрвин рефлекторно среагировал на внезапное движение — резко задвинул в открытую пасть блюдо с едой. Микроволновка с несвойственным ей хищным щелчком захлопнула рот, нахмурила свою обычно мало эмоциональную морду и стала краснеть, немного раздуваться и мелко подрагивать. Процесс пошел — зверь прогрел пищу, создавая микровибрации, а значит, завтрак сегодня всё же будет.

Человек почесал свою верную помощницу за развесистым ухом и снял её со стола. Всегда думал о ней, как о маленьком несмышлёном котёнке, а она снова и снова удивляла и радовала своей сообразительностью и преданностью.

Морда, которую рысь немного отвернула в сторону, чтобы подставить шею под ласку, была довольная, глаза блаженно прищурены, хриплое мурчание наполняло всю кухню, забиваясь, казалось, под потолок и добавляя дрожи к той, что уже выдавала микроволновка.

Эрвин посадил помощницу на сиденье у стола и как приз отдал ей образки мяса. Рысь больше любила приготовленное мясо — вот ведь испорченное цивилизацией зверьё! — но сейчас и от сырого не отказалась.

И мужчина снова засомневался — ему ли она помогала? Может, просто очень хотела есть? Нарезая зелень, мужчина поглядывал на упрямую микроволновку — не прекратит ли она вибрировать раньше времени? Но нет, она работала исправно. Всё ещё с опаской щелкнул её по носу, подсказывая, что пора остановиться. Но любимая кухонная помощница больше не упрямилась и исправно открыл рот. Всё же когти рыси под хвостом хоть и жесткий, но эффективный способ лечения своевольных нагревателей еды...

Эрвин вынул блюдо и переставил его на стол. По кухне поплыл волнующий аромат

маринованного запечённого мяса.

Рысь вытянула шею к блюду, жадно втягивая воздух носом и топорща усы, но воспитанно не пыталась подцепить когтем мясо, а сидела неподвижно, будто вырезанная из редкой породы дерева. Она, внимательно прищурившись, наблюдала как большая половина блюда перекачивается в её миску. Хоть она и маленькая, хоть и вредная, а есть ей нужно не меньше, чем человеку. Только ей удобнее это делать внизу, и потому Эрвин поставил посудину на пол, а сам уселся за стол.

Арта мягко спрыгнула со стула. Смотреть на то, как она ест, можно было бесконечно: аккуратно, неспешно, наклоняя голову то вправо, то влево, смакуя и жмурясь от удовольствия. Такому аппетиту можно было позавидовать. Опять тяжкий вздох сожаления вырвался мимо воли: как бы Эрвин ни хотел есть, так наслаждаться едой у него не получалось.

Подцепляя палочками еду и неспешно прожёвывая, он размышлял о том, что его Арта — идеальный напарник. Ест то же, что и он, условий особых не требует, тренируются они вместе. Зверь понимает его, как никто. Хотя как раз это и не удивительно — рядом никого больше и нет. На службе, опять же, помогает.

Служба... Какая это служба? Опять мысли свернули не туда, и тоска приливной волной залила душу бывшего воина. Нет, не надо об этом. Лучше думать о своей Арте — его спасении. Без неё Эрвин вообще зачах, как ветка без Леса. И вот ещё что хорошо — не болтает много. Совсем не болтает...

А так иногда хочется не только самому говорить, но и послушать кого-то!

Странно это.

Много лет назад Эрвин страдал от многословия людей, окружавших его, мечтал уйти в рейд и отдохнуть в тиши и одиночестве. А теперь с тоской смотрит на молчаливое животное, свою рысь, и мечтает, чтобы она заговорила. Как меняется жизнь: мечта осуществилась, а он не рад.

Эрвин невесело усмехнулся. Прожевал последние зерна и отнёс блюдо к мойке. Арта подняла голову, проследив за его движением, облизнулась и продолжила есть. Она всегда это делала медленнее и "вкуснее" человека. Да её просто можно было брать за образец того, как надо наслаждаться жизнью — хоть едой, хоть игрой, хоть Лесом, хоть полётом.

А Эрвин не мог. Не мог и не хотел наслаждаться всем этим, и от этого ещё сильнее мучился.

Огляделся — кухонька небольшая, небогатая, за стенами — оранжерея. Маленькое темноватое помещение, скобы у самой холодной кладовки ведут на второй уровень, мебели минимум, утварь — только самая необходимая, а много необходимого и вовсе нет.

Мужчина хмыкнул.

Сначала нехватка самых простых и обыденных вещей вгоняла в тоску, потом, когда обжился, когда появилось свободное время и возможность, всё откладывал изготовление на потом, а сейчас уже привык к тому, что есть, и ничего не хотел менять.

Провел ладонью по невыглаженной, шероховатой и пористой стене кухни...

Как трудно всё это строилось!.. После заброски сюда работал, не разгибая спины, спал практически в Лесу, видя сквозь кроны деревьев в ночном небе звезды, и ждал, пока выделенная немногочисленная колония строительной смеси взрастит купол его дома.

«Вы люди военные, привычные к невзгодам походной жизни, — вещал только-только ставший во главе форума стейтов Дукс, — вам не привыкать! Ресурсы Леса-Прародителя

ограничены! Мы все должны ценить его дары и бережно относиться ко всему, что нам даёт наш мир! Больше строительной биомассы, чем положено на одного человека, Эрвин вам выделить не могу, вас и так много. Поэтому находите возможности сами, изыскивайте внутренние резервы. Любое дерево гигантского клёна даст вам свои листья. Не пропадёте!»

В чём-чём, а в этом старый мухомор оказался прав — не пропали.

Листья приходилось таскать на драконихе, привязывая их к гондоле. Бедняга Санна! Хотя, если смотреть с другой стороны, то ей повезло. Ей повезло, как не повезло большей части боевых драконов — её удалось спасти. Но видеть, как она, будто простая наземная ящерица, таскает на себе материалы, чтобы построить хоть какое-то жилище для человека, — было невыносимо. Это было... унижительно для гордого боевого животного! Это как тончайшими лабораторными приборами обтёсывать стены нового купола. Боевой дракон, а работает как простой извозчик!

Но каждый раз, как сжималось сердце при погрузке или разгрузке старушки Санны, Эрвин говорил себе — она жива, вот что главное. А ведь многим товарищам, выбравшим жизнь в стейтах, пришлось собственными руками убить своих драконов. А что такое для воина убить своего дракона? Это значило предать дружбу, боевое товарищество, предать себя...

Ему не пришлось, но свою цену Эрвин тоже заплатил, и потому строил свой первый купол на отшибе, на северо-востоке континента, где людей на ближайšie десятки миль нет, где климат Холодных Северных Лесов довольно суров. И строил купол не потому, что нашел пару или ему очень нравилось место. Нет, ему выделили этот участок как самый дальний от Центра.

Как ни странно, но самому было не так больно возвращаться к тому, что знал с детства. Легко вспомнились отцовские уроки, и Эрвин разводил оранжерею с домашними растениями, которые, он знал, при должном уходе в состоянии его прокормить. И потому упорно копался в земле. А ещё — выращивал и воспитывал бытовых животных себе в помощь, растрчивая даровую и никому теперь ненужную силу. Занимаясь этой работой, легко было себя обмануть, сказав: что ж такого? Бывает. Просто поменялась служба.

А вот за Санну было обидно.

На участке, нарезанного ему для «охраны от пожаров», далеко за Срединными Альпами, такими высокими, что даже легкокрылая Санна предпочитала обогнуть их, чем перелетать поверх, гигантские клёны не росли. Слишком уж для них был суровый климат — сказывалась близость Северного Полярного острова.

И когда Эрвин это понял, то слова Дукса о том, что любое дерево клёна подарит им свои листья, наполнились новой унижительной издёвкой. Любое дерево, до которого ещё лететь и лететь. А с первого же дня ссылки нужно было отправлять отчёты в Центр, лично Дуксу, о том, что возгораний Леса нет. И никого не интересовало, что новому "пожарному" где-то надо жить, чем-то питаться, но если двое суток от него не прилетел голубь с почтой, то к нему прилетали подручные главы и без разбирательств уничтожали и самого Эрвина, и Санну.

Вот и приходилось выкручиваться — летать в более южные широты и работать на сборе листьев, чтобы взять пару из них в оплату. Этот ресурс Леса был слишком ценен, чтобы раздавать его просто так всем желающим, поэтому существовало правило: хочешь получить — отработай. В этом тоже была издёвка — любое дерево могло дать свои листья, да только не дерево решало давать или нет.

И человек с драконом отработывали — Эрвин грузил, она таскала. Потом летели к своему участку Леса с одним листом побольше или несколькими поменьше, что давали в оплату, разгружались, патрулировали, отправляли весть, что всё тихо, и летели обратно в южные широты. И снова грузили, таскали, складывали...

Вот так Эрвин обзавёлся первой партией листьев, из которых потом сделал стол, три стула и кое-какую другую мебель. Самые первые заработанные листья, сложенные шатром, какое-то время служили ему домом. Именно они, неправильно высушенные и необработанные сразу же после сбора, потеряли форму и ни на что больше не годились.

И когда пришлось ими топить, чтобы обогреть оранжерею с молодыми и ещё слишком ранимыми растениями, в душе разгоралась горечь — Санна, боевой дракон, товарищ по воинской службе, таскала дрова, дрова невероятной ценности!..

Но уже была оранжерея, пусть ещё полупустая, не заросшая, как сейчас, густой плодородной зеленью, уже были эти стены из губчатого материала. То есть, было где жить и было что есть.

А когда их не было, ночевать приходилось в хлипком шалаше из ещё чуть гнущихся листьев гигантского клёна. Наутро, перед отправкой на заработок, Эрвин проверял, как в выкопанных под фундамент дома траншеях растёт строительная биомасса. По капле, осторожно, вливал сілу. Потом засыпал туда же тонким слоем измельчённые зелёные растения. И с ожесточением и обидой думал, как обустроится, наладит хозяйство, как будет тут здорово и как он станет жить здесь, счастливый.

С детства, благодаря отцу-фермеру, Эрвин знал, что в строительстве нельзя перекармливать бактерии, что нужно поддерживать равномерный рост, чтобы микроскопические строители выгнали «ножку» нового купола ровной, со стенками одинаковой толщины. И только когда её уровень достигнет нужной высоты, вливать сілу большим потоком и под завязку и в стену, и в биомассу, чтобы получить второй ярус дома — сам купол.

И Эрвин не высыпался и не доедал, разрываясь между патрулированием, заработком материалов и возвращаем купола. И уже тогда поговорить было не с кем — друзья, кто не отказались от своих драконов, были далеко. Их разбросали в самые удалённые участки Леса, подальше друг от друга.

Эрвин скривился. Какой-то сегодня странный день... Никогда не было особой радости в изгнании, но сегодняшнее утро просто невыносимо — сплошные горькие воспоминания. Блюдо давно было чистым, Арта внимательно смотрела на человека, облизываясь, а Эрвин всё стоял, опершись о края мойки, и тяжело дышал.

Один.

Один навечно, запертый здесь, в этом уголке Леса, никому не нужный, всеми забытый...

В груди росло желание всё разрушить, сломать, раздавить. Яростно хотелось подраться. Эрвин со злостью стукнул по столешнице, и одеревеневший лист затрещал. Да плевать! На всё плевать!

Отфыркиваясь от сильных эмоций, Эрвин выбежал из купола, ворвался в загородку к дракону и, почти не глядя, набросил упряжь ей на спину. Резко дернул узлы постромков и в один прыжок оказался в гондоле.

Старушка Санна всегда хорошо чувствовала удила и теперь, стоило лишь их тронуть, хлопнула крыльями и взмыла ввысь, будто сама с нетерпением его ждала. Эрвин едва успел

ухватиться за край, чтобы не упасть.

Санна, будто чувствовала, что именно нужно человеку, и летела так быстро, что, бешеный ледяной ветер выдавливал слёзы из глаз, смывая их к вискам, холодил так, что Эрвин вмиг замёрз. Дыхание сбивалось, гондолу качало так, что пару раз «пожарный» только на рефлексках удерживался внутри. Как удержалась Арта, прыгнувшая в гондолу следом за хозяином, было вообще неясно.

Когда кульбиты сердца пришли в гармонию с кульбитами скачущей по воздушным ямам гондолы, боль в груди стихла, дышать стало легче, и Эрвин чуть натянул повод. Дракониша уменьшила ход, и движение стало более плавным. Вокруг было чистое, яркое, без единого облачка небо, и Эрвин смог осмотреть Лес.

До самого горизонта, до тонкой полоски горного хребта впереди, везде, куда доставал взгляд, расстилались пушистые зелёные холмы крон, сверху похожие на мягкий мох. Ни дыма, ни огня. Святой Лес! Да откуда бы здесь взяться огню? Это же не просто лес, это Великий Зелёный Лес-Прародитель!

Но приказ есть приказ — нужно осматривать территорию, и Эрвин осматривал. Нужно отправлять отчёты в Центр? Да пожалуйста! Будут вам отчёты.

Когда Срединные Альпы превратились из гряды едва видимых пирамидок во вполне различимые вершины, где каждая была особенной и неповторимой, Эрвин натянул повод и заложил вираж к океану. Стоило пройти ещё и над береговой кромкой материка. И это уже не для патрулирования, а для себя. Такая вот маленькая радость службы.

Теперь Эрвин мог дышать ровно — и сердце успокоилось, и ветер не мешал смотреть. Правда, было холодно, но на такой случай в гондоле всегда был тёплый плащ из шкур диких животных, и Эрвин вытащил его из-под свернувшейся клубком Арты, натянул на плечи. Вообще отлично!

На случай аппетита, всегда просыпавшегося в полёте или при таких вот эмоциональных встрясках, тоже был запас. И Эрвин им воспользовался, вытащив мешок с едой. Сухие хрустящие брикеты из злаковых, сушёное мясо, усиленная для человека вода — всё, что нужно для счастья. Арта и сейчас не отказалась перекусить, и пока человек впитывал красоту и величие окружающего мира, тихо грызла свою долю.

Океан показался довольно быстро, и там, где округлость планеты уходила за горизонт, стала видна белая полоска — Большой Полярный остров. Посматривая на Лес внизу, Эрвин любовался тем, как на горизонте растёт тонкая белая полоска. Сейчас она казалась тонкой и гладкой, как какое-нибудь хрупкое сладкое лакомство, хотя на самом деле представляла собой огромный остров подо льдом и снегом.

Когда еда приятно осела в желудке, Эрвин свернул к дому, и растущий прямо по курсу Полярный остров с грядой острых скал, бегущих от материка к тому, белому и холодному, остался на траверзе по правую руку.

Жаль! Эрвину нравился этот вид, но нужно было маневрировать с Санной, и всё внимание пришлось обратить на то, что было внизу, под гондолой.

Как следовало ожидать, очагов возгорания ни в континентальном Лесу, ни вдоль побережья Эрвин не обнаружил и повернул дракона к дому. Старушка Санна радовала своей отзывчивостью, ветер, бивший в лицо, яркое солнце, не притенённое Лесом, голубой купол неба над головой поднимали настроение, и даже какой-то кураж звенел в душе, толкая на безрассудство.

Приземлившись, Эрвин отпустил драконишу погулять, поохотиться в Лесу, отдохнуть, и

с усилием преодолевая нежелание, как за наказанием, поплёлся в башенку, что одиноко торчала над маленьким куполом его дома.

Из лотка, сооруженного из сот крупных лесных ос, вытащил почтовый бланк Центра. Эти, из Центра, всегда бланки доставляли в таких количествах, хоть стены башни оклеивай — и внутри, и снаружи. Да уж, бумагу в офисе Дукса не экономили. Для такого дела, как бюрократия, ресурсов Леса-Прародителя, видимо, хватало.

Чернильная ручка — ящерка с бледным и пустым, будто увядшим, хвостиком — приоткрыла глаз, лениво оглядела его, но не сделала ни одного движения. Эрвина бросило в краску: это его вина! Зверёк не ленился, он был попросту голоден до изнеможения — человек редко забредал сюда, и малыш жил впроголодь. Эрвин поторопился и влил так нужную сейчас, живительную каплю силы.

Хвостик ящерки сразу затвердел и заострился, потемнел от чернильного сока — маленький зверёк блеснул глазом, приподнял мордочку, показывая, что готов работать. Эрвин вздохнул и записал привычную, много лет неизменную формулу: «Очагов возгорания над патрулируемым районом не обнаружено». Поставил дату, время, своё имя.

Клетку с голубями Эрвин принёс собой. Вынул оттуда одну птичку, прикрепил к лапке ампулку с запиской. Погладил подушечкой большого пальца малышку по блестящим пёрышкам. Сердечко билось заполошно, крылышки подрагивали. Бедняжка, чего же ты так боишься? Дунул легонько, делясь силой. Теперь испуганное животное полетит туда, откуда были привезены бумаги, то есть в Центр, к Дуксу. Эрвин подошёл к круглому проёму окошка, выпустил голубя и проследил, как она скрылась в листве ближайшего гигантского растения.

Тяжёлый вздох вновь вырвался из груди — опять в голову лезли мысли о том, что вряд ли его писульки кто-то читает. Эрвин бы точно не читал. Столько лет одни и те же слова. И намного лет вперёд известно, что такими же они и будут.

Настроение, и так не самое лучшее, сразу упало.

А если кто-то и читает, то уж точно не Дукс, цукканов сын! Запер каждого из последних воинов по периметру Великого Леса, а его, Эрвина, и вовсе за грядой Срединных Альп Горечь разлилась во рту — да, Эрвин был признан самым опасным. Как же, бунтовщик! Ну так взбунтуемся!

Дурная удаля ударил в голову, делая мир дрожащим и чуть туманным. И Эрвин выхватил бумажки из ячеек своих друзей, таких же «пожарных», и на кураже, не раздумывая долго, настроил всем одинаковые послания, не мешкая, отправил с оставшимися голубями. А сам, предвкушая встречу, помчался в оранжерею собирать созревший и не очень урожай, а потом — в кухню, готовить.

До следующего отчета три дня, и все три можно провести весело!

* * *

Самым первым отозвался, как ни странно, Матвей. Хотя ничего странного в этом не было — он жил дальше всех, на противоположном краю континента, и соблюдал неписаное правило, которое установил себе сам: всегда сообщать о своих визитах.

От него весточка пришла первой только потому, что он сначала выпустил своего голубя с короткой запиской, в которой значилось одно слово: «Лечу!», и только потом пошел

собираться. А остальные друзья наверняка не стали тратить время на писульки, а сразу забросили походные сумки в гондолы и принялись запрягать драконов.

Правда, и голубя Матвея Эрвин увидел случайно, когда вышел в Лес за хмельной травой. В душе нарастало азартное предвкушение, от которого губы разъезжались в улыбке, зелень в Лесу пахла по особому, даже цветочки, которых раньше Эрвин не замечал, так качали своими головками, что хотелось обнять весь Лес и скакать с громкими криками.

Это чувство было знакомо — радость от скорой встречи! И потому стоило запастись хмельным соком впрок. Повеселятся, поговорят, да и на славную охоту отправятся на Полярный остров. Надо оторваться, надо погулять, надо зад надрать цуккану и всем его детям!

С такими боевыми мыслями Эрвин живо собирал хмельные травы — и лихоту, и балдер, и гровь, предвкушая радость встречи и веселье. И то, что за такими мыслями заметил голубя от друга, задрав голову вверх, к плетущейся ветви лихоты, было маленьким чудом. Внутренняя дрожь заставляла суетиться и нелепо спешить, ронять соцветия, пропускать плоды и не сдерживать неуместный смех. Мысли радостно и бессвязно скакали в голове, будто Эрвин уже напился хмельного сока. Но старая выучка никуда не делась — нужно приготовить оружие, сети, снаряжение для холодных широт, всё уложить в гондолу, а потом уж добавить хмельной силы в соки!

Весь день азарт, предчувствие охоты и возможности отвязаться по-крупному горячили кровь, заставляли плясать на месте от нетерпения и делать дневные дела с забывшейся энергией и жаждой действия.

К вечеру прилетели один за другим Джолли и Андр. Андр, из-за своего голоса предпочитавший больше слушать, как всегда, помалкивал, но балагурящий Джолли вполне справлялся за двоих, не прекращая сыпать вопросами и шутками. Хотя порадовать рот соком, а голову хмелем оба спешили одинаково и не стали отставать от хозяина, выпив махом по две кружки. И когда совсем перед закатом явился на своем ярко-зеленом драконе Тимон, пустые ёмкости от хмельных соков впечатляли количеством.

Не жалко, зато весело!

Джолли, не заметив Тимона, рассказывал:

— Братья-человеки! Как-то пошёл я на Лесную тропу, да встретил по пути другого охотника. Я у него спрашиваю: «Какие дикие звери тут водятся?», а тот надувается, словно здоровенная жаба!..

И Джолл раздул щеки, изображая важного толстого охотника. На его узком лице это смотрелось нелепо. Андр с каменным выражением потягивал из чаши, не так желая пить, как спрятать лицо, а вот Эрвин таки не сдержался и хмыкнул.

Заметив это, рассказчик сам не выдержал и засмеялся, сверкая белоснежными зубами — они ярко сияли на фоне его загорелой кожи. Потом качнул головой, будто сам себе не веря, и продолжил:

— Говорит так важно, глаза на меня пучит: «Само собой. Я в поселении первый Охотник, все тропы окрестного Леса знаю, как своё колено! Я тебя выведу...», ну я и пошел за ним. Тихо так, чтобы не спугнуть здорового зверя. А этот идёт впереди и всё на меня оборачивается удивлённо. Наверное, удивлённо. Кроме него, верно, никто по Лесу тихо ходить-то раньше не умел. Я иду, посмеиваюсь. А он раз — присел, как упал, рукой машет: тихо, вниз! Я не понял сначала, тоже присел. Сидим. Молчим.

Джолли хлебнул хмельного сока, сверкнув из-за края чаши тёмными глазами. Андр всё

же не смог сдержаться — стал посмеиваться потихоньку. Он знал, что что-то будет и предусмотрительно поставил чашу на стол.

А Эрвин отвлёкся на Тимона — тот выглянул из-за входной перегородки, но движением кисти попросил молчать, чтобы не прерывать байку. И улыбался, застыв в ожидании — тоже знал, что ждёт впереди.

Джолли хмыкнул, сдерживая смех, отставил чашу и продолжил:

— Я его спрашиваю еле слышно — чего, мол, сидим? А он шепчет: «Тш! Тихо! Я тут в прошлом году видел здорового плотоядного червя чхло». Я так удивился и тоже шепчу: «Что? Привязанного?!»

Мы покатались от хохота, Джолли — первый. Тимон, посмеиваясь, наконец вошел в мою маленькую кухню, обнял каждого, поприветсуя, похлопал по спине своей здоровой лапицей. А Джолли, самого младшего из нашего большого когда-то отряда, ткнул кулачищем в плечо.

— Ты всё болтаешь, Потные Зубы, — не скрывая удовольствия, припомнил самое дурацкое прозвище из всех, что давались нашему весельчаку.

Тот вскочил, как ужаленный лесной крапивой.

— Что?! — гнев исказил его черты, и он стал наступать, явно напрашиваясь на драку. Его движения мгновенно приобрели грацию хищники, став осторожными, крадущимися. Мы с Андром переглянулись, прижались к стенам и замерли. — Кого ты так назвал?!

— Так не солгал ведь. Вечно ты скалишь зубы! — также разъярясь, набылся Тимон и боком, не сводя насторожённого взгляда с противника, мягкими, плавными шагами пошел вдоль изгибающейся кухонной стены, отступая от Джолли. Лыдистые глаза сверкали задором, а рот подёргивался в усмешке.

Ещё несколько мягких движений обоих, рывок навстречу, и они сцепились, рухнули, покатались по полу, врезаясь в мебель и рыча.

Ещё пара мгновений, и Тимон, мощный и крупный, крепко приложил узкокостного и жилистого Джолли к полу. Широкий локоть пережал горло, и наш весельчак прохрипел, багровея лицом: «Твоя победа!».

Захват ослабел, поверженный хрипло передохнул и подал руку встающему победителю. Оба поднялись с пола, сцепив руки в единый кулак.

— Старый ты гибрид червя и рыбы, Тимон, я же так и не смог тебя победить. Ни разу за столько лет нашего знакомства!

Гигантская рука Тимона приобняла хрупкого на его фоне Джолли за плечо, а светловолосая голова доверительно наклонилась к уху неудачливого противника:

— Тренируйся, может, ещё и поборешь, сушёный зародыш обезьяны.

— Иди ты! Всегда так говоришь, с самой первой стычки!

Эрвин откровенно наслаждался происходящим — это до боли напоминало те времена, когда они все были воинами, уважаемыми мужчинами и служили правому делу. И нытью Джолли Эрвин даже поверил, если бы эта сцена не повторялась каждый раз с тех самых пор как много-много лет назад эти двое впервые столкнулись в драке.

— Не расстраивайся, дружище! — И Тимон повернулся к столу, ища взглядом, чего бы выпить. Эрвин налил новую чашу хмельного сока и протянул с вопросом:

— Ну что? Когда выступаем к острову?

Тимон неопределённо двинул плечом, скроив задумчивое лицо. Джолли и Андр похожим движением развели руки в стороны.

— А давайте поутру? Встанем пораньше и рванём, а? — предложил Эрвин на правах хозяина.

Все оживлённо закивали, дружно поддерживая, со смехом подняли свои чаши.

Друзья... Как же Эрвин был рад их видеть: вечно насмешничающего Джолли, и здоровяка Тимона, и Андра — молчаливого, но надёжного, как скалы Срединных Альп! Радость эта имела заметную горечь, что тяжелой тёмной массой лежала где-то на дне души. И чтобы не замечать её, придавить к этому дну и не пускать выше, чтобы от встречи с друзьями не растрогаться, словно древняя старуха и не пустить слезу, Эрвин предложил всем хмельного сока, и все опрокинули по чаше. Потом ещё по одной и ещё...

* * *

Когда ранним утром, ещё до рассвета, прибыл Матвей, никто никуда уже не спешил и об охоте не думал. И, конечно, никто даже не услышал шума крыльев дракона — разморенные весёлым вечером, затянувшимся до поздней ночи, изрядно охмелевшие, все спали вповалку прямо на моховом полу кухни.

Просыпаться от пинков под рёбра радость небольшая, но и польза в этом тоже есть — искры из глаз хорошо прогоняют хмельной сон.

— Цуккановы дети! — ругался Матвей, расталкивая спящих товарищей. — Разве будет охота успешной, если так набираться?! Как ещё Лес-Прародитель не наслал на вас ливень, чтобы протрезвить! Пьянчуги малолетние!

Эрвин привстал на локте и с большим трудом продрал ставшие почему-то узкими глаза, но сил ответить хватило:

— Всё нормально, Матвей, старый ты п-пень. Мы п-просто отдыхали.

— Отдыхали они! Накачивались хмельным соком, цуккановы дети! Ну-ка быстро в Лес, в холодную воду!

И кого пинками, а кого затрещинами погнал к ручью. Джолли, как самый щуплый, удостоился особой чести — его Матвей тащил за шиворот.

Потом — кому подножка, кому пинок под колени, кому просто подзатыльник, и все гулёны — в ручье. Кто-то резко вынырнул, кто-то забил руками, создавая огромные столбы брызг, а Эрвин поперхнулся: ледяная вода во рту, ушах, за пазухой — отличное пробуждение! И хмель, и сон куда только подевались! Зато появилась злость на того, кто так жестоко вырвал из сладкого забытья...

Мужчины, промокшие, злые, стали выбираться из воды под гневные речи старшего товарища, так и стоявшего на берегу. Джолли умудрялся ещё и переругивался с ним, на ходу отжимая воду с одежды. Но когда Матвей отворачивался, подмигивал таким товарищам и быстро жестикулировал. Свежесть раннего утра и холодная вода сделали своё дело: в головах у всех прояснилось настолько, что эти сигналы все расшифровал верно.

И пока Матвей возмущался попранием древних традиций Леса и охоты, которыми некоторые так варварски пренебрегают, эти некоторые провели нехитрое контрнаступление. И в мгновение Матвей тоже оказался в ручье. Притопив его получше со словами: «Купание перед охотой очищает помыслы, а тебе ещё и рот промыть нужно!» — товарищи со смехом бросились врассыпную, в Лес.

Матвей медленно поднялся и вышел из воды злой, как сто цукканов. Седые волосы

облепили голову и плечи, мокрая одежда — торс и ноги. Он разъярённо пророкотал своим низким голосом:

— Ах вы мальчишки! Ну я вам покажу!

Протрезвевшие пьянчуги затаились, каждый на своей позиции, чтобы напасть на него снова, но старый вояка вдруг завопил во всю глотку:

— По драконам! Вылет через пять минут! Кто самый последний взлетает, тот цуккан драный!

И первый бросился к своей гондоле. И возраст ему не стал помехой. Мы, замёрзшие и бодрые, трезвые как крылышко стрекозы, среагировали быстро и тоже метнулись к своим зверям. Горе тому, кто не приготовил одежду для холодного Полярного острова. Мёрзнуть тому во льдах!

* * *

Охота удалась! Мужчины провели неполных двое суток на снегу и завалили несколько огромных мохнатых животных, обитавших только здесь, на Полярном, несколько зимних птиц, а Джолли ещё и вылавливал из Океана рыбу, орудуя сетью не хуже, чем ножом или луком.

Уже давно была пора возвращаться, но случилась неожиданная неприятность — пока выслеживали и загоняли добычу, пока перетаскивали её к гондолам и распределяли между ними, драконьи подвески примерзли к снегу. И чтобы подняться в воздух, пришлось подтапливать лёд и помогать драконам вытаскивать груз.

Вернувшись к Эрвину, охотники занялись освежеванием и разделкой туш. Что-то развешивали в холодной кладовой, что-то засаливали. Шкуры достались Матвею. Этот умелец готовил их для дальнейшей обработки — присыпал их сухим помётом белых страусаток.

Здесь, на этой широте, их водилось много, и такого добра для обработки хватало. Да и Эрвин, всякий раз найдя его на побережье, где обитали эти крупные морские птицы, обязательно притаскивал к куполу на просушку. Чего только для друга не сделаешь? Хранил, правда, это богатство всё же не в доме — едкие составляющие этого гм... продукта были не только слишком зловонны, но и ядовиты.

Но, просушивая эту вонючую дрянь на полянах подальше от дома, Эрвин знал, что старается не напрасно. Матвей был единственный семейный среди друзей и воспитывал сына. Мальчишка был таким же рукастым и ловким, как его отец, и, наверное, потому овладел редким искусством выделки кож. Обработанные, ставшие мягкими и лёгкими, шкуры высоко ценились, но без раздумий преподносилась Матвеем в подарок то одному, то другому товарищу при встрече.

А мясо охотники делили всегда одинаково: каждый брал столько, сколько ему было нужно, а всё, что оставалось, отдавали опять же Матвею. И не потому, что ему кормить больше ртов, хотя и это тоже. Просто его жена отлично готовила, и всегда могла найти применение любому более-менее съедобному куску, да и друзей мужа всегда угощала не скупясь.

Матвей и улетал всегда первый — ему лететь дальше всех. Старые друзья сожалели, но не возражали — все понимали, что семья ждёт, да и с добычей нужно что-то делать.

Но как-то само получалось, что, едва Матвей покидал Холодные Северные Леса, старые приятели обязательно замолкали и погружались в тоскливые воспоминания. Эрвин не любил и даже боялся таких моментов и на правах хозяина сразу же доставал оставшиеся запасы хмельных соков. И потому гости ещё не скоро разлетались по домам.

Марьята обожала Лес. Обожала, как только может обожать всё самое интересное ребенок. Она уже давно была взрослой, создала семью и даже, что вообще было восхитительно и невероятно радовало, ждала малыша. И это новое ощущение себя в мире делали её ещё более восторженной и ищущей чего-то невероятного. Поэтому она, не дожидаясь мужа, ушла вперед.

Марьята давно была влюблена в Лес-Прародитель, изучала его жизнь и его население — животных и растения. И поэтому любила бродить среди стволов и трав, постоять неподвижно, прислушиваясь к шороху листвы, гулу ветра, щебету птиц. В такие моменты она переставала чувствовать себя маленькой и незначительной, она вообще переставала себя чувствовать, становясь огромной и великой, сама становясь Лесом-Прародителем.

Муж, отличный строитель и любящий мужчина, при всех своих добрых качествах, был ужасно прагматичным и всегда разрушал это волшебство общения с живой планетой, это чувство единения, порождавшее восторг в груди у Марьяты. Нет, он был достойным человеком, и она его любила. Но совсем не так, как Лес.

Поэтому, выходя за границу посёлка сегодня, опять, как в детстве, ожидала чего-то прекрасного. Замерла на пару мгновений: тропы Леса расходились от посёлка в разные стороны, и Марьята после мгновенной заминки пошла вправо, к плотным кустам подлеска. Там всегда можно было увидеть какую-нибудь мелкую живность.

И чудо случилось! Обогнув первый же куст, она замерла от восторга.

Перед ней стояло небывалое чудо — большое животное почти с человека ростом, серое, пушистое. Вот так диковинка! Большая диковинка! А глаза!.. Они были такие большие, милые и в то же время печальные, так умильно смотрели с огромной круглой головы, что Марьяте до дрожи захотелось потрогать, погладить это ласковое и доброе существо.

Но она сдержалась и просто протянула раскрытую ладонь ему навстречу — она была опытной в общении с лесной живностью и уважала всех жителей Леса, а потому предложила существу проявить разум, если оно разумно. Протянутая рука — жест доверия, жест дружбы, жест проверки. А ещё она заговорила ласковым успокаивающим тоном, что восхищена таким замечательным существом, что он чудесный, совершенно новый, ещё не известный науке зверь, и что о нём нужно узнать побольше, что она хочет лишь подружиться и не причинит вреда. Но зверь, неустойчиво стоящий на множестве своих ног, только чуть шевельнул мордой. И на ней появилось какое-то чувство, и от этого зверушка стала ещё более милой и уютной.

Марьята чуть более громко, но певуче, плавно, чтобы не спугнуть диковинного зверя, позвала мужа, который, не увидев её, мог выбрать другую тропинку, и также певуче предупредила, чтобы не шумел и не двигался резко.

И сделала один маленький шаг навстречу зверю. Тот смотрел на неё внимательно и, казалось, вопросительно, но протянутую в жесте дружбы руку игнорировал.

Переполненная радостью от встречи с чудом, женщина сделала ещё один, более уверенный шаг навстречу, улыбаясь всё сильнее — какая радость, какая удача встретить неизвестного обитателя Леса! Чудо, вот же оно! Как она и ждала.

Хотела поторопить мужа, пока зверь не спрятался в чашу, но, боясь спугнуть животное,

молчала и только улыбалась, стараясь не показывать зубы.

Она не заметила молниеносного движения одной из конечностей и рухнула на траву. Под тихий звук бьющей из перерезанной артерии крови радость на её лице сменялась удивлением, а взгляд медленно стекленел.

Хлюпающее чавканье и звук ворочающегося тяжелого тела насторожили молодого человека, который, услышав голос жены, шел к ней от посёлка.

— Марьята, — так же напевно позвал он, вняв предупреждению. — Марьята, где ты?

И зайдя за пышный куст, замер, шокированный отрывшейся картиной. Его охватили боль и ярость, и он закричал, как может кричать только смертельно раненый, но готовый к бою зверь, и тут же бросился на тварь, что сейчас жрала его жену, его любимую, его единственную Марьяту.

Но победить он бы не смог. Даже причинить вред зверю у него не было ни шанса...

В посёлке не подняли тревогу, услышав совсем поблизости это нечеловечески яростный крик разумного жителя Леса, но забеспокоились. Несколько человек, кто ещё не успел разойтись по лабораториям и мастерским, вышли к околице узнать, кто кричал и что происходит. Они-то и стали следующими жертвами зверя.

Те, кто работал в помещениях и ничего не слышал или не хотел отвлекаться от дел, пали последними — справиться зверю с отдельными людьми было несложно. Нашёлся лишь один, который дольше всех сопротивлялся.

Он заскочил в высокое узкое строение, и вытащить его оттуда для Зверя оказалось непростой задачей. Но он проявил достаточно упорства, чтобы не упустить добычу. Из-за этой погони и возни с аппетитным существом Зверь не обратил внимания на птичку, вылетевшую из окошка башни, ведь она была такая маленькая и не обладала ни каплей силы.

А вот сопротивляющийся человек обладал, и немалой. Да ещё его запах страха!.. Он просто притягивал Зверя, как благоухающий цветок — бабочку. И потому всё-таки попался, но голубь, выпущенный последним жителем посёлка Родник, долетел до шефа стейта.

И сигнал Большой тревоги был услышан.

Глава 4. Идона

Идона

Утро началось для неё, когда небо, плохо видимое из-под купола Леса, стало светлеть. Идона сделала разминку и вышла за пределы поселения. Купание в росе, утренний озноб, и вот результат — невероятная бодрость и желание двигаться. Двигаться она планировала по лианам, потому что поставила себе цель — освоить их.

Девушка уже давно наблюдала за дикими животными, которые ловко использовали вьющиеся растения Влажного Леса. И часто обдумывала не только ловкость того или другого их движения, но и более прозаические вещи. Например, какую пользу можно было бы извлечь, владей она подобными умениями. И решила сначала освоить, а потом уж разобраться с тем, куда эти умения применять.

Ничто так не тренирует, как естественная среда обитания. Это она поняла давно, ещё в детстве, когда вместе с другими детьми проходила испытания в Лесу, далеко от их посёлка. Старшие учили, что Лес — колыбель, Лес — Прародитель, он — общий дом для многих живых существ. И если ты живёшь в Лесу, и ты разумен, то должен пользоваться своим преимуществом и выжить там, где живут другие, неразумные, которые могут быть и недружелюбными. Идона убедилась в этом на собственном опыте в одном из первых детских походов в Лес.

Детей начинали выводить за надёжные стены защитного купола поселения рано. Сначала ненадолго и недалеко. Затем всё дальше и на более длительное время. В таких походах дети учились чувствовать Лес-Прародитель, уметь правильно взаимодействовать с неразумными братьями — животными и растениями, присматривались к миру вокруг себя и могли найти свой интерес в жизни.

Именно в одном из таких походов Идона победила хищного муравья-гиганта, из чьего панциря сделала доспехи — свою гордость. Победа над таким крупным зверем была большим достижением для любого сапиенса, а для десятилетней девчонки вообще делом небывалым. Такая победа принесла ей славу на весь Лес-Прародитель и дала повод гордиться собой.

Именно в это время зародились у неё дерзкие мысли о том, что она сможет добиться любой цели, что у неё получится всё, чего она захочет, и что ничего невозможно нет в том, чтобы занять место своего отца во главе стейта.

Однако, в той победе над хищным муравьём был один печальный момент, который она не могла забыть, как ни старалась. Победа та была всё же случайностью, благоволением Леса-Прародителя, а не её охотничьим достижением. Если бы обстоятельства сложились по-другому, не быть ей первым ребёнком, единственной на весь Лес девочкой, победившей огромного муравья.

И когда отшумел триумф победы, утихли отзвуки поздравлений и восхищения людей, она смогла вспомнить каждую минуту боя с диким животным и, наконец, осознать случайность того, что произошло. И когда поняла, что все восхваления были незаслуженными, приняла для себя решение: отныне она будет самой сильной, и ни одна победа не будет случайной. Потому что случай, удача — штука переменчивая. И чтобы быть готовой ко многому, а лучше ко всему, стоило постоянно работать над собой, тренироваться, в естественной среде обитания — в Лесу, где не все к тебе относятся благодушно и где

может пригодиться любой навык.

Поэтому — раннее утро, Лес, лианы.

Изучив как следует все виды гибких растений поблизости от окраины поселения, Идона принялась подниматься по ним, как по трапециям, выше и выше, подтягиваясь, вспрыгивая, вспоминая движения привычных обитателей лиан — пушистохвостых обезьян — и подражая им.

Мышцы приятно напрягались, ладони горели. Она приноровилась к упругости растений, соразмерила усилия, чувствовала, как с каждым движением у неё всё более ловко получается управлять своим телом на таких шатких, неверных опорах. В какой-то момент она почувствовала что-то сродни полёту, и у неё даже дух от восторга захватило. Прекрасно! Всё выходит! И тогда Идона попробовала прыжки на короткие расстояния. Затем зависания, и после — спрыгивания.

Она занималась от восхода до четверти зенита. В духоте верхних ярусов Леса она взмокла, покраснелась и тяжело дышала, но тренировку не прекращала. К тому моменту, когда привычная к нагрузкам кожа ладоней горела так, что, казалось, вот-вот вздуются волдыри, а к потной коже густым слоем прилипли мелкие мошки, она успела сносно освоиться в воздухе. Многие ещё требовало отработки и доведения до абсолютной ловкости, но всё это можно было отработать и довести в другой раз. Сейчас было важно другое: пришел ли ответ из Центра.

Поэтому быстрые прыжки до самого прохода в поселение, её личный душ — привилегия, которую она себе выбила как дочери шефа. Затем — стянуть темные влажные волосы в высокий хвост (это делало её прямоугольное лицо серьёзнее), строгая одежда, которая подобаёт дочери и наследнице главы стейта и, конечно, доспехи. А ещё — немного заживляющей мази из слизи розовых улиток с лечебными травами на ладони и быстро к отцу.

Сегодня она надела наколенники и наплечники, сияющие золотистой полупрозрачной поверхностью. Отражающиеся от неё блики солнца пробегали по зелени поселения и слепили глаза случайным встречным, когда Идона шла по тропке между домов. И это очень поднимало настроение — приятно чувствовать своё превосходство. Да и наслаждение своим великолепием было ей не чуждо.

С тех пор как у неё появилась возможность носить доспехи, она не упускала её ни разу. Полное традиционное облачение было неудобно в повседневной носке, поэтому Идона всегда надевала хотя бы один элемент снаряжения — или шлем, или нагрудник или на крайний случай наколенники и налокотники. И всё потому, что каждый в поселении, да и во всём стейте должен помнить, кто она такая, да и самой себе напомнить кое о чём будет нелишним. А неприятные воспоминания о незаслуженной славе она спрячет от самой себя подальше.

* * *

Ту вылазку в дальнюю чащу Леса, когда на неё напал муравей-гигант, она не сразу восприняла как удачу. Столкнувшись нос к носу с огромным зверем, только голова которого была не меньше её роста, а сила просто невероятно огромна, она не растерялась мгновенно среагировала и атаковала чудовище.

В мечтах Идоны никогда не рисовалась ничего подобного — она, маленькая девочка, смело сражается с гигантским муравьём. Вовсе не за этим она ушла в Лес, подальше от других детей. А чтобы испробовать древний, ещё металлический нож, из той эпохи, когда люди ещё не жили в Лесу.

Вчера она им хвасталась и показывала другим детям, говорила, что отец сам ей дал его в поход, потому что он ей доверяет, как себе, что любит её и для защиты готов пожертвовать самым дорогим, что у него есть. Дети тянули руки потрогать, просили посмотреть, но Идона ловко спрятала своё сокровище обратно в ножны и сказала, что не любой человек может дотронуться до оружия, ведь это опасно. Она может. Потому что она — дочь шефа! А если кто-то это сделает без спросу, того нож может и уничтожить нахала.

Сегодня она благоговейно рассматривала блестящий металл, размышляя, может ли такая вещь убить кого-то просто одним прикосновением, уже сама начиная верить и бояться своих вчерашних слов. Осторожно потрогала пальцем острие и тут же поняла, что поранила кожу. Какой же острый! Или это его собственная воля наказать избалованную девчонку? Сердце застучало быстрее, на лбу выступил пот.

Надо было выполнять задание наставника, но хотелось посмотреть, как металл режет листья растений, их стволы, легко ли входит в землю и вообще — насколько сильно отличается от привычного оружия из камень-дерева, с которым любой знаком с раннего детства.

Она огляделась, нет ли поблизости кого из ровесников. Но нет, всё было тихо, и она присела, чтобы срезать траву у самой почвы, держа раненый палец во рту. В эту секунду чуть шелохнулся куст за правым плечом, Идона мгновенно переполнилась гневом и обернулась, вскидывая нож — надоели, вечно ходят за ней по пятам и подглядывают!

Но на неё из зелёной завесы лиан смотрела жуткая морда огромного муравья. И девочка, действуя на рефлексах, вскочила и развернулась. От неловкого движения, а ещё от ужаса, она едва не упала на хитиновое чудовище. И вогнала нож в глаз зверю...

И когда маленькая Идона, поняла, что её крайне ценное оружие — редкий металлический клинок — торчит из глаза огромного чудовища, которое от боли заверещало, поднимаясь на задние лапы, то почувствовала невероятный, бешеный ужас: что она скажет отцу?!

Муравей, что теперь возвышался над ней на три, а то и четыре человеческих роста и поднял для смертельного удара членистую ногу, пугал не так, как гнев отца и возможные последствия. Ведь нож был непростой. Это была практически единственная металлическая вещь в их поселении.

Старинная, сакральная.

Не её вещь, чужая. Отцовская.

И эта ценная вещь была символом главы стейта, и взята в поход была без разрешения отца...

Шеф Марджн дал ей взглянуть на древнее оружие перед походом. Посмотреть, а никак не поиграть и не прихватить с собой! Но Идона сделала недозволенное, когда отец отвернулся, стащила клинок, взяла без спроса.

И теперь могла упасть в глазах не просто отца, а — что более страшно — в глазах шефа всего стейта! Пропади сейчас этот нож, стейт лишится символа власти и, как знать, не лишится ли она в будущем места, о котором уже сейчас втайне мечтала? Места своего отца?

Ужас и отчаяние, отрезавшие ей все связные мысли, подняли наружу первобытные

инстинкты, какие бывают, наверное, только у погибающего живого существа. И девчонка с яростью сдёрнула с охотничьего пояса коротковатое, но тяжёлое копьё из камень-дерева и с невероятной для ребёнка силой засадила его в грудь муравья.

Ею двигали вовсе не разумные соображения. Она, конечно, знала, что именно там, в средней части, находятся жизненно важные органы, одинаковые как у мельчайших, что встречаются в жилищах сапиенсов, как и у таких гигантов, что возвышался сейчас над ней. Её действиями руководил ужас перед позором. Да и мыслей не было никаких, одно только страстное желание вернуть драгоценный нож.

Удар копья получился сильным и точным — огромный муравей стал падать назад и в сторону. Идона в ужасе смотрела, как теряет равновесие огромная туша, как заваливается, подминая высокие папоротники, как бессильно свешивается гигантская башка, с торчащей из глаза рукоятью отцовского ножа, как в последнем конвульсивном движении содрогаются членистые конечности.

Как во сне, осторожно, на полусогнутых ногах, готовая тут же сбежать, обошла Идона стороной брюшко с ядовитой железой и приблизилась к туше неподвижного зверя. Осторожно взобралась на толстый ус и дотянулась до ручки ножа, дрожа всем телом. Из чащи слышались встревоженные голоса детей и наставников. Она одним рывком выдернула нож, спрыгнула вниз, отёрла и спрятала его в чехол на поясе, не отводя взгляда, полного ужаса, от неподвижного громадного муравья.

Как потом рассказывали наставники, маленькая Идона, будто застыла, закаменела, но не проронила ни единой слезинки. Весь тот день, когда вокруг неё праздновали победу, разделяли тело погибшего зверя на части и решали, что брать с собой, а что оставить в Лесу, девчонка молчала, глядя в пространство, дрожала, снова и снова переживая нападение чудовища. А на следующий день поняла: она — слабачка. Рука, вонзившая копьё в зверя, противно ныла в запястье и плече, в голове крутились произошедшие события, повторяясь снова и снова, а дрожь всё не оставляла её.

Возвращался в поселение детский отряд победителями. Да ещё удачно, что с почтовой башни кто-то увидел их колонну между деревьями и все жители вышли встречать детей. Каждый был нагружен, каждому досталась ноша — хоть небольшой кусочек убитого муравья: кто-то тащил членики лап, кто-то фрагменты туловища или усы.

Идона несла голову, вернее, то, что от неё осталось: пустую хитиновую скорлупу. Вид устрашающих жвал внушал уважение не только к самому зверю, но и к той, что его победила.

Лишь через несколько дней, когда нервы немного успокоились, а отцовский нож вернулся на законное место, Идона наконец в полной мере оценила значение этого события в своей жизни. В их стейте не было человека, который мог похвастать доспехами из гигантского муравья, а она — сможет. Её победа стала событием в жизни стейта, редкостью, диковинкой на весь Лес.

Отец, правда, не казался столь же восторженным, как мальчишки, которых Идона так часто заставляла себя уважать. Но это ничего. Зато теперь никто, ни единый сапиенс уже не сможет поставить под сомнение её силу, даже если той, другой силы в ней почти нет.

И чтобы никто не забывал, что она уникальна, что победила гигантского муравья, что смогла, что у неё есть право считаться наследницей шефа, она и носила эти доспехи. А ещё чтобы напоминать себе — в жизни бывают случайности, и нужно много работать над собой, чтобы они не застигли тебя врасплох.

Отец сидел за огромным столом в большом и светлом помещении, сияющим почти так же как и её доспехи. Как и всегда, Идона вошла, замедлив шаг, чтобы полюбоваться прожилками гигантского кленового листа под полированной поверхностью, а затем с надеждой на хорошие вести подняла взгляд на отца.

— Здравствуй, уважаемый Мариджн, отец мой, — церемонно поздоровалась она. — Какие новости из Центра?

— Здравствуй, уважаемая Идона, дочь моя. У меня нет хороших новостей.

Голос отца был усталый и безжизненный.

— А какие есть, отец мой?

Он тяжело вздохнул и ответил тоном, навевающим тоску:

— Никаких нет, дочь моя.

Идона задрала подборок и сложила руки на груди. Взгляд на отца получился каким-то надменным, но вполне отражавшим её отношение к слабакам вообще и этому — в частности.

— А каких новостей мы ждём, отец мой?

Она почти и не раздражалась на такую неполную информацию. Зачем? Давно знакомая, злившая её в детстве манера отца выражать свои мысли, когда хотелось расспрашивать, выпытывать подробности, подпрыгивая на месте от нетерпения, сейчас приводила к глухой неприязни, но не тревожила. Возможно, просто она повзрослела.

Когда Идона была младше, она требовала, чтобы отец прекратил её дразнить и выражал свои мысли связно. Порой доходило до истеричного визга и топанья ногами, но с возрастом она смирилась, решив для себя, что у этого человека мысли просто именно так сумбурно и несвязно роятся в голове.

— Мы ждём? — переспросил отец. То ли усомнился в том, что ждут, то ли что ждут именно они.

— Да, отец мой. Каких новостей мы ждём? — терпеливо повторила Идона, не меняя тона. Подобные разговоры хорошо выработывали выдержку. Когда она займёт место отца, ей пригодится и огромное терпение, и умение правильно задавать вопросы. И девушка пользовалась возможностью отточить умения — чем не тренировка для будущего вождя, первой женщины-шефа стейта?

Отец вздохнул, побарабанил пальцами по гладкой отполированной поверхности, придвинул к себе бумаги, что лежали чуть в стороне.

— Вот. Есть донесение о новых нападениях. Вчера вечером. Посмотри, дочь моя.

Идона пробежала глазами написанные впопыхах строчки — было видно, что в чернильную ручку не влили ни капли силы — хвостик ящерики был плохо налит чернилами, размазывал сок по тонкой бумаге, а спешащая рука заминала край.

«Огромный Зверь напал, убивает».

Вот и всё. Зверь... Убивает... Среди дня. Чудовищно!

Идона подняла серьёзный взгляд.

— А ждали мы, надо полагать, какого-то ответа из Центра, верно?

Отец скорбно покивал, не поднимая головы, явно пребывая в своих мыслях. Идона уточнила на всякий случай:

— То есть Дукс никак не ответил на наше сообщение?

Отец мотнул головой — нет. Теперь уже Идона, присевшая на гостевое сиденье у стола постукала пальцами по полированной поверхности.

— А что сообщают соседние стейты?

Мариджн поднял на неё взгляд.

— Я не спрашивал.

— Ну так спроси, отец мой! — Но видя страдание на лице шефа, решительно встала и сказала: — Я сама это сделаю! Напиши, отец!

Мариджн будто очнулся, засуетился, стал торопливо вытаскивать из почтового лотка листок бумаги соседнего стейта. У Идоны вздрогнули ноздри, когда он походя, не прикладывая ни малейшего усилия, влил каплю сілы в свою чернильную ручку и быстро-быстро стал строчить запрос в соседний стейт.

Девушка отвернулась и отошла к окну — ей было неприятно видеть, как у других, тем более у отца, которого она считала слабаком и размазнёй, что-то получалось лучше, чем у неё. Во только что он демонстрировал полную беспомощность, и тут же — вливает сілу, будто это какая-нибудь мелочь.

Для неё такое вливание очень затратно. Один раз поделишься, а потом несколько суток собираешь следующую каплю. Идона предпочитала накапливать и попусту не тратить. Да и соседний стейт... Она не сдержала тяжкого вздоха. Соседний стейт был бы неплохой добавкой к их владениям, если бы не соседский наследник. Его уровень сілы был просто невероятен для его возраста. Мальчишка был зелёный подросток лет двадцати, и ей, сорокавосемилетней девушке, такой юнец никак не подходил.

Ничего особенно интересного в соседнем стейте не было. Научные разработки касались продовольствия, большей частью выведением новых пищевых культур растений. Направление хоть и востребованное — всё же продукты с минимумом приготовления пользовались спросом — но не делавшее стейт незаменимым. Были, конечно, и другие направления, но все они развивались у соседей больше как сопутствующие и вспомогательные, потому и неинтересные для Идоны. Скука.

Ей было хотелось, чтобы соседи производили что-то другое, например, оружие. Она бы с удовольствием занималась ружьями, луками или копьями из камень-дерева. Но все материалы и животные, пригодные для развития этого направления науки, не водились в их краях и, конечно, не встречались в соседнем стейте. А жаль.

Но если смотреть на соседний стейт как на возможность существенно увеличить численность своего, то идею можно признать интересной. Если бы мальчишка-наследник у соседей не был таким одарённым. А ещё — таким молодым...

Идона быстро взбежала на почтовую башенку, так же быстро и ловко прикрепила ампулку с письмом к лапке голубя и выпустила его из узкого стрельчатого окна. Пока птица долетит к соседям, пока вернётся, времени пройдёт немало. А дочери шефа не стоит тратить время понапрасну и, выйдя из башенки, Идона свернула к загородкам с общими стейтовыми животными.

Когда-то давно она решила, что раз уж отец занимается в основном людьми, а на остальное хозяйство стейта мало обращает внимания, то животными заниматься будет она. А если Идона за что-то бралась, то приводила в идеальное состояние.

— Дэчи, цукканова отрыжка! Где ты? — крикнула, заходя под навес.

Дэчи, нестарый ещё мужчина, вышел ей навстречу.

— Да, слушаю тебя, Идона.

Она сложила на груди руки и, приподняв бровь, смерила его взглядом с головы до ног. Дэчи был старше Идоны лет на двадцать-тридцать, то есть почти ровесник, но много времени проводил на воздухе и мало — в лабораториях, оттого был загорелым и выглядел старше своих лет. Он всегда выказывал Идоне ровно столько уважения, сколько любому другому человеку их стейта, что, конечно, ужасно ей не нравилось.

— Слушаю тебя, Идона, дочь шефа! — Идона недовольно скривила губы, выговаривая это как наставник непонятливому ребёнку, с акцентом на последних словах.

Дэчи склонил голову, обтирая руки куском старого улиточного мочала. И было непонятно то ли он соглашается, то ли просто прячет взгляд. Он закрепил мочало на поясе и поднял глаза.

— Ты хотела узнать, как поживает Берха?

У Идоны от подступающего гнева трепетали крылья носа, а рука тянулась за плёткой из колючей лозы, но вопрос про Берху сразу переключил внимание гневливой девицы на более важные вещи. Она пошла к дракону и с улыбкой похлопала зверю по здоровой башке.

— Ну что, старая самка земляного червя, всё живёшь? — спросила у приоткрывшегося глаза с вертикальным зрачком. Глаз моргнул, голова поднялась, туловище распрямилось. Крылатая громадина потянулась всеми конечностями и встала на лапы в чешуйчатой сморщенной коже, и шумно хлопнула полурасправленными крыльями.

Когда и как этот старый летающий ящер оказался во владениях их стейта, Идона не знала. Ходили слухи, что в те времена, когда Дукс только-только уместил свой тощий зад на сидении гранд-шефа, такие вот «подарочки» получили все стейты. Но как она ни расспрашивала, подробности никто не рассказывал — взрослые сапиенсы сворачивали разговор на другое, а дети, ясное дело, ничего не знали.

Этого зверя — огромную летающую драконицу — обихаживали, кормили, отпускали погулять и поохотиться в Лес, но летали неохотно. Будто был какой-то запрет, будто зверь был больным или опасным.

И Идоне в своё время стоило немалого труда выпросить, вымолить, уговорить отца разрешить ей летать в подвесной люльке, называемой странным чужим словом «гондола», научиться управлять полётом дракона.

Учиться было непросто — наставников не было, зато советчиков — хоть отбавляй. Поэтому первым и самым надёжным учителем стал личный опыт: падения с высоты, переломы рук, болезненные ушибы, злость на этого толстокожего зверя, что лишь косил на неё громадным глазом, когда она ругалась и пыталась пнуть его при очередной неудаче. Сама разбиралась, как запрягать, как править, как взлетать и приземляться. И когда всё это было освоено, когда, наконец, Идоне удалось найти способы управления драконицей, она не то чтобы она подружилась со старой Берхой, но всё же перестала на неё злиться из-за неудач.

И сейчас зверь готов был полетать. И хотя к Идоне никогда не ластилась, как некоторые другие виды зверей, бывает, выпрашивают ласку, но того, кто единственный позволяет ей летать, вполне узнавала и была благосклонна. И сейчас продемонстрировала готовность взвиться в небо.

Но у дочери шефа не было времени развлекаться. Она уже несколько дней не была у общественных животных стейта, не проверяла всё ли у них в порядке, поэтому только похлопала дракона по кожистому носу и отправилась дальше.

Дэчи, следуя рядом, довольно обстоятельно рассказывал о новостях. Сколько цветных чернильных ручек появилось в норах, сколько жителей купола приходили вливать сілу общественным животным, как поживает крупная корова, которую пришлось отделить от стада, чтобы вылечить, как себя чувствуют мясные ящеры, которых отсадили на время карантина перед отправкой в лабораторию. Идона слушала, кивала, внимательно осматривала каждую особь, уточнила, когда крупная корова вернётся в стадо, интересовалась насколько увеличилась плодовитость и масса мясных ящеров.

Затем они вошли в птичник. И Дэчи, словно сам стал певчей птицей, увлекся рассказом о нескольких парах голубей, у которых появилось потомство: малыши ещё в гнезде, но крылатые родители справляются с выкармливанием, и писк птенцов с каждым днём становится всё более сильным и требовательным, значит, они растут хорошо и скоро стоит ожидать вылета из гнезда, поэтому защитная сетка уже натянута, приплод не потерялся. Численность он вчера проверил — около пятидесяти новых птичек. И это ещё не всё — в этом сезоне их явно будет больше.

Всё работало, как старый хронометр — второй отцовский раритет — ровно, мерно, без сбоев. Идона могла собой гордиться — это она наладила такой порядок, она за ним следила и поддерживала. И единственное, что ей не нравилось, — это недостаточное почтение Дэчи.

Идона понимала, что на его место трудно найти кого-то другого — все сидят в лабораториях, увлечённые своим делом, а этот сапиенс не стремится в стерильную прохладу, а занимается общественными животными и делает свою работу хорошо. Но и вот это: «Здравствуй, Идона», — будто она простая девчонка, встреченная на тропинках поселения, ей очень не нравилось.

Стоило поискать замену этому Дэчи, а его самого отправить на границы стейта, на ферму крупных мясных ящеров. Он хорошо разбирается в животных? Вот пусть там и работает. А на его место стоит присмотреть какого-то молодого паренька, который не помнит её маленькой девчонкой, будет относиться к ней с почтением да ещё и порадуется своему назначению. Хорошо, решено, она присмотрится к молодёжи.

— Благодарю, Дэчи, — Идона в знак уважения качнула головой, — ты хорошо справляешься со своей работой.

Он опять слегка поклонился, и было непонятно то ли в ответном жесте уважения, то ли скрывая насмешку.

— Спасибо, Идона.

И всё-таки стоит поскорее найти ему замену. Идона уверилась в этом окончательно и не откладывая дело, направилась к куполу школы.

* * *

Школу она не любила. Не любила, как любой ребёнок, которого хвалили меньше, чем ему бы хотелось, которым не восхищались, когда того жаждала душа, которого часто осаживали, не давая развернуться, и указывали на ошибки, забывая, что её отец — шеф стейта. Но, став взрослой, Идона всё равно заглядывала туда. Ничего не понимая в детях и не умея с ними общаться, она пыталась завоевать их симпатии самым простым способом — принося сладкие плоды и орехи.

Делала она это не просто так. Дети — это будущее стейта, и дружбу с этим будущим, с

новым поколением, Идона считала делом важным. И не дипломатичным, как сказал бы отец (даже от воспоминания об этом слове зубы неприятно скрипели), а стратегически важным. Именно так — стратегией — она предпочитала называть завоевания любви и авторитета.

В школе шло занятие, но увидев Идону, наставник замолчал и с улыбкой указал ей на своё место. Но гордая дочь вождя только отрицательно качнула головой и остановилась у окна, присматриваясь к ученикам.

Дети вели себя тихо. Младшие с любопытством поглядывали на пришедшую, старшие, более сдержанные, лишь бросали на неё косые взгляды. Но все сидели тихо и слушали наставника, когда он говорил, отвечали, когда спрашивал. В общем, ничего нового Идона не увидела, да не затем и пришла.

Когда наставник отпустил детей погулять, она сняла с пояса мешочек со сладостями и вручила самой старшей девочке. Та поблагодарила и увела из помещения сгрудившихся вокруг неё малышей.

— Наставник Гормо, расскажи, кто из твоих учеников больше всего любит животных?

Мужчина улыбнулся:

— Все, Идона. Они все любят животных! А почему ты спрашиваешь?

Проигнорировав вопрос, Идона уточнила:

— Меня интересуют те дети, кто любит ухаживать за животными.

— Никто не любит отгрести навоз, — улыбнулся покровительственно наставник. — Все хотят в лабораториях делать открытия. Разве сейчас где-то страдают от недостатка внимания звери?

— Что ты, наставник! Люди слишком уважают Лес и его равноправных жителей, — с кривоватой улыбкой проговорила Идона. — Дело в другом. Думаю, нужно расширять поголовье общих животных, и вот, подыскиваю помощника для Дэчи.

Наставник задумался.

— Лучше бы тогда парнишку. Верно?

— Наверное, парнишку, — пожала плечами Идона.

— А сама кого-то выделила?

Дочь шефа только пожала плечами — она совсем не разбиралась в детях. Но сегодня она никого из них не пригласила бы в помощники к Дэчи, с тем чтобы его вскоре заменить.

— Я подумаю, дитя.

Идона вздёрнула бровь. Дитя? А наставник улыбнулся, поняв всё правильно.

— Все мои ученики для меня дети. Скажи же мне, каких зверей станем разводить? — проявил неуместное любопытство наставник.

Идона едва удержалась, чтобы не повторить фразу, которую помнила много лет. Ту самую фразу про излишнее любопытство, губящее всё хорошее. Когда-то эта фраза наставника больно её ранила. И сейчас был подходящий момент вернуть болезненный укол, но Идона проявила стратегически верную сдержанность и ответила нейтральное:

— Не могу сказать. Это для узкого круга лиц. Благодарю за помощь.

* * *

По её расчётам уже прошло достаточно времени и стоило заглянуть к отцу. В офисе шефа стояла сумрачная прохладная тишина, никого, кроме самого главы стейта, не было.

— Какие новости? — спросила Идона со всем уважением, на какое только была способна.

Мариджн поднял на неё усталый взгляд.

— Новости, дочь моя? — спросил, будто не понял её слов.

— Да. Голуби прилетали?

— А!.. Да. Несколько, — и опять чуть озабоченно задумался.

— От соседа и нашего отряда, — догадалась Идона.

Отец глянул на неё с удивлением, потом кивнул.

— И что у соседей? — спросила девушка жадно.

Мариджн поджал губы и тяжело вздохнул:

— У них всё спокойно, — а потом, качнул отрицательно головой. — Не в том смысле, что спокойно, но ничего подобного нашему не произошло.

Идона нахмурилась и пристальнее посмотрела на отца. Руки у него дрожали сильнее, чем раньше.

— Что произошло у них? — она поняла, что происшествие всё же было, просто носило другой характер.

Отец чуть встрепенулся, поднимая на неё глаза — видно, опять задумался.

— У них мальчишка пропал вчера вечером, они все заняты поиском. Благодарят за предупреждение, но им не до того. А вот наши парни...

— Что? — Идона нетерпеливо подалась к отцу через стол.

Он тяжело вздохнул и сморщился, став ещё более жалким.

— Пишут, что что-то не так. Просят прибыть и посмотреть мне самому.

— Отец, — резко распрямляясь, властно сказала Идона. — Если они так говорят, то нужно увидеть всё своими глазами. Выступаем прямо сейчас. Но сначала разошли голубей в каждое наше поселение, чтобы раз в сутки присылали известия о том, как у них обстоят дела. Если ничего не произошло, пусть так и пишут, что всё спокойно.

— Но до Родника далеко! Если выйдем прямо сейчас, и буде двигаться бегом, то прибудем не раньше полудня.

Неужели уважаемого Мариджна так испугала пешая прогулка по Лесу-Прародителю? Дочь глянула насмешливо.

— Мы полетим на Берхе, отец, — Идона сложила на груди руки и вздёрнула подбородок. — И к полудню мы уже вернёмся!

У главы стейта уважительно расширились глаза:

— Идона, ты достойная дочь своего отца!

Девушка саркастически хмыкнула. Подумала: «Даже удивительно — *такая* дочь и у такого отца!» И решительно скомандовала, пользуясь минутой триумфа:

— Отец, собираемся, вылетаем прямо сейчас.

Главы западных стейтов прибыли первыми. В большом зале, где обычно заседал форум, они обменялись неутешительными новостями — у каждого пострадало уже несколько поселений. Общие потери составляли более сотни людей. И каждый из них собственными глазами видел чудовищность произошедшего, каждый потерял родственников, знакомых да просто ценных членов стейта. Для каждого это было не только потерей близкого человека, это была потеря части жизни, исследований, которые теперь никто не сможет продолжить.

Шефы западных стейтов замолчали, и повисла пасмурная, давящая тишина.

Подобные собрания не были любимы не только Дуксом, но и всеми шефами. Обычно

такие посиделки отнимали много времени, но не приносили особой пользы. Лишь очередная порция скучных отчётов от каждого, немного — планов на будущее, которые Дукс предлагал оставить для подробного ознакомления, хотя никогда не ознакамливался, его почти ощутимое кожей раздражение и нетерпение закончить канитель и вернуться к своим делам. Будь сила Дукса не так велика, возможно, это гнетущее ощущение было бы не таким ярким.

Но... Но сейчас повод был слишком серьёзен, и шефы рассчитывали на помощь друг друга и прежде всего — на помощь Дукса. Он глава форума, он самый одарённый, самый опытный, самый сильный. Все понимали, что столкнулись с чем-то неизвестным, и потому — вдвойне пугающим, таким, с чем справиться может только что-то совершенно невероятное, какое-то чудо, которым был Дукс. Он должен остановить Зверя, и потому при всей неприязни к своему шефу, терпеливо его ждали.

Идона сидела позади отца и наблюдала за всеми. Особенно её интересовали ближайшие соседи. Она четко понимала, что Зверь Зверем, но и о своём забывать не стоит, а стоит пользоваться возможностью. Кто знает, когда ещё отец возьмёт её с собой на форум...

Пока от собрания было одно-единственное ощущение — разочарование. Главы ближайших стейтов были ей, так или иначе, известны: изредка либо они бывали у них, либо она, следуя за отцом, встречалась с ними в их поселениях. Все они были слишком старыми и потому — слишком неперспективными для неё. Те же, кто жил дальше и с кем Идона раньше не встречалась, тоже не производили должного впечатления.

Единственный, на ком остановился её взгляд, был шеф стейта Предгорья. По случайно подслушанным не так давно словам отца, он был самым молодым и не имел жены.

Когда среди почтённых седовласых и статных старцев она высматривала и наконец высмотрела самого молодого, то непроизвольно скривилась и ещё раз шла взглядом по лицам участников форума, надеясь, что ошиблась.

Но нет. Никого моложе этого узкоплечего мужчины, она не увидела и сильно огорчилась. Шеф Предгорья был тщедушен, бледен, как любой человек, редко бывающий в Лесу, учащённо моргал, словно обиженный мальщ, и каждый его жест дышал неуверенностью. И, судя по всему, самый молодой шеф на форуме был ниже её на голову. Весь его вид вызывал в ней не то брезгливость, не то презренье, от которых хотелось пойти к ближайшему водяному и помыть руки и прополоскать рот. Даже от отца не было такого отвратного ощущения.

Ещё она припоминала давние рассказы Мариджна о шефе стейта Копи. Тот был очень умён. И, не смотря на то, что его стейт был самым маленьким на континенте не только по площади, но и по численности, считался самым успешным.

Своим успехом он был обязан богатым месторождениям. Но без сноровки и сметливости его шефа, Копи никогда бы не выбились на тот уровень, где оказались сейчас.

Высмотрев шефа Копей, Идона морщиться не стала — она всегда уважала ум, а уж сами копи, где добывалось так много полезных минералов, уважала ещё больше. Шеф стейта Копи, если она правильно вычислила, оказался человеком по возрасту старше её отца, приветливым и даже в этих обстоятельствах улыбчивым. Однако на этом все его положительные качества и заканчивались. Этот мужчина потерял всякую мужскую привлекательность из-за огромной плеша, каплей пота, обильно выступавшего на его лысине и внешним сходством с толстой жабой жебраном.

Единственный, на ком отдыхал взгляд Идоны, был хоть и немолодой, но подтянутый и загорелый мужчина средних лет. Девушка по пальцам перебрала всех имена шефов и

названия стейтов. Получалось, что этот фигуристый мужчина, с яркими голубыми глазами на загорелом лице, — глава Горного Южного Леса. И при всей его привлекательности, он обладал одним существенным недостатком — его стейт располагался так далеко, что рассматривать его как возможного супруга, становилось неинтересно.

Главы собирались медленно — некоторые стейты располагались очень далеко. Едва поздоровавшись при встрече, не разговаривали — всеми новостями обменялись через голубиную почту, а общее настроение и повод для встречи угнетали. Однако, ожидание и эта тишина медленно, но верно накаляли напряжение в общем зале форума.

Избитый и подавленный, Полит сидел в стороне за своим столиком. То, что он прятался в самом темном углу, Идоне казалось очевидным. Однако, когда к нему обратился глава стейта Светлый Лес — он прилетел одним из первых и уже устал сидеть здесь без дела — отвел взгляд.

— Уважаемый помощник гранд-шефа! Долго нам ещё ждать?

Полит выдавил, не поднимая глаз:

— Он не хочет ничего слушать.

Тихий шорох — это поворачивались к Политы шефы стейтов — и тишина наполнилась удивлением и непониманием.

— Ты давал ему читать наши бумаги? — хмуро спросил Мариджн.

Помощник встал из-за своего стола и вышел на более освещённое место. Огромный синяк разливался под глазом, распухший нос выглядел устрашающе и мерзко — в основном из-за слизи розовой улитки, которая так хорошо лечила синяки и ссадины. Присмотревшись к ранениям Полита, Идона пожалела, что тот показал своё лицо.

— Как видите, пытался, — сказал помощник гранд-шефа. — Но он не стал читать.

— Это Дукс тебя так? — ошарашенно спросил кто-то из сидевших за столом.

— Нет, что вы, — горько усмехнулся Полит. — Его ассистент Фнорре. Это он... объяснил мне, что Дукса нельзя беспокоить всякими глупостями и мелочами вроде требования шефов стейтов о созыве форума. Или вот этим...

Полит приподнял зажатые в кулаке бумаги, в которых легко угадывались письма из стейтов Влажных Лесов — Южного и Светлого. Их главы, Мариджн и Ково, переглянулись и встали одним движением. Ково уронил тяжело и грозно:

— Так значит, смерти людей — мелочь, недостойная внимания уважаемого Дукса?!

Полит задрал подбородок и отвернулся в сторону. Пробормотал глухо:

— Я пытался сообщить. Не однажды.

Тут же вскочил глава стейта Сердце Леса, бледный, с прыгающим ртом.

— Этот Зверь идёт сюда! — нервный тик перекашивал его лицо. — Возможно, сейчас он уже хозяйничает и в поселениях моего стейта! Нам немедленно нужен Дукс!

Ково оглянулся на сына и кивнул ему — иди со мной. И трое мужчин — шефы самых пострадавших или находящихся под угрозой стейтов — скрылись за перегородкой, отделявшей лабораторию от общего зала форума. За ними следом пошёл и Тигон, глава стейта Горный Южный Лес. Идона залюбовалась этим мужчиной — вот это поступок! Не отсиживаться за столом Большого форума, а смело идти и что-то делать! Он всё сильнее нравился Идоне.

За перегородкой послышалось приглушённое, невнятное, а затем всё более явственное возмущение, в какой-то момент перешедшее в истеричный задыхающийся визг. Вскоре появился невысокий сморщенный старикашка. Его, скрюченного от неловко заведённых за

спину рук, вёл пред собой Тигон. Позади них, двигаясь спиной вперёд, следовали Мариджн и Ково. А на них наступали здоровенные Фнорре, Свер и Зэодан с самыми зверскими выражениями на лицах.

И Идона, чувствуя опасность, шагнула к отцу, доставая своё ружьё. Его короткий мех всё это время приятно щекотал ей бок, но пришло и его время, и девушка нажала на ядовитую железу зверя, вынуждая того приготовиться к дальнему плевку.

И только сейчас она заметила, что отец и Ково вооружены длинными кинжалами, что были дружно направлены в живот Дукса. Небывалое дело, когда шефу, нет, сразу двоим, пришлось вынуть из ножен символы власти не для ритуала, а для обороны!

Остальные главы с шумом повскакивали со своих мест, увидев оружие в руках товарищей, и тоже взялись за клинки. Дукса без церемоний швырнули на его законное место — место главы форума. И едва он занял стул гранд-шефа, как вступило в действие правило: к заседающим — ни шагу.

В ту же минуту отошли все сопровождавшие. Они как кровные родственники в статусе помощников могли присутствовать, но лишь в том случае, если были безмолвны и даже недвижимы. А вот троица помощников Дукса молчать не собиралась — они слаженно наседали на Мариджна и Ково, пытаясь их обезоружить. Идона оставила в покое ружьё, быстрым движением сдернула с пояса и накинула на буйных помощников большую ловчую сеть, а отец за те короткокие мгновения, что он летела, успел влить в неё несколько капель сілы.

— Отпустите их немедленно! — визгливо кричал Дукс, не оставляя тщетных попыток вырваться из крепкой хватки Тигона, который всё ещё удерживал гранд-шефа на месте. Но этот человек не был слабаком — схватил крепко, и лишь кривовато ухмылялся на нелепые требования Дукса.

Идона, ставшая позади отца, почувствовала невольное уважение к его ловкости и горькое сожаление, что такой прекрасный экземпляр человека уже кому-то принадлежит. Пожалуй, её первая поездка в Центр оказалась удачной — теперь она хоть знала, как должен выглядеть мужчина, которого она готова была сделать своим.

— Уважаемый Дукс, — вежливо кивнув, обратился к пыхтящему и ругающемуся Дуксу Мариджн, — в Лесу вокруг стейтов происходит страшное: гибнут разумные, наши братья, люди, населяющие наши стейты. Неизвестный Зверь уничтожает целые поселения.

— Какой такой зверь? — срывающимся голосом возмутился Дукс, отряхиваясь после того, как Тигон разжал свою хватку. — Придумают тоже зверей всяких, чтобы только не дать мне поработать! Вы даже не знаете какая у меня сейчас важная идея! Я спасаю людей от вымирания!

В голосе проскальзывали визгливые нотки, а движения были какими-то дёргаными. Но Дукс между тем огляделся, встряхнулся последний раз и уселся на своём сиденье. Но даже несмотря на то, что он, не переставая, ёрзал и вертелся, стало понятно, что во главе заседания был Глава, умный человек, обладающий самой мощной в Лесу Силой.

— Слушаю вас, уважаемые!

Мариджн вежливо поклонился и сухо доложил о событиях в своём стейте — о погибших селениях, о том, что сам увидел и что узнал из сообщений. Никаких лишних подробностей или эмоций, только факты. Дукс хмурился, остальные главы стейтов, особенно те, кто появился позже других, вопросительно переглядывались или неверяще качали головами.

Затем встал Ково. Он рассказал о том, что у них пропал ребёнок, а позже погибло целое

поселение. Дукс, казавшийся довольно внимательным слушателем, поднялся после последнего слова выступавшего, ворчливо и наставительно проговорил:

— Пропажа ребёнка тут вовсе ни при чём. Нужно лучше смотреть за детьми и прививать им навыки выживания в Лесу!

Ково склонил голову соглашаясь.

— А то, что разорены несколько поселений... Что ж, нужно быть аккуратнее при проведении экспериментов. И это совсем не повод отрывать меня от важных опытов, — встал и развернулся, чтобы уйти в лабораторию. Но бдительный Ково схватил его и вновь усадил на стул Главы.

Мариджн приподнялся со своего места и, уперев руки в столешницу, всем корпусом подался к Дуксу:

— Это кровожадный Зверь! Беспощадный! Опасный! Это, безусловно, очень крупное животное: таких следов, как на останках, когти известных нам животных не оставляют! — лицо говорившего залила мертвенная бледность с прозеленью. Он тяжело выдохнул и продолжил: — И разброс фрагментов тел тому подтверждение. Это не только очень крупное животное. Важно то, что оно очень сильное. Например, может вырвать руку из тела человека. Вы представляете, какой силой нужно обладать? Вы вообще понимаете?!

— Да, я понимаю. И что же? — Дукс недовольно глянул на распалившегося Мариджна, снова безуспешно пытаясь стряхнуть с плеча тяжёлую руку Ково.

— А то, что работу с животными больше бытовой ящерицы любого назначения в нашей части континента никто не ведёт уже более ста лет!

Опять тишина была полной, звенящей и очень тревожной. Все взгляды были устремлены на Дукса. Тот набылчился.

— И откуда тогда Зверь? — спросил небрежно и всё так же недовольно.

— Вот это и нужно выяснить, уважаемый! Поэтому мы тут и собрались. Только вы, Дукс, как глава форума можете знать, кто выводил таких зверей, ведь к вам стекаются все планы и отчёты о выполненных работах. А такой зверь — угроза. И угроза нешуточная, и это угроза всему роду разумных жителей Леса. Потому что домашние звери не страдают от его ярости. В поселениях, где не осталось ни одного разумного, мы обнаружили, что все до единого домашние звери живы... — Мариджн перевёл сбившееся дыхание. — Если мы сейчас не поймём, как остановить это чудовище, то множество людей вскоре погибнут от когтей этого выродка!

Всё, что смог ответить Дукс, так это гримаса отвращения. И Мариджн выдал последний аргумент:

— А если это отступившие?

Идона забыла, как дышать. Отступившие? По спине прошла волна холода — что-то в этих словах было страшное: за свои сорок восемь лет она ни разу не слышала открытых разговоров об отступивших. Лишь тихие шепотки, едва долетающие до её ушей слухи.

Дукс обвёл взглядом всех глав стейтов по очереди, наливаясь багряным и раздуваясь. А потом перекосясь и заорал:

— Да что вы глупости несёте?! Какие отступившие? Вы больны, уважаемый Мариджн! Перегрелись, не иначе, в своих тропиках! — он опять вскочил, явно собираясь удрать.

Глава стейта Влажный Южный Лес схватился за кинжал, но не вынул его — Тигон был настороже и усадил главу глав на его место.

Идона, перестав зыркать по сторонам, всё внимание сосредоточила на Дуксе. Мужчина

он был так себе — маленький, шуплый, какой-то высохший и сморщенный, с недовольно изогнутыми губами. Внешность у него была скорее отталкивающая, чем привлекательная, а характер, судя по всему — вообще кошмар Леса во плоти.

Но самое удивительное состояло в том, что каким бы он ни был, его уважали. Вот же, он макает всех лицом в навозную лужу, а никто не ропщет. Кривятся, да, но слушают. Даже Марижн снял руку с рукояти кинжала.

А почему? Всё просто — его уважают и боятся. И видимо, есть за что.

Первобытный восторг наполнил душу Идоны, толкая её н безрассудства. И она с трудом сдерживала себя, заставляя не двигаться и молчать: Дукс — вот кто наиболее перспективный для неё мужчина!

По возрасту ему ещё рановато к Корням, но и не так уж долго осталось, особенно если учесть их разницу в возрасте... Своей лаборатории он привержен куда больше, чем делам форума. И это хорошо! Это было неплохим будущим, для неё, гордой дочери вождя: пока такой увлечённый муж-учёный возится в лаборатории, она будет заниматься делами стейтов.

Девушка ещё раз изучила избитого Полита и тихо возившихся под сетью подручных гранд-шефа. Пожалуй, уважаемому Дуксу нужен более сильный помощник, который освободит его от части работ со стейтами. Или совсем освободит отто всех этих забот, которые его так тяготят...

Отлично! Такое решение легко закроет вопрос с законом о наследовании: передача стейта только человеку с силой станет неважной. Очень хорошо! Она просто не будет ничего наследовать. Зачем ей один провинциальный стейт, если она сможет влиять на все и сразу? А если Дукс увлечён своими опытами больше, чем показалось Идоне, то не просто влиять, а напрямую управлять?! А что сам гранд-шеф мелок, кос, орёт и брызжет слюной... Ну ничего, стерпит.

— Уважаемый Дукс, мы не уйдём отсюда, пока вы не займётесь Зверем! Вы наш глава, вы самый сильный из нас, разумных. Кроме вас, надеяться не на кого, — тяжело проговорил Мариджн. Слова эти дались ему нелегко. И лести в них не было ни капли — Мариджн говорил правду. Да, его это откровенно не радовало, но факты оставались фактами.

— Да что вы от меня хотите? — запричитал Дукс, дёргая себя за волосы. — У меня большая программа опытов! Я над прорывом работаю, а вы меня отвлекаете!

Он дёргался, пытаясь встать, но раз за разом Тигон придерживал его за плечо. Отчего трое под сетью у самой стены начинали активнее возиться в попытках освободиться. Ликование Идоны разгоралось всё сильнее, и всё труднее ей было прятать улыбку.

Дукс, в негодовании дергая нижней губой, обвел всех взглядом, будто выискивая виновного. И остановился на Полите.

— Это ты, цукканов сын! Ты! Ты не давал мне информацию о том, что происходит в стейтах! Скрывал, прятал. Я знаю!

— Что вы такое говорите?! Вы даже не читали донесения! Да я... Да вас!.. — Полит хватал ртом воздух и беспомощным взглядом обводил шефов, сидящих и стоящих вокруг стола. Казалось, он вот-вот лопнет от возмущения и несправедливости.

— Нет, это ты во всё виноват, ты не давал мне информацию! — завизжал Дукс, снова прижатый сильной ладонью. — А ну-ка, немедленно подай бумаги по этому делу!

Под заинтересованными, порой — недоумёнными взглядами шефов Полит съёжился, но сходил к своему столику и принёс ворох листов. Дукс быстро и ловко рассортировал их и в полной тишине — все ждали, затаив дыхание, — перечитал.

А когда закончил, пожевал губами, подвигал бровями и обвёл всех присутствующих недовольным взглядом.

— И когда было последнее донесение? — задал он вопрос, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Вчера вечером, — ответил Ково.

— Вот! Вчера вечером! — Дукс обрадованно расправил морщины на лице. — Прошли почти сутки, а больше известий о пострадавших не было. И вы хотите мне сказать, что Зверь всё ещё буйствует? Он нажрался уже и утихомирился, спит где-то под кустом. Вам бы не мне жаловаться, а собрать хорошую экспедицию да обшарить Лес, чтобы изловить поганца! Неужели непонятно: если бы он продолжал бесчинствовать, то мы, не переставая, получали бы новые сведения. А так...

Тишина над столом стала потрясённой. И Дукс с явным облегчением и даже с улыбкой продолжил:

— Я принял решение: зверь наелся и спит, и поэтому я распускаю форум!

Он резко оттолкнул руку Тигона от своего плеча и стремительно встал, горя желанием вернуться к прерванной работе. Но главы стейтов пришли в себя быстро и зашевелились, негодуя и недовольно. Идона испугалась, что упустит шанс, сделала быстрый шаг, заступая дорогу гранд-шефу. И с вызовом сказала:

— Уважаемый! Как дочь главы стейта Влажный Южный Лес, как его наследница, как женщина и, возможно, будущая мать, требую решительных действий с вашей стороны! Именно вы, уважаемый, должны помочь людям!

Её слова не попали в цель, и Идона про себя выругалась цуккановым отродьем: ведь знала же что отцовское оружие — дипломатия — не работает! Нет, решила, что солидные опытные люди знают, как правильно говорить со своим главой!

Лицо Дукса — молчаливая, но от этого не менее яркая маска нетерпеливого недовольства, казалось, источала неприязнь, едкую, как липкий сок ядовитого куста лакрицы.

— Ты ошибаешься, уважаемая э... — запнулся гранд-шеф, не зная, как назвать выскочку в доспехах. — Я не знаю ничего! Мне не известен ни сам этот Зверь, ни как с ним бороться. Принесите его мне, и я скажу, что можно сделать! А так... Чего вы хотите от меня? Не пойду же я против него один на один. Да и какая моя сила?! Даже вот...

Он махнул рукой в сторону сети, опутывающей его помощников. Наверное, хотел показать, что обессилел и выдохся, что ничего не может. Но сеть тонко загудела, вспыхнула и осыпалась серыми хлопьями.

Дукс болезненно скривился — попытка казаться слабым не удалась, а Фнорре и Эодан, внезапно обретя свободу, на мгновение замерли от неожиданности, но быстро сориентировались и рванули к Дуксу. Тигон и несколько глав других стейтов метнулись им навстречу, опутывая новой сетью, да и Идона не оплошала — выстрелила поверх голов и ранила Фнорре бехаровым плевком из своего ружья.

Дукс был крайне разочарован тем, как всё так обернулось и источаемое им недовольство можно было раскладывать оп тарелкам и подавать в качестве отравы. Он сидел на своём стуле главы форума, похожий на сморщенный гриб, и, зыря на людей вокруг, бубнил под нос:

— Да и не интересно мне! Какие-то крупные звери... Глупости всё это...

— **Я** могу предложить интересное, уважаемый гранд-шеф, — гордо вздёрнула Идона

подбородок, загоразивая ему вид на троицу лаборантов-головорезов, которых несколько шефов с помощниками довольно грубо запикивали под новую охотничью сеть. А Дукс, над которым возвышалась стройная красотка, вынужден был рассматривать её. Но его взгляд из-под насупленных бровей был вовсе не радостный и ничуть не заинтересованный.

Мариджн, оказавшийся по другую сторону от свалки, вдали от гранд-шефа и дочери, пытался знаками показать ей, чтобы она остановилась и прекратила болтать глупости

— И чем ты можешь заинтересовать, уважаемая? — переспросил Дукс брюзгливо.

Идона прошлась по нему взглядом, оцупывая невзрачную фигуру, а затем расправила плечи, отчего и без того высокая грудь приподнялась ещё выше.

— Я предлагаю себя в качестве оплаты.

Главы стейтов молча уставились на девицу. Дукс отреагировал примерно так же — брови его поползли вверх от удивления, он слегка откинулся назад и придирчиво осмотрел наглуую шефскую дочь. Качнулся в сторону, будто хотел охватить её взглядом и сзади.

Идона сохраняла на лице невозмутимое выражение, но в душе ликовала — кажется, она его всё-таки подцепила! Бросила мимолётный взгляд на рассаживавшихся вокруг стола вождей. Отец был хмур, и не скрывал непонимания.

А Дукс, рассматривая наглуую девку, прикидывал: его младшая жена ждала ребёнка, и её невозможно было использовать в опытах. Это очень огорчало — она была самой молодой, самой сильной и выносливой. А ему с помощниками для новой серии опытов требовался сильный и выносливый лабораторный материал. И эта выглядела подходяще, тем более предлагала себя сама. Не брать же старших жён он на эту роль? Они были слишком стары и могли не справиться.

Гранд-шеф бросил быстрый взгляд на отца дерзкой девчонки — как он реагирует на такое предложение? Но уважаемый Мариджн, хоть радости особой и не высказывал, но с кулаками не бросался.

А кулаки Дукс не любил. Хотя и прошло много лет, но он всё ещё помнил тот случай с младшей женой. Если бы не его положение гранд-шефа, не было у него третьей жены. Да и жизни тоже, пожалуй, не было бы.

Додумать неприятную мысль, а Идоне — услышать ответ, не дал звонкий мальчишечий крик от лестницы, ведущей в почтовую башенку.

— Голубь! Почтовый голубь! Для Эсбена! Сообщение для шефа стейта Сердце Леса Эсбена!

В зал заседаний влетел мальчишка, размахивая листком. Уважаемый Эсбен подскочил, как ужаленный лесной крапивой, и его рука заметно дрожала, когда он принимал бумажку от взволнованного дежурного. Пробежав глазами по строкам, шеф стейта Сердце Леса закрыл лицо рукой и простонал: «Нет!»

Мариджн выдернул из его ослабевших пальцев листок и прочёл вслух:

— Поселение Пенегри утром не прислало голубя. Проверили. Живых не осталось.

Эсбен осел, лишь чудом не промахнувшись мимо стула, и закрыл лицо руками, затрясся в беззвучных в рыданиях.

— Живых... не обнаружили... — выталкивал он сквозь сомкнутые ладони. И было слышно, как он задыхается за своим ненадёжным щитом.

Все молчали, сочувствуя горю.

Один за другим шефы стейтов поворачивались к Дуксу. Смотрели тяжело, молча. Гранд-шеф, полный вальяжности, молчал, но вскоре взгляды и тишина стали настолько

давящими, что он почувствовал себя зверем, загнанным охотниками в ловчую яму. А потом к нему пришло даже ощущение — или воспоминание? — сильных рук на загривке. И это неприятное воспоминание, от которого его теперь никто не отвлекал, свербело в мозгу.

— Ты, уродово дерьмо! — орал над ухом и тряс Дукса за шиворот здоровенный мужчина. Парень был выше его на две головы, и потерявший опору под ногами, висящий в воздухе новый гранд-шеф сжался от страха: он отчётливо понимал, что порадоваться своей двойной победе ему не удастся, потому что этот громила вытрясет из него самое важное — жизнь.

— Я не виноват, — ныл Дукс, прикрывая от ужаса глаза, — она сама выбрала!

— Ах ты же, мерзкая поганка! — рычал низкий голос, и Дукс почувствовал мгновение полёта и тут же — боль от встречи собственной головы и стены здания форума. Зубы клацнули, в глазах поплыло. — Как ты посмел убить домашних зверей?! Ты, гадина, недостойная жизни!

Та же сильная рука снова подняла его на уровень злых и ненавидящих глаз, только теперь за грудки, не за шиворот.

— Я не убивал! — заблеял испуганный этой ненавистью на перекошенном лице до перехваченного дыхания гранд-шеф. — Я не убивал! Я только приказал...

Мужчина, чьё лицо напротив побагровело, замахнулся, и Дукс едва успел зажмуриться, как почувствовал взрыв в голове. Она мотнулась от удара, что-то легонько хрустнуло в шее, а левая скула запылала огнём. И Дукс опять с размаху ударился, приложившись всё к той же стене. Боль в спине не сравнилась с горящей щекой, от которой из глаз катились слёзы, и руки произвольно накрыли рану.

Он подвывал тоненько, всё внимание сосредоточив на боли, вливая силу едва заметными капельками в пострадавшее место. Этого делать не следовало — нельзя направлять собственную силу на себя же, это противоречило этическому кодексу разумных жителей Леса — людей. Но все противоречия бледнели на фоне ужасной боли, что пульсировала, разрывая его лицо, и гран-шеф легко, не задумываясь, пренебрёг всеми правилами. И только когда боль чуть утихла под ладонями, заметил, что двое крепких парней смогли схватить бандита, что посмел напасть на него.

Дукс неловко поднялся, опираясь о стену одной рукой, а другой — придерживая ноющую челюсть. В нём разгоралось бешеное негодование, замешенное на унижении и ярости. Оказывается, он ошибся — Эрвин готов был его убить вовсе не за Айли.

— Ты!.. — взвизгнул избитый глава. — Ты! Я тебя отошлю в самую глушь! Я сгною тебя в Лесу! Ты в жизни не увидишь Центр!

Сдерживаемый с двух сторон, молодой человек плюнул под ноги Дуксу, и молча, ненавидяще смотрел ему в лицо.

* * *

Эрвин! Охранитель Леса от пожаров. Точно! Дукс на секунду замер, обдумывая идею, и вдруг расцвёл такой радостью, будто Зверя уже изловили и отдали ему для опытов.

Он распрямился, стал до невозможности важным, уверенным в себе, и даже его сморщенное лицо разгладилось. Главы стейтов, кто постарше, сразу узнали в этом преобразившемся Дуксе того самого человека, которого когда-то давно, ещё молодым, они

общим решением выбрали на пост гранд-шефа.

Идона больше почувствовала, чем поняла, что наступил решающий момент, и она вот-вот услышит то, о чем давно мечтала. Всё внутри сжалось в ожидании триумфа.

— Полит, сюда! — Дукс хлопнул ладонью по столу. — Быстро! Пиши!

Помощник возник мгновенно, будто этого и ждал: в руках — пишушая ящерка с налитым хвостиком и стопка бумаги. Шефы стейтов, наполняясь надеждой, казалось, перестали дышать. Дукс с лёгкой довольной улыбкой посмотрел в потолок и начал диктовать:

— Первое: призвать в Центр всех, кто охраняет Лес от пожара. Второе: организовать из них отряд по защите Центра...

Недовольное движение со стороны шефов западных стейтов заставило Дукса на какое-то мгновение потерять уверенный вид. Он дернулся, состроил недовольное лицо и вовремя успел исправиться:

— ...и всего Леса, — воздел к потолку палец для наглядности — помнит он, всё помнит! — от Зверя. Третье: поручить отряду защитников Леса изловить и обезвредить Зверя. Четвёртое: после поимки доставить животное ко мне в лабораторию для проведения серии опытов!

И ещё раз припечатал ладонью по столу. Затем резко поднялся, развернулся и бодро прошагал в сторону лаборатории. Мимоходом освободил спутанных сетью помощников, выпустив сілу в ловчую сеть, спутавшую их.

На этот раз никто не стал удерживать гранд-шефа, который не мог спокойно посидеть на месте, — каждый пытался сообразить, о ком шла речь и кто будет заниматься сбором этого отряда.

— Прежде всего, мы исследуем порождён ли Зверь Лесом или выведен искусственно... — затихающий за перегородками уверенный голос Дукса долетал до шефов стейтов, переваривающих его решение, всё слабее и слабее.

Глава 5. Зверь

Зверь двигался по утопанной узкой дорожке. Впереди, он чувствовал, было много вкусной и сытной пищи, и это отзывалось в его нутре приятными, тёплыми и довольными ощущениями. Он стремился к этому изобилию не слишком быстро: еда была малоподвижна, её было много и опасаться, что она скроется, не стоило.

Зверь уже передохнул, предусмотрительно уйдя поглубже в лес от остатков, непригодных в пищу. Их было не жаль — твёрдые части еды приходилось разламывать с усилием, которое тратить не хотелось. Да и мягкая плоть приятнее на вкус, к тому же легче усваивается. Впрочем, первый, самый жуткий голод он утолил, и теперь ощущал, что не все содержащие силу существа одинаково хороши. Те, что поменьше, и другие, совсем маленькие, приятнее. При этом вполне отчётливо ощущал, что живительной для него силы в них маловато. Но теперь, когда бешеного голода не было, это было не самым важным. Пожалуй, стоило по-другому распорядиться таким неожиданно богатым выбором вкусной и полезной пищи.

И он неспешно продвигался по Лесу. Длинный бесформенный фиолетовый язык высунулся из пасти и аккуратно, деликатно, словно салфеткой, обтёр шерстку вокруг рта — Зверю показалось, что на мордочке засохли капельки еды, а это было неприятно, ведь Зверь был чрезвычайно опрятен и чистоплотен.

Идона

Молчание после ухода гранд-шефа длилось недолго. Эсбен, глава стейта Сердце Леса, поднялся и сопровождаемый сочувствующими взглядами, пошел в почтовую башню — отправлять голубя с распоряжениями.

Идона, немного разочарованная тем, что Дукс не оставил никакого указания по ней, придвинула своё сиденье ближе к отцовскому. Тот, как и остальные главы, всё ещё сидел с тревожным выражением лица. — Прощу, отец, расскажи про отступивших больше.

Мариджн скривился и уставился в окно.

За спиной шуршал бумагами Полит, ходил между своим столиком и резным шкафом, доставая какие-то свитки, перебирая пачки листов и вливая силу в пишущих ящеров, что ровной шеренгой расположились на его рабочем столике.

— Они отступают от наших традиций и обычаев, — с нескрываемой неохотой заговорил Мариджн. — Одиночки, что не чтут правил, уходят в Лес и там занимаются своими неправильными опытами. Они... они могут вывести что-нибудь такое, как этот Зверь.

— Уважаемый Марджн, — обратился к нему щуплый глава стейта Предгорье, — позвольте я с вами не соглашусь...

От этих слов Идону едва не передёрнуло — такие выражение из списка под названием «Дипломатия» отступившие не могут вывести такую огромную тварь. У них попросту не хватит на это ресурсов!

— Уважаемый Дьюр, — Мариджн, оказавшись в родной стихии научного спора, оживился. Теперь на его лице читалось удовольствие и даже наслаждение научной дискуссией. Он принялся обстоятельно излагать свои соображения. Было заметно, что они родились у него не сейчас, хорошо и с разных сторон обдуманы, а ещё — сильно его тревожат. — Мы очень мало знаем о них. Но не найдётся ни одного стейта, в котором не было бы подобной ошибки генетики, разумного, возжелавшего отделиться, потому что наши устои ему не по нраву. Но мы никогда не интересовались, как они живут там, вдали от нас. И кто знает, возможно, с удовольствием объединяют свои силы и ресурсы для каких-то запрещённых опытов, о которых мы не знаем.

— Не соглашусь с вами, уважаемый Мариджн. Отступившие потому и ушли в Лес, что не смогли и не захотели жить в стейте. Они одиночки по натуре и не будут объединяться.

— Не соглашусь с вами, уважаемый Дьюр, — Мариджн воодушевился, глаза его блестели. — Этот Зверь, что сейчас прокладывает по Лесу кровавый маршрут, угрожает всем. Но что останется, когда он закончит свой путь? Пустой Лес. А кому это выгодно? Только им, отступившим.

— Не думаю, — не уступал Дьюр. — Из нашего стейта на моей памяти ушли двое: один — когда я был ещё совсем ребёнком, и почти не помню его, а другой — в начале моего главенства. И каждый из этих разумных ушел не потому, что хотел чего-то запрещённого. Они скорее стремились к уединению.

— Но вы же сами сказали, уважаемый Дьюр, что не помните первого, — верно заметил Мариджн. — А по одной точке не построить прямую.

— Да, почти не помню. Но могу точно сказать, — уверенно ответил Дьюр, — что если эти двое случайно встретятся на лесных тропах, то даже не кивнут друг другу. А уж об

объединении вообще невозможно и помыслить. Тем более — заподозрить их в осуществлении такой цели, как выведение огромного кровожадного чудовища, убивающего всех на своём пути.

Идона с волнением слушала новые для себя сведения и прикидывала, какую пользу из этого можно извлечь. Польза пока была неочевидна и даже очевидно невидна. Но был ещё один вопрос, который интересовал её не меньше. А она умела расставлять приоритеты, и поэтому решительно прервала этот полный взаимных расшаркиваний и потому ужасно глупый диалог:

— Уважаемые, а кто такие охранители? И от какого такого пожара они охраняют Лес? — спросила требовательно.

Кто-то из глав стейтов уже встал и расхаживал по залу, прислушиваясь к разговору, но не лез со своими соображениями, кто-то сидел за столом, перебирая бумаги или что-то записывая. Но после этого вопроса все обратили на Идону взгляды, от которых почему-то стало холодно. Однако на вопрос отвечать никто не торопился. После долгой паузы самый старый из глав, Ринор, глава стейта Дальний Лес, вздохнул и стал рассказывать:

— Девочка, это было очень давно. Тебя ещё не было. На нашей планете, в нашем Лесу, были защитники, люди, знающие, что такое оружие и умеющие им пользоваться.

— Оружием? Таким? — она снова стащила с плеча ружьё — бехара, плюющееся ядом.

Ринор с сожалением покачал головой.

— Нет, это мы вывели сами, и используем скорее для обороны. Те люди владели другим оружием. Таким, как наши ритуальные ножи, — и он коснулся кинжала, уютно устроившегося в ножнах на его поясе. Такого же, как у каждого шефа стейта. — Только ещё более опасным.

Девушка округлила глаза. Ещё более опасным?! Волна восторженного ужаса прокатилась по спине: были люди, которые не сидели в лабораториях, которые владели оружием?!

— Их задача состояла в том, чтобы защищать поселения и континент в целом. Было множество диких животных, угрожавших нам, разумным, были недружелюбные народы Южных островов. Но эти люди были полезны какое-то время, а затем... Понимаешь, Идона, они не работали в лабораториях, на фермах и не приносили видимой материальной пользы. К тому же в системе нашего солнца...

— Какой системе? — осипшим от волнения голосом переспросила Идона.

Старый высокий вождь глянул на неё вопросительно, а потом улыбнулся и понимающе кивнул:

— Да, когда-то мы устремлялись к звёздам. Ведь наша цивилизация не возникла здесь, на этой планете. Люди пришли сюда извне. Это произошло давно, много-много лет назад. Мы потомки тех, кто родился на Пракси. Там цивилизация шла по пути технического прогресса, а не биопрогресса, как у нас.

У девушки глаза расширились, ей не хватало дыхания от изумления, и всё не получалось уложить в голове понятие «технический прогресс». Как это — технический? Что это значит?

— И если мы вливаем свою силу по каплям, — продолжал уважаемый глава стейта Дальний Лес, — то наши предки на Пракси её использовали совсем по-другому. Когда развитие достигло такого высокого уровня, что стали строить огромные гондолы, летающие к другим планетам и звёздам, некоторые прилетели и сюда. Вот так в Лесу появились мы, люди, разумные его жители.

Мир Идоны трескался. И ей даже казалось, что она видит, как длинная трещина сверху до низу рассекает её мир, как медленно и неотвратно расширяется, и как потом этот мир рушится с ужасающим грохотом, осыпая пылью и обломками. И ощущение, что обломки огромными глыбами оглушают её, было буквальным — она едва различала слова, доносящиеся до неё будто из-за серой пылевой завесы:

— Наши предки, кто попал сюда первым, организовывали поселения, в которых шли научные исследования. Планета Лес была признана заповедной зоной, свободной от оружия и насилия. Это было место обитания учёных. С каждым оборотом вокруг нашей звезды, с каждым годом мы, разумные, очарованные. Лесом, его богатством и красотой, всё больше боялись того, чтобы эту чудесную планету не постигла та участь, что и нашу прародину. Старик замолчал, переводя дыхание, и в тишине общего зала форума было слышно, как за окном шумит Лес-Прародитель. Подняв усталый взгляд на Идону, уважаемый Ринер продолжил — Но с собой люди привезли оружие и искусство убивать. Не все, конечно, владели этим искусством, только малая часть, как я уже говорил.

Но шло время, люди всё больше приживались в Лесу, чувствуя единение с планетой, адаптируя новый мир к себе и адаптируясь сами. И всё меньше требовалось участия защитников, умеющих убивать. В какой-то момент нашей истории стало понятно, что население планеты разделено на два лагеря — одни считали, что защитник только напрасно потребляют ресурсы общества, а другие — что они нужны, просто потому что должна быть хоть какая-то защита.

Он замолчал, тяжело уставившись на свои руки.

— Я всё равно не понимаю, — растерянно сказала Идона. Её мысли были пусты, как подземные тоннели крупных червей зимой.

— Что же тут непонятного? — разозлился Мариджн, который вовсе был не рад, что его глуповатую дочь кто-то просвещает о таких вещах. — В один прекрасный день те, кто был против защитников, возглавил форум и решил уничтожить их. А начал с истребления их боевых драконов. В обмен на жизнь своих летающих зверей защитники добровольно ушли из нашего общества, получив первично необходимое для выживания. С них взяли клятву не просить ничего, служить на защите Леса от пожаров, и распределили по периметру всего континента, как можно дальше от столицы и друг от друга.

Мариджн вздохнул и остановился, главы стейтов поддержали его дружным молчанием. Каждый был опечален, и большинство смотрели куда угодно, лишь бы избежать взглядов других. Тему эту не напрасно замалчивали — её никто не любил.

— О них забыли на многие годы. Мы будто вычеркнули их не только из своего общества, но... и из нашей памяти. Теперь вот Дукс вспомнил. Всё же он самый умный из нас: все забыли, а он вспомнил. В эту печальную атмосферу совета глав бодрую и деятельную ноту неожиданно внёс Полит.

— Не знаю, — сказал он жизнерадостно, перекладывая исписанные листы, — может, кто и забыл, а я получаю раз в три дня их отчеты о состоянии Леса из пяти точек континента. Они все большие мастера своего дела и ловкие ребята, никуда не пропали и всё так же служат Лесу.

Идона вскинула голову.

— То есть эти люди не только живы, но и способны...?

Он хотела сказать «убивать», но не стала произносить вслух слово, противное этике жителей Леса. Полит пожал плечами:

— А куда им деваться?

Старый седой шеф стейта Дальний Лес хмыкнул:

— И когда у нас Лес загорался в последний раз?

Помощник Полит подергал себя за растрепавшиеся волосы и, немного подумав, ответил:

— Ну да. Это, конечно, странно. Лес ведь не горит. Но они же постоянно пишут отчёты... — недоумённо пожал плечами Полит, и вытащил мятый клочок бумаги. Прочел и обвел всех взглядом: — «Возгораний нет». Значит, служат.

— Полит, ты словно дитя. Уже скоро сотню разменяешь, на этом посту не помню сколько, а в такую ерунду веришь, — усмехнулся Мариджн.

Идона присмотрелась к Политу и скривилась — нет, не то. Хотя и имеет доступ к форуму, но слишком уж несимпатичный и глупый. Всё это можно было бы и простить, будь у него влияния больше, а так даже вытащить из лаборатории Дукса и то не смог, звал шефов на помощь. Нет, этого человека она даже не будет рассматривать как вариант. И отбросив сомнения, вновь вернулась мыслями к защитникам.

— А как же они жили, если не занимались полезным трудом в лабораториях и на опытных участках? — спросила, пытаясь представить себе это.

Старик со вздохом продолжил:

— Они тренировались много с настоящим металлом, однако в лабораториях тоже работали. Работали над генетическими линиями растений и животных, которые можно было использовать для обороны и... — с явным сожалением выдавил он, — и нападения. Особое место в их исследованиях занимало выведение новой породы драконов, на которых можно было летать, не используя подвесную гондолу.

— А... как? — Идона чувствовала себя маленьким ребенком, перед которым открывают восхитительный новый мир с удивительными, захватывающими, будоражащими воображение чудесами.

— Я уже не помню как, — немного устало ответил старик, — я не общался с ними близко. Они всегда были подчинены только гранд-шефу. Он считался их командиром. И именно он знал, что и как в их исследованиях. Нам никто ничего не рассказывал. И именно Дукс, едва ли не лично, уничтожал все их наработки, когда их отослали стеречь Лес от пожара. Ходили слухи, что оборонцы разрабатывали то ли мгновенные перемещения через континент, то ли мгновенную доставку сообщений.

У Идоны расширились глаза, а мысли забурлили, закрутились как горные ручьи по весне. Мгновенное перемещение? О Лес-прародитель! Мгновенные сообщения!.. У неё захватило дыхание от того, что с этим можно было получить.

Вот она управляет форумом, может в любую минуту переместиться в любой стейт и проконтролировать опыты, которые там ведутся, отдать распоряжение по ходу работ, забрать себе наиболее интересные. Мгновенные сообщения, конечно, тоже неплохо, но всё же не то.

Перемещения!.. Вот прекрасная возможность навести порядок, установить жесткую дисциплину, контроль и надзор! Сейчас все живут так, как удобно, и мало чем отличаются от тех самых отступивших. Иногда даже между лабораториями одного поселения нет связи и не известно, что творится у соседа. Что же говорить про разные поселения или разные стейты?

А если внезапно появиться и разоблачить в растрате общего ресурса какого-нибудь человека, вот просто поймать за руку... Идона представила себе и сразу же поняла, какой

будет реакция человека — вполне возможно, что он бросится на неё с кулаками. И не только с кулаками... Значит, рядом должны быть крепкие парни. Даже силы, пожалуй, они могут не иметь, а вот просто физически сильные — обязательно! И оружие, хорошо, если у них будет какое-то оружие посильнее бехарова ружья, которое только и способно, что парализовать на несколько часов своим плевком.

В представлении Идоны тут же нарисовались три здоровенных парня, вроде Фнорре, Свера и Зэодана, только ещё крупнее, ещё мощнее и ещё... страшнее? Да, было бы неплохо! А если у них будет ещё оружие... Металл! Тут фантазия девушки дала сбой — она не могла себе представить металлическое оружие крупнее ножа. Но в другом фантазия справлялась неплохо — ей виделось, как она оборачивается к одному из этих здоровенных парней и говорит, ткнув пальчиком в агрессивного человека, который не хочет признать себя виноватым в растрате общих ресурсов:

— Взять и вытрясти из него все секреты!

А этот, самый здоровый, кивает понимающе, и втроём охранители набрасываются на оказавшего сопротивление и выворачивают ему руки. И этот самый здоровый, справившись, улыбается ей заискивающе, а она многообещающе целует его прямо в губы, на виду у всех!

Идона встряхнула головой. Поцелуи явно лишние — не пристало гранд-шефу одаривать благосклонностью простых охранников. Достаточно будет, чтобы за её спиной стояли крепкие парни и обеспечивали ей безопасность.

И вот когда это случится, тогда она наведет порядок в Лесу! Да, и это всех хорошо взбодрит и заставит работать. Нужно будет ввести порядок ежедневных отчётов всех шефов, а каждый сезон по два, а то и три-четыре раза — показ своих достижений. А ещё... Ещё можно отобрать самых талантливых учёных, собрать их в одном месте и упорно разрабатывать способы развития возможностей людей. Прежде всего, конечно же, физические. Потом, попозже, и до умственных дойдут руки. Например, ментальные способности — связь на расстоянии, м? И самое главное — воспроизводство людей, которое с каждым годом становится всё ниже.

Внезапная мысль пронзила Идону тревогой. Она воскликнула, невежливо перебив погрузившегося в воспоминания Ринара:

— А как они прибудут, если находятся в разных точках континента?

— Ты о ком? Об охранителях, что ли?

— Да, — встревоженно отозвалась Идона.

— У них остались боевые драконы. Они потому и ушли далеко от людей — спасали своих зверей.

— Боевые драконы?! Как это — боевые?

Старик улыбнулся. И столько в его взгляде было... И знание, и боль, и опыт, что Идона почувствовала себя как раз той маленькой и неопытной девочкой, какой её и считал глава стейта Дальний Лес, да и отец, и почти каждый из шефов, что сейчас сидели, молча слушая и только иногда согласно кивая.

— Они с воздуха выслеживали тех, кого было нужно выловить и, при желании их погонщика, — уничтожить.

— О! — восхищённо воскликнула Идона.

Охота с воздуха! Даже дыхание перехватило от бешеного азарта и восторга, затопивших душу. Вот красота!

А ещё, и это было не менее прекрасно, тот, кто владеет полётом, может легко управлять

людьми Леса! Эти защитники да ещё и с боевыми драконами невероятно замечательная идея!

— А много осталось боевых драконов?

В разговор вмешался Полит, который как раз вернулся с почтовой башенки:

— Много. Сейчас их пять. Столько же, сколько бывших защитников.

— Пять? Всего? — это было как сесть мимо сиденья — неприятно и стыдно. Идона огорчилась, но постаралась скрыть свои чувства, ведь она не любила показывать свои слабости. Но разочарование было сильным, и даже болезненным.

Представлялось огромное число драконов в небе, столько, что не видно облаков. От их движения поднимается ветер, закручиваются смерчи, а воздух наполняется запахом их горячих тел, звуками хлопающих крыльев и тем рычанием-клёкотом, от которого звук вибрирует в воздухе и ощущается скорее кожей, а не слухом.

А их всего пять... Пять... Как же мало!

— Их больше на самом деле, — расстроено выдохнул Ринар, — просто никто не умеет правильно ими управлять.

— Где же они? — гордая Идона, дочь шефа, вся напружинилась и подалась к говорившему, жадно всматриваясь в его лицо, боясь услышать, что животные навсегда потеряны для разумных жителей Леса.

— Когда оборонцы узнали, что многих их зверей уже уничтожили, они заявили, что убить оставшихся драконов можно только вместе с ними, с людьми. Пришлось поломать голову... — старый Ринар говорил медленно, с невесёлой улыбкой. — Те, кто отказался оставить своих зверей, должны были разлететься по самым дальним окраинам континента. А те, кто отказался от своих драконов, вернулись в стейты, из которых были родом. И оставшихся в живых летающих ящеров распределили по разным стейтам с условием, что жить они будут как можно дальше от своих бывших хозяев.

— Так наша Берха из боевых драконов?! — повернулась Идона к отцу. В её взгляде искрился восторг.

Мариджн не разделял её радости — скривился, будто ему прищемили на ноге мизинец.

— Да, дочь моя, — сказал сдержанно и даже напряженно, глядя на свои напряжённые пальцы, переплетённые в кулак. — Уже многие десятки лет она не делала боевых вылетов, она всё забыла. Да и управлять ею нужно уметь...

Идона прикусила изнутри губу и прикрыла глаза — скрыть, скрыть все чувства, что бурлили в ней! Но вот возможности, что таятся в этих выживших боевых драконах, нужно будет обдумать, а потом взвесить.

И Идона постаралась использовать вооружение отца — дипломатию: приняла самый невинный и любопытный вид, на какой была способна, и продолжила беседу, расспрашивая о былом, раз уж так удачно открылась возможность послушать впавшего в ностальгию главу стейта Дальний Лес. Может, и ещё что-то интересное услышит сегодня?

За разговорами ожидание прилёта оборонцев пролетело незаметно, солнце уже перевалило за полдень. Настроение поворошить воспоминания посетило сегодня почти всех старших шефов, и они вспоминали, говорили и говорили, а их лица светлели, и поток слов был похож на поток вод, прорвавших запруды: казалось, они долго сдерживались, а теперь, наконец, с удовольствием выплескивались.

Недалеко от Идоны, жадно впитывающей рассказы о прошлом, которого она не видела и не знала, ещё более очарованный, сидел сын Ково. Он слушал, словно малыш, с широко

распахнутыми глазами, чуть приоткрытым ртом. Он так непосредственно удивился, узнав о том, что цукканы — вовсе не мифические животные, что Идона не выдержала и засмеялась.

Оказалось, что именно оборонцы уничтожили этих мерзких тварей Леса — цукканов. В своих лабораториях они вывели манок — растение, пахнущее настолько привлекательно, а затем, с воздуха выследив лёжки цуккановых стай, рассыпали над ними порошок высушенного манка. Зверюги вылезали на запах, пьянели и теряли всю свою хищную хватку, и их легко можно было перебить, даже не спускаясь на землю.

— Именно благодаря им, нашим оборонцам, любой человек теперь безбоязненно может выйти в Лес, — произнёс Ринор. И прозвучало это так, будто именно ему принадлежала победа над цукканами.

— Мог, — сумрачно исправил его Эсбен.

— Что? — растерянно переспросил Ринор, возвращаясь на землю.

— Говорю что мог, — держа в руках новую почту из стейта, повторил Эсбен, — любой человек безбоязненно *мог* выйти в Лес. Раньше, но не сейчас. Сейчас там завёлся кое-кто пострашнее цукканов, которые нападали только ночью и никогда поодиночке. Поэтому я сидеть здесь больше не стану, вернусь в стейт. Слишком поздно уже, а охранители наши что-то не являются. Ничего не делать сейчас — неправильно.

И махнул бумагами. Выглядел он плохо: в погибшем поселении жила его дочь, неожиданное чудо, его гордость и радость, тот случай, когда родители не могут поверить в своё счастье, крайняя редкость — второй ребёнок в семье. И теперь её не стало...

Глава 7. Эрвин

Вставать было трудно — глаза не открывались, в голове переливалось что-то жидкое и тяжелое, будто пузырь, наполненный галькой и водой. И то, что переливалось в голове, ещё и немилосердно болело. Арта сидела на спине всем немалым весом и дергала за одежду когтем. Дышать под этой тушей было трудно, да и коготок, что цеплял кое-что ещё более чувствительное — кожу на спине незадачливого охотника.

Арта привстала и, потоптавшись, — отчего желудок прилип к позвоночнику — села поудобнее. Поудобнее для неё. Хвост, это длинное и лохматое помело, шмякнулось Эрвину прямо в лицо и тонкими волосками защекотало в носу. Мужчина не сдержался и чихнул, отчего все гладкие камешки в пузыре с водой, что болзненно царили в голове, столкнулись и всплеснулись тошнотворной волной.

— Арта, — хотел сказать укоризненно. Хотел, но не вышло: голос оказался сиплым, слабым и чужим. — Арта, пшла прочь...

Она отреагировала ожидаемо — не пошевелилась, оставшись сидеть и вминать внутренности Эрвина в его же позвоночник. Только пушистый хвост приподнялся с лица человека. И он успел жадно вдохнуть, радуясь этому вдоху, как утопающий, но тут же снова получил меховым хлыстом по лицу. Только теперь с размаху.

— Арта, уймись, — прохрипел, прокашливаясь и морщась от тяжелого бульканья на месте мозгов. Рысь в ответ хлестнула его хвостом по лицу, только теперь сильнее.

Вот ведь цуккан драный!

Со стоном Эрвин полз с кровати и по стеночке добрался до душа.

Не глядя, нащупал висюльку душевого зверя, и холодная вода слабеньким напором потекла на голову страдальца. Пожалуй, такое начало дня можно было бы считать отличным, если бы вода шла посильнее. Эрвин медленно глянул вверх левым глазом, пытаясь зажмуренным правым уравновесить в голове бултыхающуюся тяжёлую взвесь боли и тошноты.

Привычное толстое брюхо не свисало внутрь, как обычно, и сейчас больше походило на сморщенную шляпку ядовитого бербьюка.

Что такое? Лес-Прародитель пересох?

Эрвин уткнулся головой в стену, пытаясь сообразить, что происходит и что теперь делать. Тонкая струйка холодной воды, что как раз текла на голову, немного освежала и проясняла мысли. Наконец понял.

Все силы живого Леса! Ну он и поганка! Бедняга водяной изголодался: три дня без силы. Всё время, что Эрвин с друзьями были на охоте и в загуле, он тут голодал. И к мучениям физическим добавились ещё и муки совести, и потому хозяин влил дрожащим пальцем не одну каплю, а две, а потом и ещё две — бери, мне не жалко, всё равно больше не вместишь.

И тут же получил в ответ хоть и такой же слабый, но вмиг потеплевший душ.

— Спасибо тебе, старина, — хотел подпрыгнуть, чтобы благодарно хлопнуть водяного по светлomu брюху, но боль, отозвавшаяся мутной волной на открытие правого глаза, вовремя удержала от резких движений.

Вытереться несвежим улиточным мочалом и запихнуть его к чистящим бактериям вместе с грязной одеждой уже было легче — после купания прояснились и мысли, и зрение, но спускался Эрвин всё же осторожно, словно тысячелетний старец. Боязнь расплескать

головную боль оказалась сильнее привычки быстро двигаться.

На кухне его встретил редкостный бардак: грязная посуда на столе и в мойке, объедки, усаженные насекомыми, противный кислый запах. Это было ужасно неприятно, но отчаяние его захлестнуло больше от вида перевернутых и разбросанных в беспорядке сидений и вздернутого кое-где с пола упругого слоя мха. Он только представил себе, что придётся наклоняться, чтобы всё это убрать, как его замутило.

Все бытовые животные, как и водяной, работали с перебоями — кто-то не хотел холодить, кто-то — резать, а микроволновка, заедавшая и в обычные дни, сейчас вообще отказалась реагировать на постукивания и щекотку под носом. Эрвин подождал немного, вцепившись в край стола в надежде, что на помощь опять придёт Арта. Но та не спешила помогать. А у лесного пожарного даже сил не было посмотреть, где его лучший друг и чем занята.

Тяжко выдохнув, раздал всем кухонным животным по капле силы и побрёл в оранжерею. Вот уж кто не нуждался в ежедневных подношениях и вполне мог какое-то время прожить без людей, так это растения. Опять на глаза попался плод персика. Он явно перезрел, и оставлять его на ветке было неразумно. Но и съесть самому, когда в доме гости, казалось неправильным. Да и привычка к самовоспитанию подсказывала: прогулять два дня на охоте, захмелеть до бесчувствия, а потом с трудом вспомнить, как добирался до дому — это точно не то, что следовало бы поощрять сладким.

Эрвин тяжело вздохнул, и отступившая было головная боль снова накатила одуряющей волной. Правильно! Загулял, ещё и ребят на то же безобразие подбил, так и надо, мучайся теперь!

Переживая неприятные минуты терзаний — чувство вины было острым и болезненным, — стал готовить завтрак на всех. Микроволновка так не замечала его как тогда после первой, так и сейчас, после второй капли силы. Не отреагировала и на третью. И даже шлепок по толстой спине не дал результата.

— Ах ты ж цукканова отрыжка! — зло проговорил Эрвин, но зверь лежал с сонно прикрытыми глазами, плотно закрытым ртом. Пригрозил: — Выброшу в Лес! Ну-ка, открывай пасть!

Рука чесалась дать упряму в лоб, но с порога раздался голос Джолли, веселый, как всегда, но — что необычно — хриплый.

— Что, с кухонной утварью воюешь?

Эрвин оглянулся и сморщился — снова всколыхнулась притихшая боль. Но когда рассмотрел приятеля, не смог сдержаться — рассмеялся, сгибаясь пополам. Всегда такой подтянутый, чистенький и аккуратный, сейчас Джолли напоминал едва вылупившегося дракона: волосы взъерошены и торчат в разные стороны, лицо помятое, а один глаз вообще заплыл. Вот уж кому охота запомнится надолго!

Друг явно обиделся. А Эрвин, всхлипывая от смеха, нарезал снесь и поливал её едкими соками лимона и одуванчика. Со стоном на кухню ввалился Андре, и вмиг стало темнее — он своими плечищами закрывал свет от окна — а его смешной тонкий голос больно ударил по ушам:

— Что тут у вас?

Эрвин обернулся, чтобы посмотреть на друга. Вот кто всегда отличался однообразием во внешности — хмельные соки, бои, недосыпание, тяжелые тренировки — ничто его не брало. Он всегда умудрялся выглядеть свежо, как спелый персик.

Кстати, персик!

— Да вот... Эрвин, цукканово семя, смеётся надо мной, — обиженно проговорил Джолли и схватил тот самый спелый персик, который в воспитательных целях не стал есть хозяин.

Он лишь чуть скривился и вернулся к приготовлению завтрака — жаль, конечно, не попробовать ему сегодня и дольки. Джолли так вкусно вонзал в мякоть зубы и с шумом втягивал сок, там упоённо жевал так долго лелеемую сладость, что Эрвин не сдержал вздоха.

Ну и ладно, подумаешь, сладкое! Зато с друзьями повидался, а такие события, как их прилёт, как совместная охота, как весёлые перебранки и даже эта, одна на всех головная боль, бывают нечасто.

Андре снова пропищал:

— Эрвин, мне бы на башенку связи, а?

— Открыто там, иди.

Когда Эрвин уже выставлял на стол блюда, подтянулся Тимон. Тоже волосы торчком и лицо помятое. Вроде и разные они — один большой и светловолосый, другой сухощавый брюнет, а в дружеской попойке одинаковы.

— Эх, други, как хорошо, что вы прилетели! Пусть наградит вас Лес-Прародитель.

Джолли, явно ещё не отошел от обиды — вот же смешной! — вьедливо сказал:

— Мы, вообще-то, не к тебе прилетали, — и Эрвин перестал жалеть о потерянном сладком персике, чью крупную косточку он сейчас вертел в пальцах, — мы прилетели на охоту. Ты тут ни при чём, просто живёшь ближе всех к Полярному острову, а так... Можно было бы и не прилетать.

Эрвин через стол двинул болтуна в плечо:

— Молчи уже, Джолли.

— Да, молчи лучше, — поддержал его и Андре. — Хорошая была охота, мясом запаслись, шкурами.

Эрвин подумал, что ещё и впечатлениями. В последнее время тоска от одиночества одолевала его всё чаще, и такие сборища были отдушиной, редкой, замечательной, дающей отдохновение не столько телу, сколько его душе.

— Я свою долю выменяю на что-нибудь стоящее, — задумчиво продолжил Андре. Его обычное немногословие пропало то ли от воздействия вчерашних хмельных соков, то ли вдруг захотелось поговорить.

Да, наверное, именно оно, потому что следующие его слова поразили всех.

— Хорошо бы на жену, но не знаю даже получится ли... На следующую сезонную ярмарку хочу попасть. Может и найдется по мне невеста?

Эрвин кивнул, соглашаясь. Не говорить же ему об очевидном? Он и так знает, что даже бесплодная женщина не пойдет в дом такого, как любой из нас.

— А меня маманя никогда не женит, — после персика настроение у Джолли, кажется, улучшилось, и он завёл привычную песню про свою маманю — персонажа когда трагического, а когда и драматического. Вот только в его устах, о каких бы событиях с участием мамани он ни рассказывал, она всегда получалась почему-то персонажем исключительно комическим.

И Эрвин с Андре уже пустили улыбки на лица, ожидая новую хохму про маманю, когда в кухне появился Матвей.

— Эрвин, — позвал он тихо. — Тебе почта. Из Центра.

Ну не болела уже голова, уже руки не дрожали и даже желудок вел себя прилично, а от одного слова «Центр» навалилось всё сразу — и голова, и дрожь, и спазмы в желудке. Недовольно скривившись, Эрвин взял протянутую бумажку и прочитал:

«Я, глава форума, гранд-шеф стейтов Дукс, сим приказываю:

Охранителю Леса Эрвину, живущему за Срединными Альпами, прибыть в Центр для выполнения срочного задания по поимке Зверя и доставке его в мою лабораторию.

Явиться немедленно по получении сей бумаги. Вознаграждение — после успешного выполнения задания».

И Матвей, и Джолли, и Андре смотрели вопросительно, и Эрвин ухмыльнулся.

— Этот цукканов сын, Дукс, вызывает в Центр, предлагает награду за работу. Надо ему изловить кого-то.

При упоминании Дукса друзья насторожились, на слове «награда» напряглись, а поняв, для какой работы, зашевелились, завозились, начали приподниматься.

— Эй, эй! Вы чего? — Эрвин потянулся и зевнул, махнув друзьям успокаивающе. — Сидите.

Они замерли, и теперь смотрели на хозяина с совершенно одинаковыми выражениями на лицах. Джолли широко открыв глаза, Тимон — изучающе склонив голову набок, и даже обычно невозмутимый Андре выглядел удивлённым. В лицах всех читалось непонимание.

Эрвин усмехнулся и поднялся из-за стола. Ему необходима была коротенькая, совсем незначительная, хоть на несколько мгновений передышка: нужно было справиться с собой. И Эрвин сделала два шага, два больших шага до холодильника и зашел за перегородку. Там, держась за край толстой длинной полки, на которой лежали куски мяса с последней охоты, выдохнул сквозь зубы и прикрыл глаза. Ах ты же ошибка генной инженерии! Мерзкая столичная гадина! Награду он предлагает! Да провались ты со своими наградами, поимками и Центром! Эрвин резко крутанулся к полке, где стояли соки, сгрёб все кувшины и весь хмель и шагнул обратно к продолжавшим удивлённо молчать товарищам.

— Други, гуляем дальше! Я угощаю!

Они всё так же молча переглянулись и снова уставились на Эрвина. А тот улыбнулся, надеясь, что получилось не очень горько.

— Что смотрите? Забыли? Мы поклялись не приближаться к столице, — и вывалил на стол, всё, что держал в руках. Жалко, хмеля осталось маловато. Однако, всё равно хватит, чтобы намешать достаточно весёлого пойла.

— Но, — осторожно начал Андре, — приказ...

— Да, приказ. Но как переступить через клятву, которую у нас вырвали тогда?

Джолли понимающе кивнул и осторожно улыбнулся, Андре вновь вернул лицу невозмутимость, а Тимон только качнул головой и вздохнул.

— Давайте выпьем сока, друзья! — провозгласил Эрвин громче, чем стоило. Но и тише не мог сказать — как заглушить воспоминания об убитых крылатых товарищах, почти братьях? О погибших драконах, и погибших не в честной схватке, не в бою, а от подлости тех, кому они доверяли — людей. Как забыть самок драконов, которые погибли вместе со своим потомством, так и не увидев его?

Большие чаши сошлись над столом, и без лишних слов были опустошены.

О чём тут говорить? Говорить о таком не хотелось. Такое хочется забыть. И покрепче. А хмельной сок вполне способен этому помочь. Вторые чаши тоже опустели в молчании, а потом печальные воспоминания отступили, и Джолли всё же рассказал историю о своей

мамане. Потом ещё одну и ещё. И никому много лет ненужные пожарники Великого Леса уже хохотали, утопив все грустные воспоминания, не желая помнить плохое и веря смешным глупостям, которые Джолли сочинял, похоже, прямо на ходу.

Глава 8. Идона

Идона

Воспоминания — это, конечно, приятно, но кроме них в жизни были важные дела, и за Эсбеном стали разъезжаться и другие главы стейтов.

Мариджн вежливым кивком прощался с каждым отбывающим, но в глазах его пряталась горечь — уезжая, они ставили свои интересы и интересы своих стейтов выше интересов всего форума, выше интересов других. Уже давно форум перестал быть чем-то объединяющим, чем-то, где интересы каждого стейта становились интересами всех. Мариджн, который прекрасно понимал, что не просто так помощь до сих пор не пришла, а достать Дукса из лаборатории теми силами, что оставались, вряд ли снова удастся, всё больше ожесточался.

Идона наблюдала неспешное опустение общего зала форума и только молча поджимала губы: похоже, что в кои-то веки их с отцом мнения совпали — это постепенное отбытие шэфов было похоже на бегство. Разве что без свойственных этому действу паники и поспешности. Однако Идона почти не сомневалась, что каждый из покинувших общий зал сделал это с облегчением и хорошо прикрытой радостью. Радостью от того, что беда стряслась не с ним, не в его стейте, что его обошла стороной.

Дочь посматривала на отца — не скомандует ли он отъезжать и им. Но Мариджн молчал. И Идона надеялась, что он и дальше будет молчать и сидеть на своём месте. Ей хотелось быть в центре событий, тем более что именно здесь, она это чувствовала, эти события и должны развиваться.

Очень хотелось остаться в столице, где раньше никогда не была, посмотреть новое и необычно большое поселение. Это было, конечно, довольно детское желание. Но и для самого важного в её жизни эти время и место были идеальны. Поэтому Идона в один из моментов, когда отец был занят тихой беседой с не уехавшим ещё главой стейта о хозяйственных делах тихо, без единого звука или резкого движения, выскользнула из общего зала.

Полит оказался неплохим организатором, и членам форума и их сопровождению не пришлось голодать. Им предлагали легкие закуски, позволявшие утолить голод. Тех, кто оставался на ночь, обеспечивали комнатой в гостевом доме форума. Идона воспользовалась этой возможностью.

Спать она не стала, хотя широкая кровать выглядела завлекательно со взбитым облаком постельных микроорганизмов, а вот услуги душевого зверя, который ей очень понравился тем, что не пришлось отдавать ни капли силы, использовала с удовольствием. Вода из душевого лилась не сильным, но приятным потоком, и она успела не только смыть с себя суточную пыль и пот, но и понежиться под теплыми струями, пока вода не кончилась.

Вытерлась Идона не куском улиточного мочала, как дома, а полотенцем. Мочало было доступно всем и каждому на их планете, потому что росло везде и выделки перед использованием почти не требовало. Но такой роскоши, как полотенце, да ещё и из тонкого слоя морской губки, она не видела никогда прежде. Полотно отлично впитывало влагу, оставляя приятное, бархатное чувство на коже. Идона даже второй раз умылась, чтобы снова вытереться.

«Новая разработка, не иначе! Нам такие никто не показывает. Живем в своем

цуккановом углу, до нас ничего не доходит», — думала она со злой обидой и завистью, понимая всё явственнее, что ей очень хочется остаться в Центре на любых условиях. Здесь собраны все передовые разработки всех стейтов по всем направлениям знаний, по всем потребностям людей.

Только тут пользуются всеми благами их цивилизации далеко не все, и это несправедливо! За короткое время, что она провела в Центре, она видела только малую часть и лишь то, что лежит на поверхности. А сколько скрыто или просто незаметно?!

Хотелось жить вот так — вытираться такими полотенцами, мыться в таких душах и питаться так же, как кормили здесь.

Ах, Центр, столица Леса!..

Девушка только вздохнула. Отец не напрасно отказывал ей в поездках на форум. То ли он что-то знал о её планах, то ли подозревал. А может, просто боялся, что она не захочет возвращаться.

И был прав, как же он был прав! Ей уже сейчас не хотелось возвращаться, уже сейчас хотелось остаться здесь, в столице, хоть бы и вот в этом маленьком помещении. Да где угодно, лишь бы можно было мыться под тёплой водой, не растрачивая свою силу, есть вкусную еду с прекрасной посуды и... и сидеть за столом форума, рядом с другими главами стейтов. А лучше сидеть за тем же столом, но во главе!

Вывод напрашивался самый простой и очевидный — нужно стать ближе к Дуксу. Как? Кроме одного единственного способа, самого естественного, в голову ничего не приходило. Но в этом способе было кое-что, что смущало девушку: Дукс был не особенно привлекателен как мужчина.

В голове возник образ невысокого, пожилого человека, которого и мужчиной не очень хотелось называть. «Гриб сушёный» подходило ему куда больше. Идона сморщила, осознав, что «ядовитый гриб» к нему подходило даже лучше. Очень неприятный человек, очень!

Но что поделаешь? Придётся пожертвовать чем-то малым, чтобы получить больше.

Она зло выдохнула, запихнула использованное полотенце в бак с очистителями и собрала волосы в привычный хвост на затылке. Одежда не была проблемой, и выглядеть слишком просто она не боялась — её броня из гигантского муравья была лучшим украшением, даже если бы она была и вовсе без одежды.

Поднятые руки неловко замерли над головой, а глаза Идоны в отражающем листе стали круглыми. В полупрозрачная броне, но без одежды?! Ах, какая хорошая мысль! Она улыбнулась коварно. Совсем уж голой под бронёй, наверное, будет перебор, но если разумно распорядиться самым минимумом, Дукс не сможет не заметить!..

И гордая дочь вождя самодовольно улыбнулась своему отражению. Выходя из комнаты в "особом" боевом облачении, пыталась притушить торжество в душе — пьянящий вкус победы кружил голову. Жаль, что недолго.

— Идона? — услышала она вопрос у себя за спиной.

Тут же сбилась с мягкого скользящего шага.

Остановилась.

Развернулась.

Перед ней стоял отец, а его взгляд медленно скользил по её наряду. Когда осмотр подошёл к концу, поднял глаза и молча уставился дочери в глаза. Левая бровь страдальчески приподнялась. И только через долгие три мгновенья шеф Влажного Южного Леса произнёс:

— К ужину полагается одеться.

Идона открыла рот, чтобы ответить — она одета! Но отец не дал сказать ни слова:

— Идона, то, что я вижу, недопустимо.

— Но, отец! Это может расширить наше влияние на Дукса!

Маридж не стал отвечать, а только сделал несколько шагов к дочери, крепко ухватил её за руку, втолкнул в выделенную ей комнату, оставшись за порогом.

— Подожду здесь, — прокомментировал спокойно и сложил руки на груди. Всё ясно: не выпустит, пока она не приведёт себя в порядок. В тот порядок, который *он* считает правильным.

Девушка отвернулась, скрежетнула зубами и стала срывать с себя доспехи. Отец ответит ей за всё! За каждое подобное унижение! Не сегодня, пусть! Но она добьётся того, что станет ближе к Дуксу, сможет влиять на него, и вот тогда... Тогда все поплачут, кто хоть словом, хоть одним косым взглядом обижал её!

Выбрав самые узкие брюки, Идона резко дергала ногами, натягивая их, будто ткань была в чём-то виновата. В голове бились мысли отчаяния и сожаления — ей нечем достойно ответить отцу. Дома она бы что-нибудь придумала такое, доказала бы ему, что и в одежде можно казаться голой, а здесь... Самое большее, что смогла придумать — не одевать привычных доспехов. Так она даже сама чувствовала себя не одетой. А длинную тунику... Тунику косо обрезала костяным ножом, сделав короткой, а шнуровку на груди распустила до неприличия.

Осмотрелась в отражающем листе. Недовольно скривилась: вышло так себе. Но всё же лучше, чем могло бы быть в этих условиях. Вот только с лицом всё было плохо — никак не получалось нацепить хотя бы нейтральное выражение. Она и так, и эдак строила гримасы, а потом махнула рукой — пока дойдёт до общего зала форума, может, что-то и наладится. Отец вряд ли бы обманулся её спокойствием, так что вперёд, на завоевание Дукса!

Ужин прошел тихо и в самой скромной компании — отца, шефа Южного Леса и Полита. Идона, сидевшая как на иголках, всё ждала, что вот-вот появится гранд-шеф, выйдет из лаборатории и сядет за стол вместе со всеми, как-то отреагирует на её провокационный наряд и отсутствие доспехов.

Что она будет делать дальше, Идона не думала просто потому, что и первое её ожидание никак не сбывалось — Дукс не появлялся.

— Предлагаю провести вас по Центру, показать столицу, — специально для неё повторил Полит, после того как отец дёрнул её за тунику, то и дело съезжавшую с плеча, и обратил на себя и на секретаря внимание.

— О, — немного обрадовалась Идона и даже улыбнулась. — Конечно. С удовольствием!

Прогулка получилась недлинной и не очень интересной: Идона ожидала чудес на каждом шагу, множество праздных людей, диковинных животных. Но ничего этого не было.

Да, чуть пошире тропки между домами, да, сами дома чуть повыше, чем в их поселении, да, на центральной, довольно большой поляне столицы, фонтан — специально выведенная водяная ящерица в большом каменном бассейне, пускавшая в небо несколько струй воды.

Сосредоточится на всём увиденном у Идоны не получалось, потому что она размышляла — увидит ли Дукса сегодня ещё раз или нет? И если нет, то что делать?

А вот отец с большим интересом расспрашивал Полита, указывая то на одно, то на другое, что видел среди строений Центра, а его дочь всё больше мрачнела и нервничала, предчувствуя, пропустит гранд-шефа.

Так и произошло: когда они вновь вернулись в здание форума, Полит с видимым

облегчением сказал, что, судя по всему, Дукс и помощники уже отбыли на ночной отдых.

Мариджн только криво ухмыльнулся, будто получил именно то, что и ожидал. И пошел на почтовую башенку — отправить распоряжения в свой стейт на завтра.

Глава 9. Зверь

Зверь покидал очередное поселение довольно урча. И причины ощущались весомо: в желудках было тяжело от вкусной и сытной еды, активно и даже радостно сокращались сердца, а центральный ганглий усиленно перерабатывал поглощенную силу. При этом Зверь ощущал себя предельно сытым, бодрым, не чувствовал усталости и растраты сил, как после прежних кормёжек.

Но в этом заключалась только половина радости. Были и ещё причины.

Солнце было высоко, и до ночи Зверь мог пройти ещё большой отрезок пути к тому далёкому и большому скоплению новой еды. Очень далёкому и очень большому скоплению.

Потом, когда станет темно, можно будет прилечь в густом подлеске, восстановить силы в зелёной растительной тиши, принюхиваясь к ночным запахам этого странного большого леса, прислушиваясь к пенью птиц, шороху насекомых и насладиться в полной мере жизнью. И только потом продолжить путь.

А пока... Пока он бодро семенил по почти незаметной лесной тропке. Каждая конечность сама по себе смешно и дико изгибалась, но в общем движение большого тела-головы получалось плавным и скользящим, даже грациозным.

То, что ощущалось внутри тела, было не просто удовольствием. Это было глубоким удовлетворением, таким глубинным, пронизывающим всю сущность Зверя, проникающим на уровень инстинктов, что изнутри, из самой сути что-то отозвалось нежной внутренней дрожью — такой долгожданной, такой желанной, такой ожидаемой.

Вот и ещё одна причина быть довольным!

Позади оставалось скопление остатков еды, следы его нового пира. Но Зверь уже был не тот, что вначале пути: он стал не только разборчивее в еде, но и осторожнее, хитрее, аккуратнее в своих действиях. Потому и устроил он себе перекус сейчас, пока светло, и сделал так, что следы за ним сейчас замывали, зачищали, убирали люди. Люди, которые будут молчать.

И так будет лучше.

И питаться так лучше: никто не пытался воздействовать на него высокими монотонными звуками, не сопротивлялся, источая горькую желчь, портившую нежную мякоть печени, не махал своими тоненькими и слабыми лапками, подставляясь под его когти. Потому и удовлетворение стало таким глубоким, потому и хотелось полежать в тишине, потому и прошла та глубинная нежная дрожь, такая желанная, такая долгожданная!

Но отдыхать пока не время, и потому Зверь неспешно продолжал свой путь. Впереди, он явственно это ощущал, было множество приятных флюидов силы этих странных, слабых, но вкусных существ. Они были забавными со своими только двумя тоненькими лапками внизу, которыми ничего, кроме передвижения, делать не могли. А две ещё более тоненькие ножки вверх были ещё забавнее. Забавнее, но не вкуснее.

Зверь уже пробовал, и ему не понравилось: хрустит во рту, ломается и колется. То ли дело эти существа изнутри — мягкие, нежные, горячие! Фиолетовый язык рефлекторно обтёр шерстку вокруг рта — как же вкусно!

Впрочем, как выглядела еда, не имело совершенно никакого значения. Намного важнее другое — питательность. Эти смешные существа были куда более питательны, чем остальные в этом бесконечном лесу.

Дукс

Дукс забылся. Он слишком увлёкся, размышляя о результатах закончившегося этапа опыта, и вспомнил, что в здании форума гости, лишь когда переступил порог и столкнулся нос к носу с шефами стейтов Южного Влажного Леса, Светлого Леса и Копей.

Шедшие сзади Эодан, Фнорре и Свер замерли, пытаясь в неловкой тишине разобраться что к чему и не решаясь наступать без команды шефа. А тот от неожиданности дернулся, остутился, отчего разозлился ещё больше. Обвел нетерпеливым взглядом лица стоявших перед ним. Между фигурами гостей выглядывал Полит: губы истерично дергались, в глаза — испуг. Ну хотя бы этот знает своё место!

На лицах забытых гостей, загородивших вход в здание, ничего нельзя было прочесть. В том смысле, что ничего хорошего. Лица были самые что ни на есть каменные, жесткие. Настолько жесткие, что, казалось, даже взгляду, брошенному на них, больно. Без всяких уточнений было понятно, что ничего хорошего такие лица не предвещают. А уж если посмотреть на их руки...

Дукс как раз посмотрел. После чего побледнел ещё больше, и от этого его злоба стала вовсе запредельной, накрывая его с головой.

А всё почему? Правая рука каждого из шефов лежала... Лежала на самом дорогом, на достоянии их стейтов — на символах власти, на кинжалах! А это кое о чём говорило: они не шутят, настроены решительно и куда более серьёзно, чем вчера. Более того, этот жест говорил: они угрожают!

И понимание, что всё непросто, резануло по сердцу, плеснуло адреналина в кровь, и войти в раж Дуксу уже не составило ни малейшего труда. Он мгновенно побагровел, раздулся и завизжал:

— Какого лысого цуккана вы тут делаете?! Вам, что, по домам не сидится? Нечем заняться? Так у нас на общие работы всегда нужны люди! Санитарные ямы переполнены биологическими отходами категории Г! Сейчас пойдёте, поможете нашим добровольцам!

Лучшая защита, как известно, — нападение, а гранд-шеф сильно, просто невероятно сильно испугался. Он точно знал, что такое настроение этих людей не сулит ничего хорошего. И не попасть в лабораторию — ещё не самое страшное, что обещали ему тяжёлые каменные взгляды. Потому и кричать он стал в два раза громче и пронзительнее, чем обычно.

Главы стейтов слегка дрогнули. Выражение лиц не стало мягче, просто чуточку, только самую малость размягчилось, но вот руки!.. Руки остались по-прежнему на самом дорогом. И Дукс, чувствуя, что зерно пошло в рост, заверещал ещё пронзительнее, так что уши у окружающих стало закладывать, а веки хоть немного, едва заметно, но стали щуриться, как от сильного ветра. И руки, наконец, тоже дрогнули и расслабились, отпуская наверх родовых кинжалов.

— Чего припёрлись, я вас спрашиваю?! — орал неистово Дукс и от злости топал ногой, слюна разлеталась фейерверком, а дряблая кожа дрожала и подскакивала в самом неистовом ритме. Он продавливал свою волю, используя малую толику силы, слегка, почти незаметно, будто невзначай.

Из-за спин старых и опытных, но всё уже не таких решительных и с каждой секундой

смягчающих позицию мужчин, вышла Идона и, обольстительно улыбнувшись, подошла. Приблизилась вплотную, так, что Гранд-шефу стали видны волоски её бровей, нечёткая линия подводки для глаз, выдававшая, что ящерка, использованная для этого, уже стара.

Дукс перевёл дыхание, и девушка, воспользовавшись паузой, тихим глубоким голосом заговорила-замурлыкала:

— Дорогой, уважаемый Дукс! Шефы стейтов получают всё новые и новые сведения из своих земель. И сведения неутешительные. И каждый из них, и все вместе, они хотят знать, когда же придут защитники, которых вы вызывали в Центр? Мы устали ждать...

Последнюю фразу она произнесла так, что хотелось обхватить её за плечи и вцепиться злобно-жадным поцелуем в губы. Хотелось *бы*. Если бы Дукс мог реагировать на женщину так, как среагировал бы любой мужчина. Но Дукс не был любим, он был Дуксом, сильнейшим человеком на этой планете. Он нахмурился, припоминая, что именно эта молодая самка предлагала ему себя. Гранд-шеф окинул взглядом её фигуру так, будто ощупал рукой. Идона приосанилась, а Дукс снова подумал, что, если рассматривать её как сосуд для своих опытов, в которых его самая молодая жена не может участвовать, то... Или?..

Его осенило.

Гранд-шеф резко дернулся, зашарил взглядом по плотно сомкнувшим ряд мужчинам, выискивая своего помощника:

— Полит! Почему мне не доложили о прибытии пожарного?! — взвыл во всю мощь лёгких.

От неожиданности и ещё одного фонтана слюны Идона отшатнулась, теряя равновесие, но на ногах устояла — в Лесу бывало и не такое. Она чувствовала, что отец ухватил её за локоть и пытается оттащить в сторону. Или, быть может, себе за спину. Но она твёрдо стояла на своём и не собиралась отступать. Стараясь сделать это также незаметно, выдернула свой локоть из отцовской хватки. Улыбнулась, скрывая неловкость, и ответила Дуксу, будто вопрос был обращен к ней:

— О, уважаемый! Именно это мы и хотим у вас узнать. Все устали ждать решения нашего вопроса!

Дукс распрямылся, будто его растянули на луке вместо упругой лианы, выпучил глаза и опять заорал:

— Полит! Где тебя цукканы носят? Голубь из-за Срединных Альп прилетал?

Бледный Полит, нервно подергивая шей, подошел и, став сбоку и немного сзади, почти за плечом шефа, чтобы не попадать ему на глаза, тихо произнес:

— Уважаемый Дукс, ваши указы были высланы Эрвину...

Дукс взвизгнул, как раненный детёныш ящерицы, дернулся, повернулся к помощнику:

— Не называй этого имени при мне!

Полит затрясся, поклонился и даже слегка присел, чтобы казаться меньше, и поспешил исправиться:

— Да-да, уважаемый, хорошо! Ваши указы были высланы... эээ... пожарнику, но он не прибыл и весточку не прислал. Хотя ответная птичка мола быть тут ещё вчера.

Глава шефов перешел на визг, от которого с ближайшего куста тревожно пискнула и вспорхнула стайка птиц:

— Где эти бездельники Свер, Фнорре, Зэодан?! Пришпилю всех троих к лабораторному столу вместо препаратов!

Полит вытер испарину со лба, чувствуя, что гнев Дукса направлен уже не на него. А трое помощников мгновенно оказались перед Дуксом, без труда оттеснив вглубь помещения шефов трёх пострадавших от зверя стейтов.

Гранд-шеф неистово проорал прямо в лица помощникам:

— Двое! Доставить мне этого пожарного! Драконом! Одно крыло там, другое тут! Чтобы сегодня же, до заката!

Свер и Снорре быстро метнулись к выходу, будто смытые океанской волной. Зэодан остался стоять перед своим начальником с виду невозмутимый, но со слишком напряженной, слишком прямой спиной, с преувеличенно расслабленными руками и ногами, как у человека, готового к рывку.

— Ты! — взвизгнул Дукс.

На верхней ноте закашлялся и непроизвольно метнул в ассистента искру сілы. Тот успел дернуться в сторону, и колючий огонёк, мелькнув, чиркнул его по плечу, и попал в стену. Биокаркас здания задымился и затлел, а Полит ловким, отработанным до автоматизма движением накинул на дыру водяную ящерку, питающую поливную систему растений внутри здания.

Ящерица, похоже, тоже была тренированная, потому что прикрепилась к дыре намертво. Дым перекрыла, да и тление, кажется, тоже.

Главы стейтов, стоявшие сразу за спиной Зэодана, перестали дышать, и Идона наконец поняла, почему отец и другие шефы так боялись Дукса: неуравновешенный и невероятно сильный, не контролирующийся себя и свою сілу, он был безусловно опасен. Не опаснее гигантского муравья, конечно, но убить гранд-шефа, как муравья-гиганта, нельзя.

Зэодан стоял, закусив губу, и не шевелился, боясь спровоцировать главу форума на ещё одну вспышку, а из его раны по руке текла темная, почти черная кровь. «А ведь ему, пожалуй, больно», — подумала мимоходом Идона, как раз между мыслью о том, как часто Дукс так гневается, и другой — о том, какая же в нем упрятана сілища.

А гранд-шеф, слегка выпустив пар, стоял, сжимал и разжимал кулаки от злости, вращал глазами и громко злобно сопел. Но рассыпаемые им искры были уже мелкими, не такими яркими и почти неопасными.

Глава 11. Эрвин

Эрвин проснулся от удара в живот. Первой мыслью было: «Хмельные соки перебрали?»

Но когда удар повторился раз и ещё раз, понял — желудок тут ни при чем. Отработанным движением двинул ногой, кто-то над ним охнул, а кто-то другой забормотал ругательства и попытался скрутить руки. Глаза у бывшего охранителя не хотели открываться, а узкие щелки, в которые они превратились, пропускали слишком мало: он никак не мог понять кто напал. Только и разобрал — двое мужчин, обычных сапиенсов, не знакомых.

Эрвин был хорошим бойцом, и слава Лесу-Прародителю, не оставлял тренировок, но хмельной сок и численное превосходство противника не дали шанса противостоять достойно. Эрвин боролся как мог, отбивался изо всех сил, но помогало плохо. Его, почти слепого, лежачего, оглушили ударом по голове. Удар оказался сильным, но неумелым, и бывший охранитель сквозь полузабытьё почувствовал, что ему скрутили за спиной руки и, не церемонясь, поволокли из дома.

Потом — ругательства и пинки, хват за одежду, и он куда-то полетел. Но полёт почти мгновенно окончился падением на что-то жесткое, неровное, слегка пружинящее. Пытаясь отогнать гул в голове, потряс ею. Град новых пинков грубой обуви заставил снова смежить веки и последний удар — удар по голове — окончательно потерять ориентацию в пространстве.

Пришёл в себя от шершавого языка, жесткой щеткой гулявшему по лицу — Арта. Чувства стали возвращаться к нему. Где он? Глаза по-прежнему не открывались, в ушах шумело, слышались голоса. Или это не в ушах шум? Мурчанье заботливого друга он слышал хорошо... Качка и встряхивания не сразу, но всё же подсказали — он летит в гондole дракона, валяется как что-то ненужное на дне.

Спазмы в желудке раз за разом заставляя мелкую дрожь разбегаться по телу. А ещё подсказали, что те, кто управляет драконом совсем не мастера своего дела. Эрвин пошевелился и наконец почувствовал свои руки — острая боль резанула запястья, сведённых за спиной рук. Значит, связаны. Всё правильно, встретил он их неслабо, эта предосторожность понятна...

Желудок скрутило опять, и опять сильно, сильнее, чем раньше — он, бедняга, вчера и за предыдущие дни нагрузился слишком сильно. И, кажется, всё, что там сейчас оставалось, просилось наружу.

— Мне плохо! — прохрипел пленник, желая предупредить невидимых похитителей о грядущей катастрофе. Пусть она и была небольшой, локальной.

Никто не отозвался. Или Эрвин слишком тихо говорил, или его просто не слушали — свист встречного ветра и хлопанье крыльев боевого дракона уже заглушали натужные звуки голосов. Пожарник ещё разок попробовал предупредить стоявших рядом, и изогнувшись, попытался встать. Над головой голос, относимы ветром, сорвался на крик, а сам Эрвин получил удар в живот и с чистой совестью исторг содержимое желудка на ту самую конечность, которая пыталась его остановить. А судя по визгу, в который перешёл крик, ещё и Арта помогла хозяину. Вцепилась в другую ногу?

Ты — мне, я — тебе. Всё по-честному, по справедливости.

И хотя справедливость была восстановлена, ощущения в теле были крайне

неприятными: руки-ноги покрылись холодным потом, а по спине промчалось стадо мурашек, спазм снова и снова скручивал желудок, только уже без того результата, благодаря которому его слух до сих пор ласкал бешеный поток брани, где «драный цуккан» был нежным и ласкательным прозвищем.

Да, да, да! Почистить гондолу в воздухе было невозможно. И если боевой дракон, что сейчас махал крыльями где-то высоко над головой, был брезгливым или слишком чувствительным к запахам, им всем не позавидуешь, однако же парням, что возвышались над пленником — больше.

Во-первых, Арта. Сейчас она рычала и огрызалась, спиной упираясь почти в лицо Эрвину. Во-вторых, кто бы ни послал эту экспедицию, делал он это не прогулки ради или смерти пожарного в дороге.

Потому что, если Эрвин так срочно кому-то понадобился (кому — и так можно догадаться) впервые за столько лет, не сносить им головы за потерю столь ценного пленника. Это понимание наполняло душу горьким злорадством.

Ругательства над головой становились всё громче и изысканней. Если бы Эрвин мог, засмеялся бы, заодно — отвлекся от боли. Но избитое лицо не давало сделать ни единого движения, да и всё тело болело. Хорошо, хоть рот не завязали.

Летели долго. Эрвин продрог, связанные руки быстро онемели, а потом и вовсе потеряли чувствительность. От холодного воздуха боль в теле стала чуть меньше, а хмель выветрился из головы, но недосып, слабость после рвоты и удары по голове не прошли даром, и он то и дело проваливался в забытье, нарушаемое только резкими толчками от неумелого управления драконом и Артой, то бодавшей его лбом, то покусывающей за плечо.

Но потом и она перестала беспокоить, и он провалился в сон без сновидений. А проснулся от тишины и неподвижности. Ветер не свистел над бортами корзины, а сама она замерла, как могла только гондола приземлившегося дракона — кривовато, но устойчиво. Голоса над головой, весь путь бубнившие что-то негромкое, но эмоциональное, тоже стихли. Слышались отдалённые щебет птиц и тихий шелест листвы — Лес был непривычно далеко.

Эрвин осторожно попытался открыть глаза, боясь, что они вообще заплыли после встречи в ногамми его похитителей, но к огромному удивлению веки приподнялись. Не полностью — отёк хоть и уменьшился, но не ушёл совсем, общее самочувствие тоже улучшилось. Кроме, пожалуй, рук — их он совсем не чувствовал и в каком они состоянии, оценить не мог. Наугад вылил по капле силы и в одну, и в другую в надежде, это улучшит кровообращение. В кистях закололи иголки, Эрвин попробовал двигать пальцами, но так и не понял, получилось что-то или нет.

И он лежал на боку на загаженном полу корзины и думал о самых близких к нему вещах — о гондоле, о драконе, который нёс его и о похитителях.

То, что гондола не его, стало понятно, когда он только свалился на её дно — его была старая, из толстых канатов, которые он плёл сам из измочаленных лиан. А здесь было переплетение каких-то полос — будто из листьев гигантского клёна. Но в таком положении рассмотреть было сложно. Но если корзина не его, то и дракон — чужой.

Это было и хорошо, и плохо.

Хорошо потому, что на душе было спокойно — его Санна, его боевая подруга не пострадала и не пострадает от чужих рук. А плохо потому, что Эрвин не знал, как теперь добираться обратно. А то, что придётся добираться, не вызывало сомнений — не тот Дукс человек, чтобы оставить его в Центре.

Сделав попытку подняться, услышал голоса — недовольные, опять с руганью, и над ним склонились и незнакомые, и уже виденные в начале этого чудесного путешествия лица. Те двое, что были знакомы, забралась к нему внутрь, наступая на бок гондолы, чтобы она наклонилась ещё больше, и его не пришлось перекидывать через борт.

— Руки развяжите, — прохрипел сорванным голосом Эрвин.

— Заткнись ты, — зло прорычал один из знакомых, приподнимая его за подмышки.

Другой молча ухватил за ноги, и вдвоём они выдернули его на траву. Эрвин больно приложился плечом. А другие палками отгоняли рычащую Арту, которая старалась отбить хозяина.

Его попытались поставить на ноги, но идти пленник не мог — то ли отлежал конечности, то ли их отбили. И плохие парни, ругаясь в полголоса, подхватили его под руки с двух сторон и куда-то поволокли.

Что это было за место Эрвин толком не мог разглядеть через плохо открывающиеся глаза, но контуры здания форума всё же угадал. Кому бы Эрвин ещё понадобился?

Глава 12. Эрвин

Когда втащили внутрь здания, то не особо церемонясь, бросили рядом, прямо на пол. Рядом болезненно мякнула и рыкнула Арта.

Эрвин выругался — он ударился связанными кистями о стену, и едва не взвыл от боли, пронзившей кисти, плечи, и шибанувшей в голову. «Ну спасибо, цуккановы дети, прямо на пол. Хорошо, хоть не лицом. Вот Дукс порадуетя, увидев меня в таком виде. Ему будет приятно», — мысленно ёрничал пожарный, стараясь справиться с собой.

Чуть придя в чувство, попытался открыть глаза. Сквозь узкие щёлки сумрак помещенья казался непроглядной темнотой со слабо светящимися зеленью окнами. Ну раз глазам доверять нельзя, тогда уши. Прислушался.

Рядом сопела рысь — она всегда так работала носом, когда старалась вырваться из захвата. Спеленали сіловой сетью?

Что ещё? Судя по звукам, помещение большое. Зал заседаний Форума? Возможно. В зале, кроме притащивших его, были ещё люди, но их было немного. Все молчали.

Старая привычка не надеяться на одно лишь зрение, которого, вот уж удача, как раз сейчас почти и не было, выручила: по тихим шорохам одежды, шуршанию бумаги по столу, слабому звуку дыхания и движений сориентировался — человек восемь-десять, все выше и дальше.

Молчат... Скорее всего, смотрят на него и Арту, тихо, едва слышно рычавшую рядом. Зверя-то можно было и не трогать, цуккановы дети!

Где-то за перегородками, в соседнем помещении слышались голоса — сначала едва различимые, затем всё более отчетливые. И один из них был явно знаком. Да это же душка Дукс!

Предвкушая встречу, Эрвин мимо воли растянул губы в улыбке. А вдруг главный паук Леса испугается? Быстрым и лёгким шагам вторили тяжелые, а на пороге помещения вдруг замерли. Остановился, значит, смотрит.

— Привет, старый трухлявый гриб! — хрипло поприветствовал Эрвин старого знакомого, надеясь, что тому так же неприятна эта встреча, как и ему самому.

Но Эрвин ошибся, и от этого почувствовал себя лучше, — Дуксу было куда неприятнее видеть его. Потому что он завопил:

— Что это за мерзость?!

Мерзость — это, видимо, он, Эрвин. Ох, прямо прохладная лечебная мазь на каждую рану, каждый кровоподтёк! Как же хорошо! Сразу все ушибы и ссадины перестали болеть и появились силы, чтобы, поджав под себя ноги, приподняться и сесть, откинув голову на стену.

Рядом завозилась Арта, и Эрвин почувствовал горячий и жесткий, словно щетка, язык у себя на локте. Вот единственное существо, которое знает, что такое благодарность и верность.

— Как же мерзость? Я твой дурной сон, Дукс, твой ночной кошмар. Давно не виделись, урод ты потный! — насмешливо проговорил треснувшими губами бывший охранитель, повернув голову на голос.

В ответ на это Дукс взвизгнул и заорал, переходя на такие высокие ноты, будто Эрвин не слово сказал, а зажал ему кое-что нежное. Да зажал сильно, неосторожно.

— Почему он в таком виде?! Я кого требовал привести? Вонючее чучело или стража?!

— Да он в гондоле дракона того... этого... — попытался объяснить один из здоровяков, что притащили его сюда.

— Вы его в стойло ящера привели или ко мне?! Отмыть немедленно! Привести его в нормальное состояние! И поднимите, пусть он стоит!

Сильные руки миглом вздернули Эрвина вверх, и тут же в лицо плеснуло холодной водой, а руки свободно повисли вдоль тела. Пленник, не ожидавший такого, вдохнул воду, поперхнулся, закашлялся и замотал головой, стряхивая капли. Руками было бы удобнее сереть воду, да они весели, бесчувственные, бесполезными плетями. Но и так было неплохо — брызги разлетались в стороны, и державшие его здоровяки зло зашипели, будто вода попадала в пасть разогретой микроволновки.

На сердце Эрвина потеплело — хоть маленькая, а неприятность его пленителям. В его положении и это приятно. Вода стекала на рубаху, на ноги, на пол, а Арта фыркала где-то внизу — она не любила воду. Эрвин мысленно извинился: «Прости, подруга, так уж вышло».

Этот душ, хоть и из простой воды, был живительным — пленник смог приоткрыть глаза. Его тут же взяли под руки двое здоровущих парней. Те, видимо, кто его в гондоле тащил сюда — и помятый вид, и сходный запах говорили об этом.

Эрвин снова расплылся в улыбке: в двух шагах, чуть боком к нему, сидел Дукс на роскошном сиденье, и прозвище трухлявого гриба подходило ему сейчас как нельзя кстати.

Бывшего охранителя жизнь не щадила, украшая шрамами, но это его выбор, его судьба такая — служить, зарабатывая увечья и шрамы. А над этим... экземпляром человеческого существа, над Дуксом, поработала жизнь, украшая морщинами и складками. И сейчас приятно было видеть, что время оказалось безжалостным к гранд-шефу Леса. А может это не время, а неумеренное расходование силы сделало его таким?

В чём бы ни крылась причина, но главный недруг порадовал Эрвина своим сморщенным лицом, ссохшейся и ссутулившейся фигурой. Пожарный не преминул язвительно заметить:

— Да ты, старая цукканова отрыжка, уже под корни великому Лесу собрался? Для того меня позвал, чтобы место своё уступить?

И так это было смешно, что Эрвин рассмеялся. Жаль, разбитые лицо и губы не дали сделать этого всласть. Ну ничего, настроение-то всё равно улучшилось. А вот Дукса знатно перекосило.

— Ты!.. Ты!.. — проверещал он, вообще переходя на какой-то крысиный вой.

Арта порывивала на каждый громкий вскрик, а Эрвин любовался перекошенной рожей Дукса и с улыбкой на разбитых губах кивал:

— Я! Представь себе, я!

— Ты почему не ответил на мой вызов?! — завывал гранд-шеф, с остервенением вцепляясь в подлокотники своего сидения. Пальцы побелели, шея напряглась, на лице вздулись жилы, а само оно стало как закатное небо накануне шторма — нездорового багрового цвета.

Ой, ой, только не лопни, дядя!

— Пат-ру-ли-ровал Лес, — с издёвкой проговорил Эрвин, — чтобы тухлые черви, вроде... — сделал он паузу, окидывая взглядом ссохшуюся фигуру Дукса, — некоторых не задохнулись в дыму го-ря-ще-го Ле-са!

Последние слова он проговорил отдельно, будто издеваясь над той издёвкой, что таилась в этих словах. На лице Дукса заплясали, задёргались морщины, глаза то сужались, то

расширялись, а рот кривился в судороге, не дававшей ему сказать ни слова.

— Ох, какие мы нервные! — ухмыльнулся Эрвин, наслаждаясь беспомощностью недруга. Державшие его мужчины недружно встряхнули нахала, призывая к уважению. Но тот лишь дернул головой, обдавая их ещё одним фонтаном брызг. В ответ на резкое движение гаркнула и громче зарычала Арта.

— Да для тебя!.. — задохнулся гранд-шеф воздухом, не в силах продолжить.

Если бы Эрвин мог, сделал бы глаза круглыми в дурашливом, наигранном испуге, да избитая рожа не давала. И потому, хоть и с трудом, похлопал опухшими веками. Но вышло как надо — по-дурацки.

— Для меня? — сквозь кривую усмешку проговорил.

— Для тебя, сын цуккана! — разъярился Дукс. — Для тебя были изданы три приказа! Ты читал их, червяк?

— Я разучился читать, — хмыкнул Эрвин и задрал подбородок, отчего стало казаться, что он стал ещё выше, и возвышается не только над сидящим гранд-шефом, но и над двумя громилами, державшими его. — Долгая жизнь на краю Леса, где нет людей и не с кем поговорить, нечего читать и не на чем писать сделала меня неграмотным! — бросил Эрвин, криво ухмыляясь.

Дукс, дергаясь в спазмах ненависти, сумел прошипеть:

— Ну хоть не сдох и не оглох... Слушай тогда!

И повернулся к Политу, стоявшему с совершенно затравленным видом и втянутой в плечи головой:

— Зачитай нашему... — бросил ненавидящий взгляд на мокрого, вонючего, но не униженного Эрвина, — нашему гостю мои приказы!

Помощник прочистил горло и, бросив косой взгляд на начальство, потом на скалящуюся рысь, проговорил тихо, но внятно:

— Найти Зверя, словить и доставить в Центр.

Эрвин, прислушивавшийся демонстративно внимательно, захохотал. Было больно, но этот смех Дуксу ужас до чего не нравился, и подразнить врага — развлечение ничуть не хуже охоты.

— Домашнюю зверушку потеряли? — Эрвин сплюнул под ноги главе Форума кровавую слюну.

Дукс вскочил со своего сиденья и, размахивая руками, стал метаться по другую сторону стола, обращаясь с воплями к мужчинам, что молча сидели и наблюдали всю эту картину. Эрвин не поручился бы, но, судя по всему, это были шефы каких-то стейтов:

— Мы здесь ночей не спим! Ждём профессионала, который защитит Лес! Который спасёт людей от чудовища, что пожирает всех, а этот... этот... этот бездельник! Бездарный бездельник прохлаждается в Лесу и живет в своё удовольствие!

Эрвин опять засмеялся, повисая на руках Свера и Зэодана.

— Это я прохлаждаюсь и живу в своё удовольствие?

Большей глупости просто невозможно было представить! И он продолжил смеяться.

Крыша его дома сошлась над головой лишь к концу второго года изгнания — так, пожалуй, никто ещё не шикавал, ага! Оранжерея выведена лично Эрвином от самого первого ростка, от самой маленькой травинки!

Сколько лет впроголодь, на подножном корме!.. Сколько шкур полярных зверей ему пришлось добыть едва не голыми руками, чтобы обеспечить себя более-менее сносной

пищей! Выбросить его на задворки Леса, с мизером ресурсов, больше похожим на насмешку, чем на шанс на выживание, а теперь — Эрвин бездельник и что-то им должен?!

— Не могу помочь, бездарен я! — перевернул слова Дукса. — Да и задолжал ты мне знатно. Не буду служить без щедрой награды!

— Не могу помочь, бездарен я! — перевернул слова Дукса. — Да и задолжал ты мне знатно. Не буду служить без щедрой награды!

Но Дукс опять завизжал, вызывая недовольные гримасы на лицах шефов и странные мысли об истеричных бабах. Завизжал и ткнул в сторону девки, что стояла поодаль.

— Её!

Идона смотрела на мужчину, которого мертвой хваткой держали Свер и Зэодан. Мокрого, зловонного, грязного, избитого. Она была возмущена предложением гранд-шефа, но точно знала, что против неё, чистенькой, красивой, сильной, да ещё и в доспехе, никто не устоит. Тем большее было, когда этот помойный мужлан смерил её взглядом и опять расхохотался:

— На что она мне? Разве что съесть! Да и то, надолго не хватит.

Темнее грозовой тучи из-за стола поднялся один из шефов, — Эрвин не сразу сообразил, что он родственник девицы, — но Дукс, трясясь от ярости, так махнул на него рукой, что спонтанно слетевший пучок силы сбил мужчину с ног, неаккуратно повалив его на сидение.

— Суров ты, отец всех стейтов, — с кривой улыбкой пробормотал горе-пожарный, практически висящий между двумя здоровенными парнями.

Девка была высокая, не меньше его ростом, с черными смоляными волосами, собранными в хвост, смуглая кожа была матовой и мягко бликовала под неполной бронёй из гигантского муравья. Красива, зараза. И Эрвин поразмышляв подольше может и согласился бы разок уединиться с ней, да только размышлять ему расхотелось, едва он встретил взгляд её темных глаз.

То, что девка не очень обрадовалась открывающейся перспективе, ещё полдела, — Дукс на такие мелочи не обращал внимания. Хотя её возмущение, отобравшее речь, её выпученные глаза и безуспешные попытки захлопнуть приоткрытый рот позабавили Эрвина, но... Но потом она распрямила спину, сложила на груди руки и посмотрела на него. И вот тогда бывший охранитель, опытный воин и нынешний пожарный понял, что ничего у них не выйдет. Даже на один раз.

— Я хоть и из глубины Леса, — процедил он насмешливо, — но не дурак! Эдакое богатство себе оставьте, уважаемый.

Он знал такие лица, такие взгляды, да и осанка и поза были ему хорошо знакомы. Унеси меня дракон, да подальше, да побыстрей! — вот как он к таким относился. Лучше умереть в одиночестве, чем быть загрызенной этой ядовитой гадиной.

Неполная броня из гигантского муравья тоже кое о чем говорила. Неполная она не потому, что остальных элементов нет, где-то и остальной доспех лежит до поры до времени. Такое носили только те, кто своими руками победил подобного редкого и очень опасного насекомого. А это не просто так. Нет, девка эта, видно, та ещё штучка. А ему такого и даром не надо.

— Отдам тебе в жёны! — провозгласил Дукс, тыча корявым пальцем в красотку. И столько было в этом пафоса, столько гордости, будто он сам её собрал в собственной лаборатории из фрагментов разных зверей Леса и теперь любовался прекрасным

произведением искусства.

Эрвин только глаза закатил.

— Это что за награда? Если такое в доме держать, так сны плохие замуча. Лучше сока хмельного три бочкаря выкати, Дукс, сморчок ты недосушенный, и то награда получше будет, — Эрвин наконец оторвал взгляд от красавицы и с наглой ухмылкой плюнул под ноги гранд-шефу. Кровавая лужица угодила прямо к самой подошве сандалии самого влиятельного человека Леса. А Арта, так и лежавшая связанной под стеной, почему-то гаркнула и утробно зарычала.

Дукса перекосило, левый глаз закрылся, а левый уголок рта пополз вниз. Ох, ох, кажется, нас сейчас хватит удар!

— В Корни его! — и рухнул на свое самое шикарное сиденье.

Один из громил саданул Эрвина локтем в бок и дернул его, разворачивая к дальней двери. И бывший охранитель закусил губу, с трудом сдержав стон, — удар пришёлся в ушиб на рёбрах, как раз туда, куда недавно кто-то из его конвоиров долбанул твёрдой кромкой сандалии.

Корни — известное место: пустоты под зданием Форума, больше похожие на норы крупных хищников. С этим местом Эрвин познакомился довольно давно. Так себе местечко... Темно, холодно, жутко. Бактерии, обитавшие там, мигрировали медленно, с монотонным шуршанием пересыпающегося песка, их задачей было подпитывать здание форума, и для подкормки им часто сбрасывали органические отходы. Когда Дукс решил избавиться от охранителей, многие из них попали сюда, но далеко не все вышли. Там пропали Миррэ и Тигон, товарищи по боевым полётам. Они, как ещё несколько человек, были серьёзно ранены, и их снесли в самые нижние норы. Больше Эрвин их никогда не видел.

Пока его тащили по коротким коридорам в нижние этажи Форума, Эрвин успел заметить, как внутри всё изменилось — такой роскоши он не помнил: отделка стен, светильники, особый белый мох под ногами...

Но полюбоваться тем, как живут люди в славном поселении Центр, бывшему охранителю не дали — тычком в спину его запихнули в первую попавшуюся тесную коморку в Корнях, и перед носом опустилась крепкая сетка паука хилдо — не порвать, не сжечь, только острая сталь, давно запрещенная к общему пользованию, могла бы что-то с ним сделать. Вот только беда — никто не подумал захватить припрятанное в тайнике оружие, когда не проснувшегося Эрвину скручивали за спиной руки.

Когда конвоиры ушли, он, неловко упавший на неровном полу Корней, поднялся и осмотрелся, растирая руки, не до конца восстановившие чувствительность. Темновато, но сухо и не низко, значит, он нужен Дуксу живым.

Зверя ему словить? Эрвин только хмыкнул.

Снова послышались шаги. Но сейчас шел один человек, и по громкому пыхтению было понятно, что он тащит что-то тяжелое. За паутиной в полутёмном коридоре прорисовалась высокая фигура. Что-то с болезненным мявом — связанная Арта! — уронили у сети, закрывавшей вход в камеру Эрвина, и человек, не сказав ни слова, ушёл.

Избитый, с похмелья, с израненными руками бывший вояка хотел прилечь. Его устроил бы даже неровный пол маленького помещения, в котором его заперли, но сначала нужно было освободить Арту. Сквозь нижние ячейки — самые большие — он, петля за петлёй, снял с рыси подпитанную силой тонкую бечеву, как мог, подлечил натёртые ею раны. И зверь не

без его человеческой помощи смог пролезть между тонкими прочными нитями паутины.

И вот тогда Эрвин смог наконец лечь. Последними мыслями в засыпающем сознании крутились вопросы о том, что стало с его товарищами.

Так, обнявшись, прямо на полу, они и спали — зверь и человек.

Глава 13. Идона

После того как Зэодан вывел избитого и такого наглого защитника, Идона некоторое время не могал прийти в себя. Её, как разменную мелочь, предложили этому нахалу. Не спросив её мнения, её желания! Её! Дочери шефа стейта Южный Влажный Лес! Этот Дукс вообще не в себе?

Она, вздёрнув бровь и сложив руки на груди, смотрела на гранд-шефа с вызовом. Но тот, казалось, не замечал её взглядов, нервно грызя костяшки на кулаке и судорожно о чем-то размышляя. Странно было видеть его таким. Вернее, странно было бы, если бы Идона подумала о чём-то, кроме собственных забот. Но она ничего не замечала. Нет, в самом деле у неё был повод чувствовать себя глубоко уязвленной и обиженной и не замечать странностей в поведении кого бы то ни было. И поэтому она не сдержала своего гнева:

— Уважаемый Дукс! Как могли вы предложить меня в награду этому хаму и негодяю? Я уважаемая дочь шефа стейта, его наследница!

Гранд-шеф не сразу понял, кто вырвал его из важных и гнетущих мыслей. Непонимающим взглядом обвёл всех присутствующих за столом форума шефов, а потом остановился на девице, с вызовом смотрящей на него. И морщинистое старческое лицо перекопилось.

— Заткнись! — завизжал он, вскакивая со своего сиденья и тараща глаза на багровеющем лице. — Ты сделаешь так, как я скажу, и не пикнешь! Поняла?! Скажу замуж, пойдёшь замуж! Скажу прыгать в пасть цуккана — сиганёшь! И без возражений мне!

Выдохнув, он снова рухнул на сидение, будто этот крик был всплеском его последних сил. Мариджн подскочил к Идоне и, схватив за локоть, сильно дёрнул, вынуждая её отвлечься на сопротивление.

Дукс обессиленно посидел, смотря на свои сложенные на полированной поверхности стола ладони, а потом поднял голову и снова крикнул задыхаясь:

— Он единственный, да сожрёт его цуккан, кто может справиться!

И тут же придавил Идону своей силой. Она, не ожидавшая этого, рухнула на колени.

— А чтобы у невоспитанных девок в голове не было всяких глупостей, — прошипел гранд-шеф, без усилий удерживая дочь шефа Южного Влажного Леса, который как раз нервно дергал лицом чуть сзади, в таком униженном положении, — с сегодняшнего дня они, девки, не будут иметь даже гипотетического права наследовать стейты за своими отцами! Поняла, глупая голубица, не годна даже носить почту?!

— Что? — возмутилась Идона, с нагугой преодолевая давящую на неё силу. Но отец, наклонившись к самому её уху, шептал тихо и взволнованно:

— Соглашайся, дочь, соглашайся! Это отличная партия, я знаю парня.

— Но... — вскинулась было Идона, но Мариджн закрыл ей рот рукой и оттащил едва шевелящую ногами дочь в дальний угол, стоило Дуксу ослабить давление.

И пока он злобно диктовал Политу новый указ об изменении правил наследования шефства в стейтах, а отец шептал: «Тшш, тихо, тихо!», в душе Идоны боролись два чувства — восхищение и неприязнь к гранд-шефу, такому наглому и хамоватому.

Мысль о том, чтобы побороться за него расцветала новым красками в её голове.

Глава 14. Эрвин

Эрвин проснулся от того, что кто-то облизывал его лицо жестким, как коралл Южного моря, языком.

— Арта, уйди, — прохрипел он.

Но рысь не ушла и продолжала сдирать ему кожу с щёк. И то, что делала она это молча, сначала заставило сонного охранителя задуматься, а потом и заволноваться. Его зверь никогда не будил его так — это раз, а два: если на него нападало особенно любвеобильное настроение, вылизывал исключительно мурча.

Эрвин отпихнул Арту и сел на полу, протирая обмусоленное лицо. Глаза уже открывались, но всё ещё чувствовалось, что с ними не всё в порядке. Не лишним было бы помыться и выпить воды. Рысь теперь облизывала его руки. Охранитель понял — она просто хочет пить. Как и он.

Человек поднялся на ноги, но так и не смог распрямиться в полный рост в невысоком помещении, и потому обшарил всё отведенное ему и его зверю место в поисках источника воды — хоть захудалого водяного. Но такового не нашлось.

Согнувшись в три погибели, исследовал всю предоставленную им камеру — протиснулся вдоль стен, щупа их, плохо видимые в полутьме — спасибо за слабый свет светящимися колониям грибов. Необработанные наплывы, неотшлифованные, но теплые — значит, грунт неблизко и Корни крепко держат домик форума. Из всех удобств цивилизации — лежанка, больше похожая на слегка подровненный наплыв застывший строительной биомассы.

— Прости, друг Арта, но пока надо потерпеть, — проговорил Эрвин и потрепал рысь по голове. Та недовольно рыкнула и легла на бок.

А человек завалился на лежанку. Ну что ж, Корни — прекрасное место, чтобы подумать в уединении и тиши, а заодно и восстановиться.

В Корнях не бывает окон. Да и Корни бывают далеко не у каждого здания. А вот у здания форума они были. Эти узкие неудобные норы, расходящихся от ствола купола как лучи звезды. Кривой какой-то звезды, с гнутыми лучами разной толщины и длины.

Ещё тогда, много лет назад, Эрвин удивлялся находчивости Дукса или кого-то, кто так здорово ему помогал придумывать. Одно то, что норы эти находились под землёй и не имели окон, уже делало их трудно переносимым для любого человека. А то, что люди уходят всегда под корни Леса, вызывает ещё более нездоровую ассоциацию, которая давление ещё сильнее.

Корни любого здания, вообще-то, получают случайно — люди закапывают в грунт форму для заливки субстрата со строительными бактериями и этим нарушают естественную структуру почвы. А штамм микроорганизмов-строителей растёт не только вверх, но немного, едва ли на пять процентов вниз, поглощая почву. Чем крупнее здание, тем глубже и шире разрастаются его Корни. Они прорастают в почву, расходясь в разные стороны и уравновешивая растущую ввысь конструкцию.

Люди строили такие дома давно, сколько помнила себя цивилизация на планете Лес-Прародитель, однако с явлением Корней зданий не сталкивались. Но наука на месте не стоит, и штаммы строительных бактерий совершенствовались. И вот появился новый штамм, и в основании зданий, возведённых этими микротрудягами, стали обнаруживать интересное

явление, напоминавшее корни растений, только полые. И назвали его, естественно, так же — Корни, как и то место, куда уходили умершие люди.

Первые прикосновения к этому вопросу вызвали бурную реакцию — многие высказывались за уничтожение нового штамма строителей, ведь мест упокоения в самом доме быть не должно!

Но те люди Леса, кто не был предвзят, кто не цеплялся за предрассудки и мог смотреть шире, увидели в этом не угрозу, а возможность: дополнительные помещения, пусть и темные, но естественные и сухие. Кто-то использовал их в хозяйстве для разведения съедобных эукариотов, кто — то — как кладовку.

И Дукса, который сначала был в стане тех, кто ратовал если не за уничтожение нового штамма микробов-строителей, то уж об отказе для дополнительных исследований — точно, неожиданно решил использовать полученные помещения Корней форума не как оранжерею с особыми свето-атмосферными условиями, а как тюрьму.

Вливая по капле силу в израненные запястья, в веки и лицо, Эрвин размышлял о произошедшем с того момента, как его грубо разбудили ударом в живот. Прилетели к нему, за Срединные горы, притащили в форум, сам Дукс предлагал девицу в оплату. И она не выглядела, как случайная помощница из лаборатории.

Кто она? Шеф какого-то стейта? Не похожа — нет кинжала. Да и редко такое бывало, чтобы женщина становилась во главе стейта. Не так их много, женщин, чтобы отвлекать от основной миссии — поддержание численности людей в Лесу. Но если девица была в главном зале форума, то какое-то отношение всё же к нему имеет?

Из того, как она удивилась и возмутилась предложению Дукса, можно решить, что да, имеет. И если её, женщину, имеющую отношение к шефам стейтов, предлагают в качестве платы или даже подарка, то что же получается? Нет, не получается. Дукс и подарки? Не смешно! Подарки не вписываются в его характер. Будем считать девицу платой. И это плата очень и очень хорошая.

Значит, этот приказ о поимке какого-то там зверя очень важен, и не просто лично для старого поганца Дукса, а для его должности, которую он очень и очень ценит. Эрвин опять усмехнулся — вон, высох весь, сморщился на службе людям Леса. Бедняга!

Что ж это за зверь такой, что его так важно притащить в Центр?

Эрвин привстал с лежанки, и Ара приподняла с лап голову.

— Спи пока дают, — буркнул бывший охранитель, и усатая морда спряталась от хозяина под мощной лапой.

Эрвин встал с лежанки, сделал на пробу несколько движений — как всё заживает? Процесс шел нормально, но всё ещё шел, и не стоило дёргаться или поднимать тяжести. Эрвин сделал полшага, что отделяли лежанку от сети. Потрогал твёрдые нити. Да, наука в Центре здорово продвинулась вперёд за неполные сто лет, что его здесь не было, — привычные сети хилдо, что используют все жители Леса, а особенно — охотники, были мягкими и гибкими. А эти чуть пружинили под рукой, если надавливать с усилием, но не гнулись. Да, много лет на периферии Леса это вам не Центр, с новинками научной мысли.

Эрвин зарылся двумя ладонями в волосы и задумался — как же он отстал! Как много пропустил!

Большая кошка у его ног муркнула и перевернулась на другой бок через спину — просила. Да уж, пить хотелось всё сильнее.

— Эй! — попробовал Эрвин голос. Тот немного хрипел, но всё же был вполне слышен.

И тогда мужчина заорал во всю мощь лёгких: — Эй, кто-нибудь!

Звук заглох, едва-едва отразившись от пористых стен. Неприятно — будто через воду кричишь. Было ли слышно или нет, послушав тишину, Эрвин понял, что никто не откликнется и не отзовется.

— Эй, мерзавцы! Черви гнилые! Цуккановы дети!

Звук будто впитывался в губчатые стены и поглощался ими. Эрвин прислушался. Тишина. Он сел на лежанку, уткнулся лбом в ладони и надолго задумался. Арта одним глазом косилась в его сторону, не двигая головой, и молчала.

Из задумчивости Эрвина вывел тихий звук, похожий на звук сыплющегося песка. Вскоре за поворотом коридора послышались шаги, а потом показалась фигура. Эрвин принял её за мужскую. То, что это женщина, стало понятно, когда она подошла вплотную и стала напротив, на расстояние вытянутой руки, по ту сторону сети хилдо.

— Как тебе здесь? — спросила девка в броне из гигантского муравья. И столько в этом голосе было ласки, что Эрвин невольно скривился в насмешливой улыбке.

— Нормально, — ответил, щерясь, и приблизил лицо к сетке, которая холодила кожу ладоней, словно позабытый металл. — Мне нравится. Отдохнул как раз.

Её тонкий палец сквозь ячейку скользнул по колючей щеке, примял щетину на подбородке, потянул вниз уголок губы. Эрвин только бровь приподнял — ну-ну! И что дальше?

— Нравится? — спросила тихо, выдохнув сквозь приоткрытые губы с намёком.

Сдерживая улыбку, бывший охранитель подумал: «Я тоже так умею» — и слегка повернул лицо, подставляя щеку под женский палец, не отводя взгляда от женского лица, медленно — берёт губы — улыбнулся, так, чтобы сверкнули в полутьме зубы.

Что-то ещё надо? А, да, вспомнил! И поиграл мышцами груди.

Глаза Идоны опустились, отреагировав на движение, и Эрвин услышал тихий выдох. Ну вот и умница, разыграл её, как ребёнка. Этот раунд за ним!

Она, будто поняв это, сделала шаг назад и убрала руку от сети. Отвернулась. Чуть слышно передохнула и снова глянула на него.

— Эрвин! — сказала проникновенно и уставилась ему прямо в глаза. Они влажно блеснули в полумраке, напомнив, что где-то есть вода, и только узников мучит жажда.

От тона Идоны он должен был растаять. И растаял бы, не будь он избит, голоден и не пухни у него голова. Но он Эрвин подыграл: чуть наклонил голову к груди, не отводя от Идоны взгляда, будто поощряя: ну давай, жги, девочка! И она оправдала ожидания, продолжив мягко и доверительно:

— Тебе стоит согласиться на предложение Дукса, Эрвин.

Последовавшую паузу она заполнила многозначительным приподниманием бровей и вытягиваем губ вперёд. Показывала, что умеет целоваться? Ха.

— Сейчас это выгодно не только ему, главам стейтов и людям в целом... — Ах, как красиво и многозначительно она умеет молчать! — Но и тебе...

Да вы что? Вот прямо ему и — выгодно? Эрвин не засмеялся только потому, что боялся повредить подживающие губы.

— Да? — выдохнул, прижимаясь лицом к прутьям сети.

— Да! — она глянула, как любящая невеста в первую брачную ночь — доверчиво и трогательно, но Эрвин всё ещё берег заживающий рот. — Если ты победишь Зверя, ты докажешь всем, что сильнее Дукса.

Охранитель молча смотрел на неё. Вопросительно приподнял бровь. Девушка недовольно дернула губами. Слегка, почти незаметно в полутьме Корней. И отвернулась. На всякий случай, наверное. Что бы Эрвин не заметил её недовольства его туповатостью. Ещё раз ха!

— Хорошо, скажу честно — ты мне понравился.

После этих слов Эрвин даже напрягся — хотелось увидеть покраснеет она или нет. Не увидел, жаль. Она снова посмотрела ему в глаза. — Я хочу сменить своего отца на месте главы стейта. Хочу, но вот получится ли, неизвестно.

Она глядела всё так же честно и прямо, серьёзно и твёрдо.

— Существует средство для улучшения репродукции людей. Этим занимается Дукс. И я уверена, что он прячет ото всех результаты!

Эрвин слушал внимательно и на этих словах пожал плечами — возможно, мы же, обычные люди, ничего об этом не знаем, а Дукс тот ещё цуккан и вполне может скрывать. Эрвин бы удивился, если бы гранд-шеф ничего не скрывал.

— Если мы с тобой объединимся, то сможем сместить Дукса с его должности! — она так горячо это проговорила, что бывшему охранителю показалось, будто от неё пахнуло жаром. Эрвин поощрительно приподнял брови — говори, девочка, говори! — Мы с тобой можем справиться с ним. Двое против одного всегда сильнее, хоть Дукс и обладает немалой силой.

Это она сказала так печально, будто ни она сама, ни Эрвин этой силой и вовсе не обладают. Но потом, видимо, воодушевившись, горячо зашептала, лихорадочно поблёскивая глазами:

— Но мы сможем его одолеть! Ты сильный и я сильна. Я стану во главе форума, а ты будешь в нём самым влиятельным человеком — я отдам тебе огромные полномочия, власть, силу. А потом вместе сможем разумно и честно управлять людьми Леса. Что скажешь?

Её взгляд, серьёзный и проницательный, требовал ответа. Эрвин тоже стал серьёзен. Просто сверхсерьёзен! И тоже какое-то мгновение смотрел ей в глаза. Но не выдержал и рассмеялся.

— Ты? Ты будешь гранд-шефом, главой форума? — и ему не жалко было треснувшей снова губы. Он даже на ногах не удержался от смеха, упал на лежанку.

Ох девчонка и взъярилась!

— Это всё вы, мужчины! Вы, самцы цуккана! Ни во что не ставите женщин! Мы для вас — пустое место!

Ах, как патетично! Как громко и обиженно! Ах, ах! Эрвин рывком вскочил с лежанки, схватился за прутья сетки, почти вжал в неё лицо, сказал тихо и очень серьёзно:

— Выпусти меня отсюда, и когда одержу победу, поговорим о главенстве в форуме.

Она отшатнулась. То ли от его резкого движения, то ли от слов. В глазах мелькнул испуг, а потом, глянув на непреодолимую сеть, она сказала слегка надменно:

— Может, если попросишь получше?..

Ой, в эти игры можно играть и вдвоём. И Эрвин с чуть нарочитой трагедией, медленно, не отводя своего взгляда от её глаз, стал опускаться на колени.

— Пожалуйста!.. — прошептал, протягивая к ней через нижнюю, самую крупную ячейку руку, — пожалуйста!..

И резко схватил её за лодыжку. Идона дернулась от неожиданности, но понимая, что мужская хватка слишком крепка, стукнула его второй ногой по руке. Удар этот был

неслабым. Но и не настолько сильным, чтобы заставить его разжать кулак. Однако, уступая её шипящему требованию пустить, Эрвин разжал руку. Девушка криво улыбнулась и качнула головой. А потом вздёрнула подбородок, и она пошла на выход. Уже скрываясь за поворотом, проговорила:

— Ты подумай, я ещё к тебе приду.

Глава 15. Идона

Эта встреча встревожила и подняла со дна души Идоны что-то очень важное и значимое.

Она всегда любила командовать, быть первой, самой лучшей и самой сильной. Всегда, сколько себя помнила.

Среди малочисленных детей их поселка она была заводилой. И её превосходство признавали не только девчонки или малыши, которые были слабее её и побаивались из-за её невероятной ловкости и проворства, но даже старшие мальчишки, которые могли с ней в этом соперничать на равных. Идона всегда устраивала такие увлекательные игры, что дети тянулись к ней.

Однако, и боялись тоже — в этих играх обязательно был проигравший, тот, кто оказывался слабее. И такого проигравшего непременно ждало наказание. Не просто пройти через болото с опасными змеями, а так, чтобы все видели позорные падения в грязную жижу от тихого шипения Идоны, ловко имитировавшей звук предупреждающей о нападении змеи; не просто раскачаться на лиане, а вниз головой, да так, чтобы все видели страх и слышали визг ужаса того, кто качается; не просто украсть у родителей что-то съедобное, а так, чтобы на виду у всех затем прийти и раскаяться. В общем, придумывала наказания так, чтобы они были не только неприятные, но и унижительные.

Идона считала, что так правильно, так справедливо — слабый должен знать, что он слабак, и все тоже должны об этом знать, и все обязаны его воспитывать, высмеивая его слабость.

Дети после таких игр отворачивались от дочери шефа стейта и не хотели с ней играть — кто-то из-за того, что был растоптан, кто-то — потому, что не хотел в другой раз оказаться проигравшим. Идоне вскоре становилось скучно, и приходилось лестью, фальшивой лаской, клятвами в вечной дружбе заискивать перед всеми и перед каждым, чтобы вернуть их расположение.

И новая игра рождалась в её обзлётном необходимостью пресмыкаться сознании. Фантазия Идоны была неистощима, и потому дети, кто простив её, кто затаив обиду, а кто обозлившись, через какое-то время всё же решались на новую попытку одолеть дочь главы стейта в ещё неизведанной игре и снова собирались вокруг неё.

Идона превосходила силой и ловкостью любого ребенка в своём окружении. Но вот той чудесной и чудодейственной силой, которой любой другой владел намного лучше, была обделена, и зависть создавала в её сознании жажду реванша, и девочка для себя разрешила себе никогда не проигрывать в игру, правила которой устанавливала сама.

И новая игра увлекала всех настолько, что никто не мог понять, когда и как кто-то опять оказывался унижен и раздавлен.

Такие развлечения дочери не остались незамеченными — отец как-то узнал о них, проследил за одной из игр и... разразилась буря.

Идоне запретили устраивать подобное, а с детьми Мариджн долго разговаривал о чувстве собственного достоинства, о настоящей дружеской поддержке, когда не смотрят, как приятеля унижают, а отстаивают и сражаются не только за себя, но и за другого. Шеф стейта Южный Влажный Лес именно тогда рассказал детям, что люди тем и сильнее растений и животных Леса, что разумны, и могут беречь слабых. Ведь слабые не всегда бесполезны. Вот

они, дети, или женщины в тягости. Да, они слабы и уязвимы, но они — ценность. И обязанность каждого сознательного и взрослого члена стейта — защищать их.

Дети, особенно старшие мальчишки, которые и так не особо водились с Ионой, после этого стали относиться к ней с презрением. Некоторые, кто был помладше, молча отвернулись от неё и просто перестали замечать.

Сильно угнетало то, что больше никто не соглашался играть с ней. Дочь шефа злилась и на детей, и на отца. И срывала свой гнев на животных — доставалось и домашним, и диким, которых озлобленная девочка стала изничтожать в Лесу с каким-то бешеным усердием.

Маридждн, заметив, что с дочерью что-то происходит, завёл долгую беседу, в которой выяснил, почему она так себя ведёт и требовал подумать, как дочь может исправить положение. Предложил собрать детей и попросить у них прощения.

Такого она не могла допустить и несколько долгих недель молчала, обдумывая ситуацию, ни с кем не общаясь, только выходя иногда на границу Леса — её не пускали за границу поселения, опасаясь, что она опять станет убивать животных ради убийства. После девочка всё-таки собрала всех и извинилась, поклявшись больше никогда так не поступать.

И слово своё сдержала — в самом деле никогда больше так не поступала. Она поняла, что была слишком прямолинейной, а нужно быть хитрее и изворотливее.

И она стала хитрить.

Она больше никогда никого не приглашала вместе с ней насладиться чужим поражением. Теперь, если ей это удавалось, она делала в одиночку и в основном тайком.

Вот и теперь, чувствуя силу и огромную силу в этом мужчине, который сидел в жутком для людей Леса месте — в Корнях, но оставался таким же насмешливым, раздражающе нахальным и не сломленным. Она восхищалась его стойкостью, опасалась его острого языка, но и горячо, болезненно унижить бывшего охранителя и показать, кто сейчас хозяин положения.

Она знала, что сделала все правильно — проявила свою заинтересованность, раскрыла возможности и попыталась увлечь самым интересным и соблазнительным, что только смогла придумать.

А теперь, когда он не принял... Или, может, вот так странно принял...

Она обернулась назад, хоть за поворотом уже не было видно узника. Принял или нет он её предложение? Идона только пожала плечами — кто это может знать? Но, по крайней мере, последнее слово осталось за ней, и на место этого пожарниго она всё же поставила.

Но за её унижение, за издевки Эрвин должен будет заплатить — в Идоне росло и бурлило то чувство, когда хотелось наказать за непослушание, за слабость, за то, что он посмел быть умнее, сильнее и лучше её.

Эрвин лежал, закинув руки за голову, и пялился в темноту, почти скрывавшую неровный потолок. Забавно! Ему так надоела беспросветная жизнь в прибрежном районе за Срединными Альпами, что сейчас, находясь в Центре, пусть и в Корнях за крепкой сеткой, он был практически счастлив. А если учесть ещё и девицу, приходившую к нему поговорить... Она проявила просто удивительный интерес — при этой мысли губы охранителя скривились в ухмылке.

И она не одна. Не одна она заинтересовалась. Вот и Дукс тоже — прямо рвет и мечет, рвет и мечет. Главное, чтобы не икру метал. Эрвин тихо хохотнул. Да и шефы стейтов не просто так сидят в форуме. Тоже нуждаются в нём?

Зверь. Все твердят о каком-то звере. Что ж это за зверюга такая, которая так всех напугала? Эрвин запустил пальцы в загривок свернувшейся рядом с лежанкой Арты. Она повернулась во сне, изгибаясь и подставляя под почёсывание пузо. Пока ничего не ясно, но тем не менее это приключение нравилось бывшему охранителю все больше.

Лицо чесалось всё меньше — верный знак, что почти зажило. Только лопнувшая губа все ещё саднила и подёргивала — не стоило так бурно реагировать на выпады дурной девки. Ну да ладно, заживет.

Эрвин тронул пальцем беспокоящее место и влил каплю силы, впрочем, не для того, чтобы уменьшить неприятные ощущения, а чтобы скорее вернуться в форму — пора бы уже размяться, но пока не живут все открытые ранения, этого делать не стоило. Просто он опять чувствовал себя человеком!

Утихающая боль в избитом теле, впечатления от общения с новыми и старыми знакомыми и предвкушение предстоящей работы давали энергию, будили жажду жизни, и Эрвин, как никогда, чувствовал, что жив. И это было восхитительное ощущение! Он лежал и улыбался, ощущая, как работает сила в организме и как мелкими пузырьками бурлит радость, потребность в движении и желание куда-то бежать, что-то делать...

Острый слух охранителя уловил звук тихих шагов по ответвлению Корней, ведущему к его камере. Это явно была не нахальная девица, а кто-то более крупный, хоть пористый пол и сильно глушил звуки, мешая оценить незваного гостя. Эрвин не стал подниматься, а сделал вид, что вывернувшая из-за поворота фигура была для него неожиданностью. В сумраке Корней прорисовались огромный рост и широкие плечи. Точно — тот здоровяк, что притащил его сюда.

Мужчина подошел и замер перед сетью, высматривая за ней пленника. Глаза прищурены, фигура напряжена, а в руке — бумаги.

— Что, пришел проверить не сдох ли я?

Арта под пальцами перетекла из расслабленной позы в напружиненную и готовую к атаке, но, умница, без единого звука. Вот за что Эрвин уважал породу кошачьих и всегда у них учился, так это за тихую боевую готовность в любую секунду, из любого состояния и положения.

Но вопрос остался без ответа — посетитель только скривился и молча попытался запихнуть желтоватые листки в ячейку сети прямо на уровне своих глаз.

— Ой, это какая-то детская игра? — снова попытался подковырнуть его Эрвин, не двигаясь с места и ощущая, как Арта чуть перебирает лапами, готовая атаковать. Прижал её

ладонью к полу — спокойнее, угрозы нет. Тело хищника замерло, хотя и не расслабилось.

Здоровяк зыркнул с неприкрытой злостью, но снова промолчал, продолжая запихивать сквозь сеть слишком большой для ячейки в этом месте рулончик.

— Ты приглашаешь меня на свиданье? Но зачем? — Эрвин рассчитывал повеселиться, но парень оказался крут: тонкие волокнистые бумажки, не влезая в маленькое отверстие, мялись и рвались, и он злобно плюнул и бросил их на пол.

— Завтра расскажешь Дуксу свой план захвата Зверя, — рыкнул сквозь зубы, и, скривившись, ушел. Эрвин успел крикнуть вслед:

— Здесь же темно, как я должен это читать?!

Но ответом опять была тишина.

Ну-ну, суровый ты наш!

Пленник встал, подошел к сети и, присев, аккуратно, листок за листком, перетащил все бумажки на свою сторону через нижние, широкие ячейки. Хмыкнул. Рассматривая бумаги, попытался разобрать, что за ценные сведения на него свалились, но было слишком темно — строки видны, а вот букв, как и смысла, не разобрать. Как раз чтобы соблюсти полную секретность, не иначе.

И что делать?

Было интересно узнать, наконец, зачем он понадобился гранд-шефу через столько лет. Да ещё и Арта, подойдя и обнюхав листки, глухое то ли рыкнула, то ли муркнула.

— Арта? — спросил Эрвин, глядя загрибок рыси, в полумраке Корней казавшейся серой. — Что такое?

Но зверь ещё раз шумно принялся к бумажкам, чихнул, поворочал и отошёл к лежанке, снова сворачиваясь на полу.

Эрвин ненадолго задумался и поднялся на ноги. Стал у стены, прижался к ней грудью и ладонями, закрыл глаза. Попробовал ощутить Жизнь в этих стенах. Строительная биота уже давно отмерла, но осталось то, что светилось на поверхностях. Мужчина недолго стоял так, и наконец получил отклик. Отлично!

Присел над самым изголовьем лежанки, провёл ладонями по неровной шершавой стене и влил каплю силы, только сразу изо всех пальцев и ладони. Отпустил и позвал обратно. Жизнь потянулась за силой и выступила на поверхности тонким слоем, начиная медленно светиться. Эрвин снова влил в неё силу, и жизнь, приобретя форму капли на тонкой ножке, засветилась хоть и мерцающее, но достаточно, чтобы можно было увидеть написанное. Долго при таком тусклом освещении не считаешь, но бумаг не так и много, чтобы испортить себе зрение.

Пленник улёгся под фонариком и стал разбирать то аккуратные буквы, то каракули, предвкушая очередное приключение. Но чем дальше читал, тем меньше хотелось смеяться. Это были отчёты с мест происшествий. На подробном описании — чего?... Расправы? Обедая?... — опустил бумаги и зажмурился.

Затем выдохнул, резко сел и быстро дочитал всё до конца. Попробовал осознать, представить всё, что происходило в поселениях, подвергшихся нападению, затем — стать на место существа, которое такое себе позволило. Тряхнул головой. Ничего не понятно.

Отложив, бумаги задумался. Снова перевернул листки, восстанавливая ход событий, но для полноты картины кое-чего не хватало — карты. Подскочил к сетке и закричал:

— Эй, кто-нибудь!

Тишина.

— Даже тупой громила подойдёт!

Звук погас в извилистых проходах Корней, и снова никто не ответил, не пришел, и все попытки оскорбить пропали втуне. Как жаль! Ну ладно.

Прикинув время, Эрвин предположил, что довольно поздно, уж точно изрядно после заката. Может, просто все спят? Ну и ладно, ему тоже стоит заснуть — даже дети знают, что сіла лучше восстанавливает повреждения во сне.

Он снова улёгся на лежанку, притушил свой самодельный фонарь и опустил руку на загибок спящей Арте. Но сон не шел — перед глазами стояли картины, описанные в бумагах, и Эрвин всё пытался представить, как же должен выглядеть Зверь, который такое может сделать такое, и для чего его могли создать. Представлялось что-то совершенно фантастическое и невероятно пугающее.

Глава 17. Эрвин

Дукс орал в своей обычной манере — багровея, надуваясь и брызгая слюной. Ничего нового или хотя бы интересного. Эх!..

Четверо бывших охранителей стояли перед ним и лишь щурились и чуть отворачивались, единодушно рисуя на лицах пренебрежение. Чего так орать? Ну подумаешь, выдернули его из лаборатории. Не мир же он там спасал? Что сейчас может быть важнее, чем заткнуть пасть кровожадной твари?

И только у Джолли на лице была написана жалость, желание подойти, обнять и пожалеть несчастного мальчишку... Жаль, только звуковые колебания не дают — настолько плотно колеблются, что и хочется и сквозь них не протиснуться.

Парни Эрвина прибыли на утро следующего дня. Им потребовалось совсем немного времени, чтобы сориентироваться, связаться с Матвеем, у которого поселение как раз было на территории одного из пострадавших стейтов, разузнать ситуацию и сориентироваться. Они быстро связали и внезапное исчезновение товарища прямо из-под их пьяных носов, и валяющиеся растоптанные в башенке связи бумажки с настойчивыми требованиями явиться в Центр, и то, что рассказал самый старший их сослуживец. К тому же каждый из них тоже получил по вызову, и они дружно явились на зов.

А оказавшись в форуме стейтов, первым делом зажали в угол Полита, который вовсе не собирался скрывать истинную причину вызова и событий с участием Эрвина, и даже его места пребывания в конкретный миг существования Леса, — выложил всё как на духу.

И парни, разминки ради, устроили небольшой бой, прорвались в Корни, чтобы освободить своего старшего, вот только не смогли снять сеть, что отгораживала нору пленника от коридора. Но она совсем не помешала обсудить все вопросы, которые интересовали боевую четвёрку: почему и кто притащил сюда Эрвина, зачем и чего хочет, и что нужно для того, чтобы изловить зверя, которого тут все уважительно звали Зверь. Как не помешала потрепать за загривок Арту, бодавшую башкой ладони мужчин, протянутые к ней через крупные ячейки сетки, пока Эрвин собирал вчерашние бумажки, чтобы показать их товарищам.

— Ребята, дело плохо. Кто бы ни был тот человек, который создал этого Зверя, я ему не завидую. Найду и скормлю Зверюге самолично, — сказал Эрвин, наклоняясь, чтобы протолкнуть свёрнутые трубкой бумаги через ячейку.

Арта, по шкуре которой мазнули отчеты о зверствах чудовища, утробно заворчала, скосила на них глаза и отошла вглубь норы.

Матвей, Андре и Джолли выхватили документы и, читая, передавали друг другу прочитанное. И с каждым листком лица их застывали всё сильнее.

— Да, ребята, это что-то серьёзное, — кивнул Эрвин, вспоминая, как вчера сам это читал.

— Какие соображения? — Матвей первым закончил изучать бумаги — многое было ему знакомо по рассказам Тигона, шефа стейта Горный Южный Лес. Матвей единственный, кто по ходу чтения делал уточнения и вставлял замечания о подробностях кровавых расправ.

Это было хоть какой-то струйкой свежей информации, помимо сухих безжизненных донесений. Хоть и не часто, но Тигон общался с проживавшим на отдалённых территориях его стейта пожарным к взаимной выгоде обоих. Вот и сейчас пригодилось.

— Нам нужна карта с расположением пострадавших поселений, — сказал Эрвин. За сеткой он чувствовал себя не очень уютно, но товарищи своим молчанием, будто не замечая его положения пленника, поддерживали его.

Карта...

Карты не были запрещены, как холодное оружие, но официально не были распространены. Своего рода негласный запрет.

Но кое-что у охранителей оставалось с прежних времён. И Матвей, недовольно шурясь, вытащил свою собственную карту — старую, потрёпанную, протёртую на сгибах, испещрённую пометками, внесёнными давно и совсем недавно — документ, с которым постоянно работали, обновляя и отмечая изменения.

Конечно, карты были у всех бывших вояк, иначе как бы они летали в гости друг к другу? Но показывать их никто не торопился, и особенно — в форуме. Но здесь выхода не было. К тому же кое-что из случившегося самый старший из охранителей уже нанёс на карту.

Бумагу расстелили на полу, Эрвин снова устроил освещение, и все клонились над старым листом. Джолли и Андре называли поселения и координаты событий, шурша отчётами с мест, а Матвей отмечал их на карте. Ещё в процессе становилась очевидной общая картина. А когда путь Зверя наконец полностью лёг на карту, охранители осознали это и переглянулись. Последняя слабая улыбка Джолли погасла: направление движения Зверя не оставалось сомнений — на Центр.

— Может, он пройдет мимо? — размышляя, рассматривал Андре получившуюся почти прямую линию, которая, продли её, должна была задеть столицу вскользь.

— Не думаю. Он идет от поселения к поселению и вполне может отклониться немного. Но... сомневаюсь, — сказал Матвей. А Джолли добавил:

— Мне интереснее знать, как он держит направление?

А вот это был интересный вопрос. Эрвин повернулся к Арте. Она лежала в глубине норы, свернувшись клубком, и следила за мужчинами, не отрывая взгляда.

— Тут что угодно может быть, — ответил Матвей, широкой ладонью вороша седые волосы на затылке. — Он знает путь, он идет за солнцем, да, может, и по запаху. А может, держится какой-то тропы — до Центра есть такие натоптанные, что даже в дождь их не размывает. Да что угодно!

— Его могут вести?

Все с ужасом уставились на выдавшего такое чудовищное предположение Эрвина.

— Кому это нужно? — нахмурился Андре.

— Что ты такое говоришь? — одновременно с ним вскинулся Джолли.

— Да, мотивы в этой ситуации совершенно непонятны, верно, но... — протянул Эрвин.

— И что с этим можно сделать? Как его искать, как ловить? Мы даже не знаем, как он выглядит... — Джолли загрустил.

Матвей опять проронил:

— Судя по тому, что мне рассказывали, зверь очень крупный и очень сильный. Когти крупнее, чем у наших дракон, но рост намного меньше. Он несколько поселений уничтожил в день. Но теперь...

Три вопросительных взгляда скрестились на Матвее. Он вздохнул и скривившись проговорил:

— Уже несколько дней нет никаких известий. И это затишье тревожит.

После длинной паузы Эрвин проговорил:

— Боюсь, у нас просто нет всей информации.

Все постояли в тишине, склонившись над картой. Каждый был задумчив и серьёзен.

— Я с маманей не попрощался... — так же задумчиво, но вовсе не печально проговорил Джолли.

Матвей криво улыбнулся:

— Она хоть поживет нормально без тебя, отдохнёт. Нет?

Джолли грустно засмеялся и хлопнул товарища по плечу:

— Даже не дашь порадоваться.

— Как вы смели?.. — прогрохотало где-то вдали, и все четверо охранителей обернулось к коридору, ведущему к норе, где сидел за сеткой няялло Эрвин.

Зэодана, вынырнувшего из-за поворота, встретили молча, но достаточно воинственно, чтобы он мигом опустил свою дубину и снизил тон. Бурча что-то возмущенное, он заставил паучью сеть упасть, вывел Эрвина из норы и повёл наверх, в здание форума. Казалось, что это его ведут четверо охранителей, и белозубая улыбка на загорелом лице Джолли никого не могла бы обмануть.

И вот уже все стоят перед орущим Дуксом, выслушивали шквал брани и негодования. Только никто не мог понять, в чем причина такого негодования? Дал бы уже задание да и отпустил. Чего орать-то?

Но досталось всем — и пожарным, и шефам стейтов, и помощникам, и секретарю. Основной мыслью было: все негодяя, поглоти вас Лес, отвлекаете занятого человека, цуккановы дети, всем — работать, чтобы вам корни колыбелью не стали! А в конце наконец:

— Ты! — и скрюченный палец ткнулся в Эвина. — Ты должен принести мне этого Зверя! Понятно?!

Чего уж тут непонятного? Всё четко, по делу, убедительно — фонтан из слюны долетал прямо до лиц пожарных, как бы подкрепляя твёрдость требований.

— Возьмешь дочь шефа стейта Южный Влажный Лес Идону в жёны — такая тебе награда!

Джолли подавился смехом, а у Эрвина перекосился и открылся для возражений рот.

— Возьмешь, и точка! — с новой силой заверещал Дукс. — А не то быстро в корни! Нет! На Северный полярный остров! Понял?!

Эрвин бросил взгляд на приподнявшего бровь Матвея, на удивлённого Андре, на затылок и мелко подрагивающую от смеха спину Джолли, плавно выдохнул и опустил напрягшиеся было плечи. Ехидно спросил:

— Понял-понял. Только зачем мне эта девка, Дукс?

Бедняга гранд-шеф, казалось, сейчас лопнет.

— Ты-ы-ы-ы! Я сказал возьмишь, значит, возьмишь! И изложи мне план, как Зверя ловить будешь!

— Ты мне вот что, Дукс, объясни... Это страшно, конечно, когда на тебя орут вот так неистово, только мне же не пятнадцать лет, чтобы бояться припадочных гнилушек. Даже если бы я знал, какой он, этот Зверь, я не смог бы выполнить твоё желание. У нас скудные данные, чтобы что-то предпринимать, понимаешь? Награда дело хорошее, конечно, и может девка и неплохой приз, но давай о деле поговорим, а? Какой может быть план в таких условиях? Нам нужны донесения по Зверю за последние три дня.

— Последние доклады из стейтов вам сейчас дадут, — Дукс сморщился и проговорил уже тише. И хотя истеричность из голоса до конца не испарилась, взгляд исподлобья был

уже не бешеный, а просто хмурый, и он махнул рукой Политу, чтобы тот принёс всё, что есть. — Ваша задача — принести мне это Зверя живьём. Я хочу разобраться, что он такое и каково его происхождение.

Среди глав стейтов послышалось оживленное поддакивание — там тоже были то ли любопытные, то ли, как и Эрвин, желавшие мести тому, кто вывел и выпустил Зверя в Лес. А секретарь притащил стопку мятых листов — послания, явно принесенные голубями.

— Давай, — Эрвин стрёб всё и спросил не у Дукса, пусть бы он шел к себе в лабораторию побыстрее, а у Полита: — Разберёмся.

Дукс опять заверещал:

— И про свои планы мне доложишь! А то знаю я твое своеволие!

Эрвин развернулся к нему с едкой улыбкой:

— А если ты будешь занят в лаборатории, как же тебя оторвать от дела?

Дукс сузил глаза, плотно сжатые губы, которые, не смотря на все усилия, подергивались. Бедняжка! Эрвину хотелось рассмеяться, но он держался — вокруг гранд-шефа были его помощники, шефы других стейтов, и при них нельзя ронять авторитет Дукса, ибо такого не простят, приказав самоубиться тут же, при свидетелях. А Эрвин и отказать не сможет.

Но обстановка мгновенно изменилась, едва за окном раздался женский крик. Среди завывания и причитаний было слышно только имя — Лилас. Дукс, разобрав это, дернулся, побледнел и, помедлив мгновенье, заспешил на выход. Эрвин со своей командой к выходу пробиваться не стал, сразу выпрыгнув в окно.

Глава 18. Эрвин

Совсем недалеко у стен здания форума присели прямо на траву несколько женщин. И, подбежав к ним, пожарные увидели, что одна из них лежит в траве, возле дорожки и держится за живот. Беременная женщина.

Эрвин наклонился, заглянул ей в лицо и будто замерз изнутри. Это была Лилас. Беременная Лилас. Его Лилас...

— Отойдите! Все немедленно отойдите от неё! — сзади послышался визгливый крик Дукса.

Эрвин тряхнул головой, разогнулся и отступил. Этот крик был как холодный душ — *не его* Лилас. Никогда его и не была. Чужая жена, беременная чужим ребенком.

Лилас никого не видела: её глаза были зажмурены, по щеке, чуть закрытой высокой зелёной травой, катилась одинокая слезинка, лицо сморщено от боли, руки обхватили живот. Да, ей очень плохо.

Эрвин вспомнил то время, лет сто назад, когда погибли некоторые его товарищи, выбрав одну смерть на двоих с верными летающими ящерами. Помнил, как тогда Дукс с пеной у рта требовал уничтожить всех оставшихся боевых драконов, а охранителей изгнать из Леса неважно куда — на Полярный остров или на Экваториальный архипелаг. И Эрвин, измотанный попытками отбить у озверевших людей хоть некоторых летающих ящеров, пришел к Лилас. Хотелось чуточку тепла, понимания, сочувствия. Хотелось почувствовать теплую девичью руку, что обовьётся вокруг его шеи, хотелось услышать, как мягкие, теплые губы шепнут у самого его уха: "Всё наладится, всё будет хорошо". У кого, как не у любимой, той, без которой не мыслилось будущее, искать этого?

Он нашёл её возле дома её отца. Того человека, который уже потерял из двух своих драгоценных детей одного, сына Алиля. Парень как раз и был частью нашей общей страшной утраты.

Алиль был смелым охранителем и настоящим другом, закрывшим собой одного из боевых дракона, того, кого считал своим другом, и за кого отдал свою жизнь, надеясь спасти зверя. Найти того, в чьих руках было то ружьё бехар, нацеленное в ухо ящера, и кто выстрелил из орущей толпы, не удалось. Но яд попал в Алиля, и когда охранители во главе с Эрвином прорвались через толпу, всё было кончено: Алиль содрогался в последних, затихающих уже конвульсиях. Посиневшее от яда лицо раздулось, а конечности, сведённые судорогой, были вывернуты под неестественным углом и почти не дергались.

Эрвин помнил эту боль так, будто всё произошло вчера. Время не лечило его, хмельные соки спасали лишь ненадолго — он чувствовал свою вину за смерть Алиля и ещё нескольких боевых друзей. И всё потому, что он, Эрвин, не поверил в угрозы, не мог представить, как человеческое сообщество Леса выдавит их, словно отбросы, словно что-то совершенно ненужное.

Тогда, увидев обезображенный труп Алиля, Эрвин повернулся к толпе и заорал. Со всей болью и яростью заорал на людей, которые совершили то, что даже дикие звери в Лесу не совершали, — убили себе подобного не для пропитания, а поддавшись влиянию какого-то негодяя, который, не думая о будущем, натравил на безвредных животных толпу.

Имя негодяя было Дукс. Он не так давно — лет двадцать назад — возглавил форум и взял курс на защиту жителей Леса от нахлебников — от них, от охранителей.

И вот Лилас, сестра боевого друга, погибшего от рук толпы, сказала Эрвину, что не станет его женщиной, потому что должна стать женой Дукса. Вот так, стоя у стены своего дома, со слезами на глазах, но без всяких пояснений, поставила его пред фактом, отвернулась и ушла. И что бы Эрвин тогда ни делал — стучал, кричал, выл, — не вышла к нему, не объяснила причин, не сказала больше ни слова. А позже стала женой Дукса, четвёртой, самой младшей женой.

Теперь она лежала в траве. Скрюченная, страдающая, жалкая, и к ней бежал её муж, гранд-шеф форума, отец её ребенка.

Эрвин отвернулся и отошел, глядя на крыши соседних зданий, на Лес, зелёной стеной за ними поднимавшийся до самого неба. Куда угодно, лишь бы не туда, где старый трухлявый гриб скрипучим голосом командовал:

— Аккуратно, поднимайте. Нет! Не так! Вот так. Да. Несите. Да куда же вы тащите её? В лабораторию! Ко мне в лабораторию!

Кто-то из помощников неразборчиво бубнил, видимо, не понимая почему в лабораторию. Но пронзительный визг оборвал всякие рассуждения:

— Это мой ребенок! И он родится там, где мне нужно!

Эрвин плотно прижал ладони к ушам — не хотел слушать. Небо высокое, синее-синее — лучше видеть его. Бывшему охранителю хотелось перечеркнуть прошлое, хотелось забыть всё, сделать так, будто ничего не было.

Под колено что-то упруго толкнулось. Эрвин перевёл тяжёлый взгляд вниз. Арта. Она боднула его ещё раз в ногу и подняла голову, уставившись на него своим желтым и будто насмешливым взглядом. Мужчина прикрыл глаза, выдохнул и оглянулся.

— Эрвин, у нас есть работа, — Андре знал, как лучше всего привести в чувство своего наварха. — У нас есть враг, и с ним нужно что-то делать.

— Да, — на выдохе протянул Эрвин, растирая ладонями лицо. Нужно вернуться сюда, к настоящему, к неведомому Зверю, который жрет людей. — Будем работать. Найди Полита, пусть покажет, где нам разместиться.

Помощники Дукса, несущих его рожающую жену, галдящие и причитающие женщины, сам гранд-шеф, просто жители Центра уже заполнили собой помещение форума и казались комком клубящейся тьмы в недрах здания. И теперь, конечно, места Эрвину и его друзьям не найдется.

Эрвин криво улыбнулся и хмыкнул. А потом повернулся к Матвею, Джолли и Тимону с вопросом где сейчас их драконы, готовы ли они к полёту и кто какие имеет соображения о предстоящем поиске.

Глава 19. Дукс

Дукс нетерпеливо переминался с ноги на ногу возле корчащейся и стонущей Лилас, своей младшей и самой любимой жены — она сейчас рожала уже второго ребенка. Такого подарка ни одна из старых жён ему не делала. За это хотелось её поцеловать. Вот только жаль, что не убереглась, и роды начались преждевременно. За это хотелось её ударить.

Дукс страшно нервничал: как это скажется на проводимом им эксперименте, получится ли то, что он задумал?

А эксперимент был и в самом деле довольно сложный. Ещё никогда жители Леса не влезали в геном человека так откровенно и беззастенчиво, как сделал это Дукс. И конечно же, оценить эффект можно было далеко не сразу — ребёнок должен вырасти хотя бы до возраста первого совершеннолетия. Да, анализы крови в ранние годы его жизни и наблюдение уже могли дать кое-какие результаты, но это в случае полноценно завершённого внутриутробного цикла развития. А у Лилас ещё оставалось две луны до срока нормальных родов, и ещё не известно, как пройдут сами роды. Поэтому Дукс и нервничал.

Осматривая её на предмет повреждений, он вытянул причину — жена упала. Почему сказать не могла, то ли не вспомнила, то ли просто не понимала вопроса — то и дело глаза её закатывались, а тело содрогалось в схватках, больше похожих на судорогу.

Роды протекали бурно, и женщина корчилась и стонала от усилий организма избавиться от плода. Она, когда прояснялся разум и в глазах мелькала осознанность, цеплялась за руки помощников Дукса — Зэодана и Снорре — и просила пересохшими бледными губами:

— Как больно, помогите! Помогите же мне! — и что-то дикое, животное мелькало в лице, отчего и один и другой здоровяк отворачивались, стараясь не смотреть на роженицу.

Роды принимал Сверр, но в последние минуты, когда шел ребенок, его место занял сам Дукс, и когда наконец взял его на руки маленькое мокрое и горячее тельце, а Зэодан перерезал пуповину, быстро понёс в соседнее помещение, даже не обтерев.

Помощники последовали за гранд-шефом, и только Сверр как принимавший роды остался рядом с Лилас.

Она лежала, отрешенно глядя в потолок — лист гигантского клёна, и даже не полюбопытствовала, кто родился — мальчик или девочка. Мокрая от пота, истощенная пережитой мукой, женщина уплывала в сон. Через короткое время глаза её открылись, лицо исказилось новой мукой — после быстро закончившейся серии схваток вышел послед, и Сверр, что так и сидел рядом, дал ей выпить отвар трав для уменьшения кровотечения.

А из другого помещения слышался нетерпеливый голос Дукса:

— Сверр! Где тебя носит? Быстро сюда!

— Нужно проследить за состоянием Лилас, — обернулся он к проходу в то помещение, где его ждали, но не сдвинулся с места — у женщины дрожали руки и слабо держали ковшик с питьём, и ему приходилось страховать слабые ледяные руки.

— Всё потом! Результаты моего опыта под угрозой! Всё к цуккановым хвостам! Быстро сюда!

Сверр покусал губу, глядя на закатывающиеся глаза Лилит, коротко выдохнул и бросился к гранд-шефу.

Новорождённый умирал. Дыхание останавливалось, и трое мужчин снова и снова пытались его раздышать. Но состояние малыша было нестабильным, у Дукса дрожали руки, а

на глаза и то и дело набегали слёзы, он что-то горячечно шептал, считая вдохи младенца и кривясь, когда личико снова начинало синеть.

— Он должен жить! — то и дело восклицал гранд-шеф, и помощники снова и снова массировали малюсенькую грудную клетку, согревали синюшные ножки и ручки, накрывали головку младенца небольшим куполом, оплетённый хищным растением джег, которое при действии силы выделяло под колпак кислород.

Малыш попискивал, раскрывая ротик, но так и не мог раскричаться как следует, и Дукс снова и снова что-то шептал и смахивал слёзы, катившиеся по сморщенным щекам, и всё понукал и понукал помощников к действиям.

Сверр, державший кислородный купол, несколько раз порывался пойти проверить состояние Лилас, но гранд-шеф каждый раз грубо останавливал его — это неважно, это можно отложить на потом. Всё потом!

Только когда солнце начало клониться к закату, а младенец, хоть и трудно, но самостоятельно дышал под кислородным колпаком, Сверр смог подойти к Лилас. Она так и лежала на неудобной твёрдой кушетке даже без тонкого слоя постельных бактерий, безучастная и уставшая, с застывшим, будто сонным взглядом, упёршимся в потолок. С пелёнки, кое-как подложенной под её спину, а теперь свисавшей, капала кровь.

— Уважаемый, у вашей жены, похоже, кровотечение, — обмирая, проговорил Сверр, чуть повышая голос, чтобы шеф услышал его в соседнем помещении, где в полной готовности спасать жизнь, склонились над младенцем трое мужчин.

— Так дай ей ещё отвара! — донеслось взбешенное, и Сверр закусил губу.

Ему не нравилась её чрезмерная бледность, пустой, невидящий взгляд и обмякшее тело. Жители Леса старались не влезать в природу человека, нужно было помогать, но не мешать. И Сверр стоял перед дилеммой: если он сейчас начнёт спасать жизнь этой женщине, не будет ли это помощь или помеха?

За спиной послышался шорох, Сверр резко обернулся — в двери, ведущие в приемную, заглядывал секретарь. Увидев лужи крови, Полит мгновенно побледнел и закрыл рот рукой. Перевёл полный ужаса взгляд на помощника Дукса и придушенно пробормотал из-под ладони:

— Спасай её! Если узнает Эрвин, он убьет тут всех.

Сверр рыкнул на вечно лезущего не в своё дело человека, и тот мгновенно исчез за дверной перегородкой, но наконец решился: помощник гранд-шефа не стал возиться с отваром, который, похоже не справлялся с сильным кровотечением, а сразу взял несколько препаратов, которые использовались для сужения сосудов, для свертывания крови и один ещё один — гормоны. С опаской оглянувшись к проему в помещение, где находился Дукс, собрал в пробирку компоненты, добавил несколько грамм крови Лилас и поместил в пасть лабораторного нагревателя. Когда пробирка с поменявшим цвет содержимым появилась из пасти, вставил её в центрифугу и влил силу, чтобы ещё один лабораторный зверь заработал.

Проводя манипуляции, внимательно прислушивался к происходящему в другом помещении, иногда отвечая на требования вернуться тем, что приходится готовить новый отвар, и все поглядывал на женщину. Она так и не шелохнулось ни разу за всё то время, что он возился, готовя не то чтобы запрещённое, но точно неразрешенное снадобье. Сверр только качал головой и неодобрительно поджимал губы.

Наконец, получив препарат, приподнял Лилас под плечи и влил ей в рот обжигающую жидкость. Она попыталась сопротивляться, но была настолько слаба, что у неё получилось

только дернуть руками и, скривившись, попытаться отвернуться, но мужчина настойчиво поил лекарством и приговаривал:

— Пей, пей! Нужно поправиться!

Дукс опять истерично звал Сверра, и тот уложив женщину обратно, с досадой и ужасом увидел, что рука, которой он поддерживал родильницу, вся в крови. Закусив губу, Сверр взглянул на женщину и пошел на зов.

— Уважаемый, — настойчиво воззвал к гранд-шефу, — вашей жене нужна помощь!

— Не надо мне указывать! — завопил Дукс, не глядя на по локоть вымокшую в крови руку помощника. У него трясся подбородок, дёргался рот и пальцы скрючились в судороге. — Гибнет результат наших многолетних экспериментов! Мы можем потерять первого человека, способного к быстрому воспроизведению! Ставьте препараты для вливания!

— Это запрещено медицинской этикой, уважаемый! — проговорил Сверр, оmyвая руку под тонкой струёй водяного и размышляя о том, будет ли кто-то проверять не только то, что он сделает сейчас, но и то, что он уже сделал для Лилас?

— Если он умрет от нашего бездействия, — скрюченный трясущийся палец ткнул в сторону задыхающегося малыша, — я убью тебя, понял?! И никакая этика не станет мне поперёк тропы! — прошипел Дукс.

И столько было гнева с этим тихом свистящем шепоте, который прозвучал криком, что Сверр кивнул и вновь принялся готовить препараты. Как и тот, что он сделал для Лилит, этот был испробован только на животных. Да и то, в тайне от жителей Леса.

Пока смешанные элементы будущего препарата нагревались, ребенок, судорожно вздохнув последний раз, тихо пискнул и перестал дышать. И уже никакие действия — ни искусственное дыхание, ни массаж сердца — не смогли восстановить сердечную деятельность.

Новорождённый был окончательно и бесповоротно мертв. Дукс сделал шаг назад от столика, на котором лежал бездыханный младенец. Против обыкновения, он молчал, и помощники с затаённым ужасом наблюдали черное лицо, высохшее враз ещё сильнее, вяло висящие руки, подрагивающую походку. Дукс развернулся и прошел через комнату, затем через ту, где в забытьи лежала Лилит и, ничего не замечая, прямо как был, в рабочем комбинезоне, заляпанном кровью, вышел из лаборатории.

А Сверр, выйдя следом, подошел к лежащей женщине и нащупал пульс. Он был слабый, нитевидный. Но главное — был. И вернулся за препаратом, который не пригодился младенцу, но мог помочь его матери. Взял пробирку и исподлобья глянул на молчавших товарищей, те отвернулись в разные стороны, делая вид, что не заметили его действий. Иногда каждому из них приходилось делать что-то, за Дукс мог расщепить их на атомы, но это что-то в будущем могло спасти их шкуры от самодура-шефа, и потому каждый из них умел вовремя не услышать и не увидеть то или другое.

Спасти сейчас Лилас было важно — это поможет избежать ещё одного взрыва негодования Дукса.

Глава 20. Эрвин. Дукс. Идона

Эрвин

Лилас лежала на высокой кушетке, и Эрвин не видел её лица — голова была повернута в другую сторону. Он тихо обошел кушетку. Глаза женщины были полуприкрыты, а взгляд неживой. Эрвин схватили её за руку и позвал, волнуясь:

— Лилас!

Она чуть шевельнула веками, с трудом разлепила ресницы и сфокусировала на нём взгляд.

— Привет, — из пересохших искусанных губ звук шёл еле-еле.

— Как ты? — спросил тихо Эрвин ища в её лице и не находя черты той весёлой девушки, которая смеялась без усталости и любила танцевать.

В ответ она едва заметно сморщилась. Облизнула губы. Эрвин ощутил, какие эти корки неё на губах колючие и как они, наверное, царапают язык.

— Пить хочешь? — спросил, уже привставая, чтобы идти за водой. Она слабым движением остановила его, положив свою руку на его. Эрвин заметил, какие у неё пальцы — истонченные, бледные, полупрозрачные.

— Потом. Хотела сказать... — тихо прошелестела она, и глаза её заблестели. Сухой язык снова прошелся по пересохшим губам, только на этот раз судорожно, поспешно, будто из последних сил: — Хотела сказать... Прости. Я неправильно... сделала...

— О чём ты? — Эрвин нахмурился.

— Я... Тогда... Неправильно... Я виновата... Не прошу прощенья... Но знай... сожалею об... этом...

Охранитель закусил губу, рассматривая ставшие чужими черты. Уже не было той девчонки, что сто лет назад он хотел назвать своей, радостной, весёлой. А чтобы увидеть более красивую, но и более чужую женщину приходилось напрягать фантазию, убирая темные круги под глазами, измождённое, слишком худое лицо, рисуя здоровый румянец на щеках. Другая, не та, что Эрвин любил. Не та, что предала.

— Ты его хоть любишь? — тихо спросил он, пряча боль.

Она прикрыла глаза, затем снова открыла, всмотрелась в него. Едва заметно дернулся уголок губ.

— Нет... Никогда... не любила, — выдохнула.

— Но... Тогда зачем?

Слабая улыбка тронула больные губы:

— Он мог... больше... — прошептала Лилас. — Уходи...

Эрвин взял её тонкую руку в свою, не замечая ничего вокруг — ни тревожного запаха, что подспудно беспокоил его, ни звука капель, которые тихо отстукивали время.

— Что б он сдох, старый пень! — выругался, сжимая полупрозрачную тонкую ладонь.

— Иди... — почти беззвучно сказала она и закрыла глаза.

Эрвин рванул от кушетки, от предавшей его женщины, от прошлого. Выбежав из лаборатории, наткнулся на Полита. И всё, что он хотел сказать Дуксу, досталось его секретарю:

— Если она умрёт, я убью старого сморчка! — и развернувшись к своим парням, скомандовал: — По гондолам. Летим к первому пострадавшему поселению!

Вджолл, Андрэ, Матвей, Тимон бросились следом за своим навархом, выслушивая на ходу приказ направляться на восток, туда, откуда пришла первая весть о трагедии.

— Начнём с того, что найдём недоношенного рууда, который вывел эту тварь! — запрыгивая в свою гондолу, пояснил Эвин. Серой тенью за ним метнулась рысь.

Дукс

Полит медленно спускался из почтовой башенки, на ходу перечитывая послание:

— Погиб глава стейта... Свалился с...

И тут взгляд его зацепился за Дукса, который тяжело опирался о стол, но услышав голос, поднял голову.

— Откуда он свалился? — устало и совершенно равнодушно спросил гранд-шеф, глядя в пространство.

Полит пару раз сглотнул — руки и одежда главного шефа Леса была в крови, а слова Эрвина, услышанные совсем недавно, эхом звучали в ушах. Ужаса добавляло непривычное спокойствие Дукса.

Секретарь боязливо хлопнул глазами и произнёс:

— С верхового ящера. Делегация уже прибыла в стейт, но как только зверь остановился, рухнул вниз головой. Прямо на камень. Его сын, который в эту минуту был рядом, пишет, что тот сам сделал это. И это не было случайностью.

— Сам? — все так же отстранённо уточнил Дукс и, получив согласие, вдруг опять заорал: — В корни сына!

Полит дернулся от неожиданности, но закивал согласно.

— Приказываю Эрвину во всем разобраться! Немедленно!

— Невозможно, уважаемый, — тихо проговорил Полит, чуточку пригибаясь — на всякий случай. — Они улетели ловить Зверя. И... это уже вторая смерть главы стейта.

Дукс будто не слышал. Кивнул, чуть нахмурившись.

— А... как здоровье Лилас? — робко спросил секретарь.

— Он умер... — выдохнул гранд-шеф, всё так же глядя в пространство. — Мой сын... Мой эксперимент... Он погиб.

Дукс обессиленно опустил на своё сидение, упёрся локтями в стол, а лбом уткнулся в ладони. И затих.

Полит нервно дернул кадыком и вдоль стенки стал медленно красться к проходу в лабораторию, не сводя настороженного взгляда со своего шефа. Но тот замер в неподвижности, не реагируя ни на что. И секретарь быстро заглянул в лабораторию.

Над высокой кушеткой склонились трое помощников Дукса, а лужа крови на полу стала больше...

Идона

Идона осталась в Центре — так приказал Дукс, и отец не посмел ослушаться. Она в общем-то не перечила, хотя чувствовала себя вещью, несущественной частичкой, с мнением которой никто не считался. Да и просто не интересовался этим мнением. И это злило ужасно!

Она осталась то ли заложницей, то ли ценным призом, то ли в каком-то ещё непонятном качестве. О гибели шефов стейтов она слышала и покрывалась мурашками ужаса и восторга — ведь и её отец тоже может погибнуть! И даже хорошо, что она сейчас в столице, всё ближе к Дуксу. И кто знает, может, всё ещё сложится так, как ей мечталось?

Кроме того, был и ещё один интерес. Её, личный.

Дукс явно что-то исследует, и своими открытиями не делится, а значит, она должна пробраться в его лабораторию и отыскать материалы его исследований.

Терпеливо дождавшись вечера, когда звуки человеческого присутствия стихнут, а шум Леса заполнит всё вокруг, она тихо выбралась из своей комнаты и, осмотревшись, бесшумно прокралась к лаборатории. Охраны ни в коридоре, ни в главном зале форума не было, и она, никем не замеченная, пробралась внутрь.

Темнота позволяла быть незаметной, но и затрудняла поиск. Активировать настенное освещение не хотелось — пусть сейчас каплю силы в пузыри со светящимися бактериями, потом может не хватить на что-о другое. Она достала из кармана стеклянную трубку с парой светящихся маленьких бабочек. Сжала её в руке, чтобы насекомые согрелись и начали светиться.

Её нос щекотал запах крови, а слух чутко ловил малейшие изменения звуков за закрывающейся перегородкой, отделяющей лабораторию от приёмной. Но запах она могла игнорировать, а тишину ничто не нарушало. Только сердце Идоны громко стучало, хотя вряд ли могло кого-то потревожить.

В слабом свете бабочек она осмотрела резные шкафы и полки с бумагами и лабораторной посудой — пожалуй, другого места, чтобы спрятать что-то, здесь и не было.

И начала с бумаг, лежавших на столе, в надежде, что не придётся закапываться глубоко — Идона не любила научную работу и даже просто перебирать записи в лаборатории ей было неприятно. Но ничего интересного не нашла — дневники наблюдений со скучной констатацией каких-то отрицательных результатов.

А вот в шкафу, в самом новом, хоть и не на первой осмотренной полке, она нашла отчёты о проведенных исследованиях. Идона, неудобно удерживая светящуюся трубку, пролистывала лист за листом. И незаметно увлеклась — кажется, оно! Если всё, что здесь написано, правда, то... Ах, как интересно!

Вторую и третью сшивки бумаг она тоже засунула за пазуху — исследования по искусственным мутагенам растений. Тема была запрещена к разработке и теперь у неё в руках был инструмент давления на Дукса. Радостная от того, что она теперь могла стать самой влиятельной в Лесу личностью, приобретал вполне реальные очертания.

Она набрала еще несколько пачек бумаг, просмотрела и наконец нашла. От радости хотелось взвизгнуть и закружиться, но пришлось сдержаться и позаботиться о сохранности находок — завернуть их в кожу рыбы лазан, и спрятать пока всё туда же — за пазуху.

На такую удачу она даже не надеялась! Опыты по восстановлению репродуктивности человека! Потрясающе! Мысль быстро работала, подсказывая, что оставлять бумаги у себя рискованно. Надо их куда-то спрятать. Куда?

Идона спрятала трубку с бабочками в карман и незаметно выскользнула из здания форума. На мгновение застыла, размышляя. Лес — вот её единственный и надёжный помощник, он скроет всё, что она захочет скрыть. И девушка, выбирая самые тёмные места на тропках Центра, крадучись пробралась за ограду поселения.

Сориентировавшись по слабо видимым между кронами гигантов Леса звёздам, она двинулась на запад. Ей нужно большое дерево с более-менее обнажёнными корнями — там никто точно не будет искать пропавшие бумаги.

Она уже нашла подходящего древесного гиганта, когда прямо перед ней слабо блеснули глаза какого-то животного. Девушка замерла, приглядываясь — большие, словно плоски, и очень милые, на крупной меховой голове.

Но едва она удивилась невиданному чуду, как затылок взорвался болью.

Эрвин гнал Санну так, что в какой-то момент дракон не выдержал, рыкнул и начал самовольно снижаться. Только после этого бывший охранитель пришел в себя, оглянулся на товарищей, который своих животных берегли и потому прилично отстали.

Но благодаря такому темпу приземлились в точке назначения раньше, чем рассчитывали. Да и Эрвин смог взять себя в руки и действовать разумно, не позволяя эмоциям отвлекать от задачи, которая, в силу возможной опасности, могла считаться боевой.

Поселение было пустым, и оружие на изготовку охранителям не пригодилось — трупы убрали, а о кровавой расправе говорили лишь слабо различимые в буйной тропической зелени темные островки, над которыми поднимались тучи насекомых.

Арта жалась к ногам Эрвина, тихо утробно рычала, опасно осматривалась по сторонам. И это тревожило

Все дома были пусты — двери нараспашку, вокруг стояла оглушительная тишина нежилого места. И когда маленький отряд в этой угнетающей атмосфере собрался на центральной площади, обойдя выделенный свой сектор, никто не произнёс ни звука. Лишь каждый отрицательно качнул головой — ничего.

Только Джолли не выдержал — спросил слегка охрипшим голосом:

— Неужели никто не сопротивлялся? Ведь должны были видеть, что что-то происходит!

— Сейчас уже не поймёшь, — вздохнул Андр.

— Могли Зверя выпустить здесь? — скорее размышлял вслух, чем спрашивал обычно весёлый, а сейчас нерадостный весельчак.

Эрвин обвел взглядом свой отряд. Каждый отрицательно качнул головой.

— И я не заметил ни одного помещения, подходящего по размерам. Значит, он пришел откуда-то из Леса.

Будто по команде, каждый из охранителей, сориентировавшись по солнцу, повернулся к востоку. Молча переглянулись и дружно зашагали к восточной околице.

Едва вышли за границы поселения, Арта забеспокоилась ещё сильнее. Теперь она прижималась к земле, двигалась перебежками, к тому же её утробный рык стал довольно громким.

Охранители рассыпались по Лесу и крадущимся шагом двинулись вперед, чутко прислушиваясь и присматриваясь к окружающей растительности. Вскоре Эрвин поднял руку, привлекая внимание товарищей, и когда все повернули к нему головы, кивнул на Арту — она почти стелилась по земле, не отрывая носа от одной ей заметного следа.

Охранители выстроились в оборонительном порядке и ещё более осторожно двинулись за рысью. Каждый готов был увидеть припрятанный в Лесу дом, выстроенный руками отступившего, такой, как строили первопродки. Но то, что увидели, было настолько неожиданным, что заставило их замереть. Паника никогда не была свойственна этим решительным парням, и Эрвин даже ни разу в жизни не попадал под её воздействие, но сейчас...

Передо ними стоял... Стояло... Это была конструкции, сделанные руками человека. Не выращенная, не сооружённый из природных материалов. Это был огромный круглый дом из чего-то чёрного, похожего на металл. Но... Такое количество этого материала в одной вещи просто не могло существовать!

Люди замерли у черного бока, матово бликующего в столбе яркого света, который протянул широкий луч сквозь неожиданно большую прореху в кроне влажного леса. Арта пригнула голову и, рыча, медленно отползала подальше от громадины, подмявшей под себя несколько стволов и оборвала немало лиан, обрывки которых свисали там и тут с соседних деревьев.

Что это?

Мужчины, обменявшись знаками, медленно обошли громадное нечто кругом, пружиня на полусогнутых ногах и держа оружие наготове, встревоженно оглядываясь по сторонам, готовые чутко отреагировать на малейшее движение.

Встретившись там, где и разошлись, наконец заговорили:

— Дверей нет.

Эрвин щурил глаза, оглядывая чёрную громаду, и кивал, догадываясь, но всё никак не мог поверить и потому не решаясь высказать вслух свои догадки. Глянул на Андре. Тот вопросительно вздернул бровь. Эрвин только пожал плечами.

— Мы их просто не нашли, — сказал Матвей и покивал, пристально глядя на наварха, лишь подтверждая подозрения.

— Нам нужно попасть внутрь, — твёрдо сказал Эрвин, и охранители снова пошли вокруг махину, теперь ощупывая поверхность. Зев прохода открылся под рукой Андра: он возбуждённо и неразборчиво что-то выкрикнул, и все мгновенно собрались рядом с ним.

Внутри за овальной поверхностью, отошедшей в сторону, оказалось светло — намного светлее, чем от сотни трубок со светящимися перекормленными силой бабочками — и тесно: небольшая комната, в которой едва ли мог поместиться весь отряд. Помещение было совсем пустым, — никакой мебели, ни одной вещи — но ни двери или хода дальше, внутрь черного огромного нечто, тоже не было.

Охранители снова переглянулись. Эрвин кивнул бледному до посиневших губ Джолли, чтобы он остался охранять ход снаружи, а его товарищи, один за другим, двинулись внутрь маленького помещения.

Над головой прозвучал голос, и изогнутая овальная дверь стала медленно закрываться. Все ошетинились оружием, а в сужающейся щели мелькнули откровенно перепуганные глаза Джолли. Эрвин успел крикнуть: «Жди нас!», и стена стала целой, без единого шва или намёка на след двери.

Охранители нервно оглядывались, держась спина к спине, а над головой снова прозвучал голос. Наварх прислушался и с сильным запозданием, спотыкаясь на каждом слове, проговорил:

— Это проверка, после... чего-то м... — затруднился он перевести фразу, — проход дальше откроется.

Деваться было некуда, и четверо мужчин напряженно ждали, наблюдая, как появляется едва заметный туман, потом — как он уходит, как от самого верха опускается светящаяся красным плоскость, проходит сквозь всех, окрашивая всё в яркий красный цвет, затем поднимается уже зеленой.

Проход открылся в стене напротив того места, где был вход, бесшумно и неожиданно. И было непонятно, как это произошло. Перед отрядом был длинный коридор, и двери, и стены, и пол, и потолок его были из металла. Это переворачивало представление о мире вверх ногами и сбивало с толку.

Да, охранители слышали о том, что люди когда-то покидали пределы планеты, что

могли летать к звёздам, в старых летописях видели такие же черные сооружения, но не допускали мысли, что такое возможно сейчас, в эпоху развитой бицивилизации, не могли предположить, что внутри чёрных сооружений с картинок так много металла, того странного материала, от которого люди Леса давно отказались, сумев заменить его чем-то другим — в основном деревом. Доктрина развития Великого Леса-прародителя подразумевала отказ от техники и совершенствование мира через развитие природы.

Теперь же перед отрядом охранителей открылся коридор, и они разошлись по нему цепочкой, заглядывая в дверные проемы, хранившие следы когтей невероятной силы и размера. Однако, крови нигде не было. Значило ли это, что все люди успели спрятаться в других частях строения от страшного хищника? Или его выпустили в Лес специально?

Кто эти люди и зачем они прилетели сюда? Где они сейчас? И не расправился ли Зверь со своими хозяевами, как сделал это с жителями Леса? И нет ли ещё подобных Зверю чудовищ здесь, в этих стенах?

Теперь проверка всех помещений приобрела другой, более трагический смысл. И ведя ладонью по стенам, каждый из отряда ожидал не просто внезапно открытой комнаты, но и кровавых следов пиршества вырвавшегося на свободу Зверя.

Но чем дальше они шли, тем страшнее становилось — какие-то хозяйственные помещения, жилые каюты, общие залы с обстановкой, напоминающей зал заседаний форума, большой зал для еды... И нигде ни одного кровавого следа.

Напряжение всё росло.

Наконец маленький отряд оказался в простой комнате, откуда, видимо, можно было управлять всем сооружением: перед полукруглым наклонным столом стояло несколько сидений с высокими спинками, в которых удобнее было лежать, чем сидеть. На некоторых из них были следы когтей, но... Были они такие, будто зверь впивался ими в подлокотник. Только, судя по следам, когти эти не были собраны во что-то, похожее на кисть руки. А вот на что похожее, никто, даже самый старший — Матвей — не мог предположить.

— Будто огромная лапа с подвижными гигантскими пальцами, — бормотал Эрвин, низко наклонившись над креслом.

— У такой лапы тело должно быть как бы не с весь этот дом, — в том же задумчивом тоне пробормотал Матвей, присаживаясь рядом. — Оно бы просто сюда не влезло.

Андре молча рассматривал следы в другом углу помещения. Он воспитывался в стейте, который занимался выведением именно крупных животных, и теперь внимательно изучал расположение всех царапин на сиденьях, на полукруглом столе со значками и мягкими кружочками, которые приятно прогибались под пальцами.

Вопросов было бесконечно много: как такое возможно? Что это за зверюга? Как она устроена и что у нее в мозгах?

Эрвин искал следы несчастного случая. В его голове рисовалась картина того, как этот Зверь вырвался, когда его куда-то вели или, может, хотели выпустить в Лес-Прародитель, но он первым делом закусил своими хозяевами.... Однако, эти очевидные предположения не укладывались в картину того, что охранители наблюдали внутри. Это зверь топтался лапами по ручкам сидения и по полу, по столу — везде были царапины, зазубрины и другие следы крупных когтей. Что он тут делал? Почему не разрушил тут все? А он вполне мог бы, если вспомнить те следы в первом коридоре, который охранители рассмотрели здесь первым.

— Андре, что он мог делать на сиденье? — спросил Эрвин, наклонившись теперь над гладким мягким покрытием.

Товарищ зашёл с другой стороны высокой спинки и теперь пядь за пядью рассматривал неизвестный черный материал, спускаясь всё ниже к сиденью.

— Сидел? — предположив, поднял глаза на наварха самый немногословный из отряда. Он привстал и склонился над полукруглым столом, стараясь смотреть сбоку, будто любовался блеском необычного покрытия.

— Сидел? — Эрвин с Матвеем удивились в один голос и уставилась на Андре.

Тот только пожал плечами. Эрвин скептически поджал губы, потрогал сиденье, которое приятно пружинило под пальцами, исподлобья посмотрел на каждого товарища и... сел.

Моментально округлая спинка приняла на себя вес человеческого тела, откинулась и спружинила, гибкими змеями широкие ремни обхватили туловище. Эрвин задёргался, чтобы

выскочить из этой внезапно сработавшей ловушки, но почти сразу замер — откуда-то сверху раздался громкий женский голос, что-то певуче проговоривший на странном языке, в котором проскальзывали смутно знакомые слова, но сознание не успевало уловить смысл, вслушиваясь в следующие звуки.

— Что она говорит? — Эрвин разобрал только одно слово: «управление», а Матвей с задумчивым видом поднял кверху палец, призывая всех к тишине, и, прислушиваясь, заговорил:

— Она называет тебя... капитаном... Предлагает проверить системы на... наверное, на способность к дальнейшей работе. Эээ... Ещё предлагает сформулировать... запрос? На предстоящий... маршрут, — запинаясь и щурясь от напряжения, проговорил он.

— Маршрут? — переспросил Эрвин в полном недоумении, ощущая, как удобно спине на мягком ложе, как волны удовольствия растекаются по телу и щекочат кончики пальцев.

— Ну да. Спрашивает, куда полетим, — медленно ответил Матвей, оглядывая помещение в попытке разыскать источник звука.

— То есть это... — «капитан» сделал широкий жест, указывая на помещение, — это разговаривает?

Андре пожал плечами — что тут сказать? И так всё понятно.

— А нельзя ли в таком случае у неё спросить, откуда она прилетела? — уточнил Эрвин.

Андре только хмыкнул:

— Она разговаривает на старом всеобщем. Назвала тебя капитаном. Спроси сам, — изменил своей привычке говорить мало Андре.

В его словах был смысл, и Эрвин, чувствуя себя ужасно неловко, всё же проговорил в пространство:

— Хочу увидеть откуда мы прилетели.

Спросил, правда, не на старом всеобщем, крепко забытом жителями Леса. Настолько крепко, что забыто было даже то, почему язык назывался всеобщий. Уже не впервые знания Матвея оказались кстати — он часто выручал товарищей там, где они терялись или чего-то не знали. Он был сыном старого наставника, который помнил то, что другие уже забыли, и смог кое-что передать сыну, который, к сожалению отца, избрал совсем не ту стезю, к которой его готовили.

Почти мгновенно перед гостями странного транспорта прямо в воздухе развернулся купол с изображением звездного неба, постоял неподвижно и рванул навстречу так, что закружилась голова и перехватило дыхание. Эрвин только и смог выдохнуть:

— Стой! Не так быстро!

И ход замедлился, но не настолько, чтобы понять, что же происходит. Однако Эрвин уловил главное — его слова понятны женскому голосу, и он послушен ему. И Эрвин скомандовал:

— Ещё медленнее!

Вот теперь звездное небо надвигалось на них плавно, и наварх услышал за спиной выдох Матвея. Только Андре остался верен себе — абсолютное спокойствие и непоколебимость.

Все они, не двигаясь с места, медленно плыли в ставшем черным пространстве, провожали глазами движущиеся навстречу звезды, которые не становились, впрочем, ни крупнее, ни ближе. Это было невероятно, это было захватывающе! И это медленное движение завораживало так, что все стояли, словно спящие наяву, и смотрели широко открытыми глазами на открывающуюся панораму.

В поле зрения медленно вплыло нереально огромное сооружение, блестящее в свете звезды темными металлическими боками и сложными сверкающими конструкциями. Медленно приблизилось настолько, что пропало черное звёздное небо. Выпуклый бок приближался, становясь всё более и более плоским, а светлый круг на черной поверхности, к которому, казалось, было направлено движение, становился всё ближе и больше, затем исчез, а полёт остановился, закончившись заметным содроганием.

Огромная картинка на всё помещение внезапно погасла.

Долго никто не мог пошевелиться, и тишина стояла полная. Но наконец Эрвин хрипло проговорил:

— Получается, — прокашлялся, — это к нам прилетело с соседней планеты?

Ответом ему была тишина — никто не пришёл в себя настолько, чтобы говорить, и тем более не составил мнения.

Наварх повернулся к своему маленькому отряду.

— Значит, на этом сооружении, — хлопнул он по подлокотнику ладонью, — должны быть люди!

— Да, должны бы... Но их нет. И следов их нет. Но есть следы Зверя. — Задумчиво проговорил Матвей.

— А повтори-ка, Андре, как ты сказал? — Встрепенулся Эрвин и вопросительно уставился на товарища. — Похоже, Зверь сидел в этом кресле? — И загорелый палец упёрся в гладкое мягкое покрытие.

Когда смысл вопроса дошел до членов отряда, их потрясение было ничуть не меньшим, чем от показанного только что полета через черное небо.

— Матвей... Ты думаешь, что Зверь вовсе не зверь, а разумное существо?!

Эрвин, желая посмотреть на товарища, что так и стоял за его спиной, слегка повернул голову. Сиденье среагировало, как живое, и развернулось так, чтобы люди оказались лицом к лицу. И это было удивительно! Но Эрвин был не в силах удивляться, лишь отметил про себя ещё одно новое чудо. Вернее, то, что могло бы стать удивительным, если бы не все остальные слишком невообразимые вещи, которые он увидел в последний час.

Матвей стоял, широко расставив ноги и сложив на груди могучие руки. Он в своей удобной охотничьей одежде Леса в этом помещении выглядел как-то дико, инородно, хотя у них было и общее — от него, как и от самого этого места, веяло мощью.

В ответ Матвей кивнул, глядя серьезно и тревожно. Нахмурившись, Андре проговорил:

— Но если он разумен и никого — ни живого, ни мертвого — в этом звездолёте нет, то... — в голосе послышалась неуверенность. — То Зверь сам прилетел сюда, и его поведение... Получается, что он такой же человек, как и мы, только... — Андре посмотрел на следы когтей, оставшиеся повсюду — и на наклонном столе с кружками для нажимания, на кресле и на полу и добавил с глубоким сомнением, — только агрессивный?

— А может у него есть какая-то цель... — Прищурился Эрвин. Его всё не отпускали картины полёта сквозь космос.

— Какая же может быть цель, если он так жестоко расправляется с разумными, пожирая их? — Возмутился Андре. — Ты заметил или нет, но в поселениях он не уничтожил ни одного бытового зверя! Они как раз в огромных количествах остались в ставших одинокими домах и гибли там без подпитки силой, если не могли выбраться наружу. Нет, его интересовали именно люди. И вспомни, что оставалось от разумных — конечности, пустые черепа и грудные клетки. Получается, он съедал то, что помягче.

— То, что не нужно жевать, — хмуро кивнул Эрвин.

— У него нет зубов? — высказал общую догадку Матвей.

— Может быть. — задумчиво протянул Андре. — Но, возможно, его интересовали внутренности разумных по другой причине...

— И по какой же? — глянул на него исподлобья Матвей.

— Не знаю, — ответил Андре, в сомнении двинув плечом. — Более легкоусвояемое? Если он разумен, то, возможно, у него есть вера... что съеденные потроха разумных дают ему... что-то?!

Андре мучительно строил догадки — он не привык к такому, но виденное в опустевших поселениях до сих пор стояло у него перед глазами.

— Я не понимаю другого, — задумчиво уставясь перед собой, сказал Матвей, — куда ему столько влезало? Он же зачищал поселения по одному-два в сутки. А сам небольшой, ведь он проходил по этим коридорам, — Матвей махнул рукой за спину, — значит, ростом и шириной не больше каждого из нас. Но что у него за пальцы, если на них могли располагаться такие чудовищные когти?

— Нужно обследовать остальные поселения и попробовать разобраться, что же он на самом деле делал или искал, — решительно вставая с удобного сидения Эрвин.

***Выйти из летающего аппарата оказалось даже проще, чем войти — до того места, где они попали внутрь, добрались легко — в коридорах вспыхивал свет, будто указывал дорогу обратно. Перед стеной, на которой закрылась дверь, знакомый мелодичный голос что-то

произнёс с вопросительной интонацией, и Эрвин, снова чувствуя себя глупо, проговорил в пространство:

— Выпусти нас, машина.

И дверь, которую и стальным ножом было не отковырять, отошла сама, явив Джолли, который без обычной улыбки, с мертвенной бледностью на лице, выглядел не просто встревоженным, а испуганным. Увидев товарищей, он на мгновение отвернулся, чтобы облегчённо выдохнуть, а повернувшись, вновь сверкал привычной улыбкой.

— Мы тут волновались, — покачав головой, отошел в сторону. Этим моментально воспользовалась Арта: прыгнула к Эрвину на грудь, тыкаясь ему в щёки мордой, урча и проводя своими меховыми щеками по щекам человека.

— Ой, кошка, брысь, — проговорил Эрвин недовольно, но улыбка всё же тронула его губы — как было не порадоваться ласковому питомцу?

Двое исследователей неизвестной машины, негромко делясь с Джолли впечатлениями, отошли от неё подальше. А Эрвин с грустью взглянул на чернобокое нечто, стараясь увернуться от большой кошки, что толкала его лбом под колено с глухим рычанием. Это должно было подсказать другу-человеку, что рядом опасность и что от неё нужно скорее убираться. Наварх похлопал ладонью странную машину на прощанье и пошёл вслед за рысью, что убежала вперёд, снова с рычанием возвращалась, будто звала за собой.

Рядом с драконами устроили ещё одно обсуждение, но уже по плану дальнейших действий.

— Нужно отправлять в Центр, доложить о находке, о наших предположениях, — недовольно шурясь, сказал Эрвин, поглядывая на черный округлый бок, что виднелся среди лиан.

Отправляться было нужно, ведь был прямо приказ Дукса, но очень не хотелось. И дело даже не в том, что не хотелось видеть Дукса или сам по себе главный город человечества навевал печальные воспоминания. Сам этот полёт туда и обратно займёт большую часть дня, а значит, время для поиска будет потеряно, и кто знает, возможно, именно эти часы окажутся крайне важными впоследствии. Товарищи молча смотрели на него — он здесь главный, он и должен был решать.

Эрвин ещё раз глянул в ту сторону, где осталась странная машина для путешествий между звёздами, на Арту, что легла между ним и этой машиной, будто рассчитывая своим телом перегородить ему путь к ней. Вздыхнул.

— Мы поступим по-другому, — решительно сказал он и забрался в гондолу своего дракона, достал ящик с запасами и вынул из него бумагу и пишущую ящерку. Затем огляделся и, заметив среди лиан птицу, щелчком с искрой силы подозвал её к себе.

Джолли толкнул в плечо стоявшего с ним рядом Матвея и стрельнул глазами в это чудо, мол, ничего себе, а? Тот только приподнял брови — да уж, наварх у нас такой.

Птица, испуганно трепыхаясь, оказалась в руке Эрвина, и он, стараясь не помять ей крылья, передал её Андре. — Подержи. Только осторожно.

Рысь отреагировала на потенциальную добычу непривычно — лишь лениво приоткрыла глаз, проследив за последними слабыми взмахами крыльев, которые накрыл ладонью Андре.

Эрвин отметил это и только недоверчиво качнул головой — его верная лесная подруга вела себя удивительно, но времени, чтобы подумать об этом, не было — он быстро писал на листке сообщение, затем прикрутил его к лапке птицы и, влив в неё несколько капель силы, отпустил в нужном направлении. Да, это не почтовый голубь, но какая разница? Сила укажет

верный путь, и его послание о том, что Зверь — существо разумное, что не является порождением Леса, что прилетел откуда-то из-за звёзд и что он, Эрвин, со своим отрядом будет искать дальше.

Проводив взглядом птичку, быстро потерявшуюся среди пышной листвы Леса, бывшие охранители, запрыгнув в гондолы, подняли в воздух своих драконов.

План был простой — попасть в поселения, лежащие на линии возможного движения разумного чудовища. На карте опустошенные поселения выстраивались в направлении столицы, и какое выбрать для следующего визита — а их в сторону движения Зверя насчитывалось четыре — было непонятно. Разделяться не имело смысла — никто не знал, с чем придётся столкнуться, а рассеивать и так небольшие силы, было неразумно.

Андре, недовольно двигая носом, будто его щекотали, сказал:

— Чую хребтиной, его тянет туда, где больше людей. Вот и на Центр явно держит направление...

— Значит, начнём с маленьких — их два, а потом летим в те, что больше, — решил Эрвин, и бывшие охранители разошлись по гондолам.

Ни в одном из первых двух поселений никто ничего не слышал о Звере, люди не пропадали, а жизнь текла своим чередом — в мирных трудах и заботах. Прочёсывание окраин и прилегающего к поселению Леса тоже ничего не дали.

Третье поселение было более крупным, хотя и казалось более безлюдным — редкие жители, хоть и кивали вежливо в ответ на приветствия, были заняты своими делами и не высыпали по-детски любопытной оравой навстречу людям, прилетевшим на боевых драконах. Только когда Эрвин зашёл в центральное здание и нашёл старшего, охранители смогли расспросить о том, что их интересовало.

Но и здесь ответы были теми же самыми — не видели, не знаем, никто не пропал. Старший поселения предложил позвать и расспросить кого-нибудь ещё. Арта, которая отказалась входить в центральный дом поселения и осталась у входа, тихо рыча, чуть припав к земле, с беспокойством водила головой по сторонам. По её виду казалось, что она тревожится, но причина неясна.

На зов старшего отозвалось человек пять-шесть. Они собрались на заросшей зелёнью тропке между домами и спокойно ждали охранителей. Джолли начал рассказывать об агрессивном Звере, что жестоко расправляется с разумными, но собравшиеся лишь пожимали плечами — не знаем, не встречали.

Андре, что с задумчивым видом слушал ответы местных, заметил позади всех кого-то и обрадованно приподнял в приветствии руку. Но мужчина в ответ лишь вежливо поклонился, будто незнакомцу, и даже его улыбка была какой-то вынужденной. Андре нахмурился и, кажется, обиделся, и уже хотел подойти, но отвлекся на Арту, которая, рыча, жалась к ногам Эрвина и мешала ему разговаривать с поселенцами. Пришлось оттягивать зверя от наварха и удерживать на расстоянии. И когда он снова поднял голову, знакомого лица уже не увидел.

Маленький отряд распрощался с поселенцами, и Андре по пути к дракону растерянно проговорил:

— Не понимаю... Аллор всегда так радовался нашим встречам, а сегодня... Будто и незнакомы.

— А кто он, Андре? — спросил Эрвин, пытаясь усмирить взъерошенную Арту.

— А ты разве не помнишь? Это младший брат Киакирра.

Киакирр был общей болью охранителей. Он погиб, защищая боевых драконов. Те

немногие животные, что остались живы, обязаны этим Киакирру, который заплатил своей за их жизни.

В те далёкие годы, когда охранители были многочисленны, жили отдельным поселением вблизи Центра, Дукс с помощниками прибыл к ним на базу, собрал всех и эмоционально рассказывал о том, что служба охраны упразднена, что все должны вернуться в свои стейты, к оставленным делам и науке, что охранители в Лесу больше не нужны, кормить, обеспечивать и прочее нас не будут и что все вооружение изымается.

Парни, многие годы служившие в охране Леса, стали шуметь, кричать вразнобой, ругаться. Кто-то громко утверждал, что его не ждут в стейте, из которого давно ушёл, кто-то — что уже забыл, каким направлением науки занимался, кто-то требовал средства на то, чтобы начать новую жизнь.

Вдруг раздался крик:

— Братва, на помощь! Драконов убивают!

Драконы, которые были не в загоне, лежали без движения на траве полян и улочек. Кто-то из парней бросились к своим животным, кто-то бежал на повторный крик.

Это кричал Киакирр. В загороженном лёгком павильоне, где держали отдельно от других больных, слабых и раненых животных, слышались звуки борьбы и ругань. Но помощь подоспела слишком поздно — драконы сбились в кучу в дальнем углу. Они были живы, а Киакирр уже обвис бездыханный: двое из помощников Дукса держали его, чтобы он не мог вырваться, закрутив назад обе руки, а третий уже пустил в ход духовную трубку и отравленная стрела, рассчитанная на крупное животное, дрожа оперением, торчала из шеи парня.

Дукс сзади завизжал:

— Не смей трогать моих помощников! Вы окружены! Кто сопротивляется, получит дозу яда из духового ружья! Вы клялись своей силой, вспомните! Мне клялись! Мне лично! И если сделаете ещё хоть один шаг, я обращу вашу силу против вас!

И только это и спасло его помощников: пока кто-то из охранителей оглядывался на орущего главу форума, чужаки нырнули за тела драконов и шмыгнули в открытое отверстие для корма. А бывшие уже воины остались с десятком живых драконов, бездыханным телом Киакирра и чувством яростной беспомощности...

* * *

— Конечно, мы помним Киакирра, — проронил Матвей, склоняя голову. Его дракон как раз и был среди уцелевших. — Но вот его брата... Что-то не припомню.

— Андре, откуда ты его знаешь? — уточнил Эрвин, останавливаясь у своей гондолы и берясь за бортик, чтобы забраться внутрь.

— Мы и не общались с ним никогда, а как-то в засаду цукканов попали, — с невесёлой улыбкой сказал Андре. — И договорились: кто останется жив, передаст памятные вещи родным. Или в стейт. Тогда отбились, а вот когда с драконами... — Он грустно покачал головой. — А вот тогда пришлось. Мальчишка так плакал, что его брат погиб! Их мать была единственной женщиной в поселении, у которой было двое детей, и оба — сыновья. Она и не мечтала о таком подарке плодородного Леса. — Андре вздохнул. — Только вот Дукс забрал половину подарка. Брат был сильно младше Киакирра, очень горевал о нем, и их мать попросила приезжать хоть иногда.

Бывшие охранители стояли у своих гондол, вспоминали прошлое и слушали товарища.

— И я навещал. Мальчишка вот вырос, живет в поселении другого стейта, — Андре бросил взгляд за спину, — и как будто забыл, как мы с ним ходили в Лес, как охотились, как я потихоньку ото всех поднимался с ним под облака. — Он опять недоумённо пожал плечами. — Странно.

Охранители молча забрались каждый в свою гондолу и полетели в другое поселение.

Там их встретили. Только встреча получилась так себе.

Они уже вошли на улочки, поросшие травой, и двигались к центру, когда несколько мужчин молча заступили им дорогу. Выглядели те недружелюбно: взгляд исподлобья,

хмурые, разговор сводился к тому, чтобы выпроводить гостей. А когда Джолли, весело болтая о том, что они просто прилетели поинтересоваться как жизнь, со свойственной ему живостью похлопал одного по плечу, тот развернулся и со всего маху ударил бывшего охранителя в лицо.

Удар был так себе, не очень, а Джолли, никогда не оставлявший тренировок, конечно, ответил, и сильно. И завязалась драка. Да ещё и Арта будто взбесилась: забиралась на деревья, на стены или крыши домов и прыгала оттуда, повисая на людях, раздирая им в кровь тела.

Эрвин выбрался из драки, крикнул: «Хлопок!» — и грохнул хлопунью. Она, вообще-то, была из запрещенного арсенала, но от скуки чем только не займётся в своей одинокой лаборатории? Грохот оглушал и на короткое мгновение дезориентировал неподготовленных, чем предупрежденные и потому подготовленные бывшие охранители и воспользовались. Быстро разбросав местных, они связали и стащили их в дома и заперли, заблокировав все окна и двери.

Матвей, отерев со лба пот, сказал:

— Они будто что-о защищали. И знаете, что самое удивительное?

— Что?

— В этом поселение тоже нет женщин.

— И детей, — кивнул Андре. — Ни одного. Я думал, мне просто показалось, мало ли, может в походе где-то или в школе. Но женщины?

Эрвин, проверявший крепость дверей, подошел и остановился рядом, отирая руки сочным листом от пороха хлопуньи.

— Ни женщин, ни детей... — протянул задумчиво. — Арта сходит с ума точно так, или даже хуже, как рядом с межзвёздной машиной. Может это быть связано со Зверем?!

Охранители собрались в плотный кружок и с тревогой смотрели друг на друга.

— И Аллор, не узнавший меня. Хребтиной чую — как-то связано с ним, — добавил Андре.

— Если Зверь был здесь, а на это указывает Арта, то почему не уничтожил всех? Мог ли он увести за собой детей и женщин живыми? — спросил Джолли, глядя на всех по очереди.

— Я бы не дал увести жену, — возразил Матвей. И в словах, и в тоне слышалась уверенность — он и в самом деле не дал бы.

Но...

— А в каком случае дал бы? — спросил Эрвин задумчиво.

— Разве что был бы не в себе, — твёрдо ответил Матвей.

Пробормотал Эрвин:

— Не в себе... — встретился глазами с Андре. — Может, и Аллор был не в себе, если не признал тебя?

Самый высокий из охранителей сумрачно оглядел товарищей и нехотя пожал плечами.

— Надо искать следы Зверя здесь, — после паузы решил Эрвин. — Расходимся. Кто встречает местных — вязать и закрывать в помещениях. Кто что-то найдёт — рвите хлопунью, — и раздал каждому по небольшому плоду, показав, как дергать за плодоножку, чтобы взорвалось.

Хлопунья грохнула нескоро, и все, бросив свои секторы, поспешили на звук — к центральному зданию поселения. Бледный, как и возле межзвездной машины, Джолли стоял в дверном проёме и с трудом дышал.

— Что-то нашел? — почти одновременно крикнули Эрвин и Матвей, подбегая с разных сторон.

Джолли только судорожно кивнул и повернулся, чтобы идти внутрь, но Арта, которая и так всё время следовала за хозяином, не прекращая утробно рычать и дыбить шерсть, взвыла и вцепилась в ногу Эрвину, обхватив её всеми четырьмя лапами.

— Да, котёнок, — с трудом проговорил Джолли, обернувшись на звук, бледно-зелёный под своим загаром, — ты абсолютно права. Но это нужно увидеть.

Товарищи, повернувшие головы к говорившему, переглянулись, ощущая, как мороз позёмкой заструился по спине, и руки сами потянулись за оружием.

Эрвину пришлось связать кошку ловчей сетью — она напрочь отказывалась отпускать его — и оставить на улице. В груди прыгало сердце, и он помчался вслед за всеми, уже спустившимися в корни главного здания поселения. И едва не натолкнулся на спины своих ребят, застывших в проходе в небольшой подземный зал.

Раздвинув плечи Матвея и Андре, он замер.

В середине помещения высокой кучей были навалены тела женщин, кое-где виднелись и детские. Все они поблёскивали в слабом свете светлячков Джолли и Матвея так, будто были покрыты прозрачной влажной плёнкой. В помещении стоял душный запах чего-то неприятного, кисло-пряного.

— Они полужидкие, — громко сглатывая, сказал Джолли. Его светлячок заметно дрожал.

Откашлявшись, Эрвин уточнил:

— Как это?

— Как яйца подземного червя рокс.

Теперь громко сглотнули все — кто в детстве не раскапывал в почве ходы и не рассматривал яйца этого червя? Они были удивительные — упругая наружная плёнка не лопалась, если нажать на неё пальцем, и только если продырявить, что, конечно же, запрещалось, чем-то острым, изнутри вытекала густая прозрачная жидкость, которая колыхалась, словно желе.

— Зверь внедрил в них свои личинки? — предположил Эрвин, борясь с дурнотой.

— Почему они так... сложены? — почти перебив его, глухо спросил Матвей. — Будто под ними что-то большое.

Андре и Эрвин глянули на Матвея с интересом, а Джолли не выдержал и побежал на воздух.

— Почему их мужчины позволили такое сделать? — глянул в ответ посветлевшими от ярости глазами самый старый воин отряда.

Эрвин вздохнул, поперхнулся неприятным запахом и, откашлявшись, предложил:

— Давайте попробуем посмотреть, что под телами.

Это была чудовищная работа — перетаскивать мертвых, в которых переливалось что-то вязкое и жидкое, перекладывать их осторожно, бережно, чтобы не лопнула оболочка, и видеть спокойное выражение застывших, влажно поблескивающих лиц. Вскоре вернулся Джолли и, завязав нос и рот полоской ткани, стал помогать товарищам.

Из-под второго слоя тел показалось белое, похожее на огромный гриб юмба, яйцо.

Большое — в нём легко поместился бы годовалый человеческий ребенок. Но это всё-таки было яйцо, в котором находилось дитя Зверя.

— Теперь понятно, почему он ел так много поначалу. — хмуро проговорил Эрвин, глядя на округлую белую вершину, окруженную блестящими трупами. — Готовился. А теперь пришло время размножаться.

— А женщины и дети — более деликатная еда, — тихо проговорил Джолли.

— Вытаскиваем его оттуда! — приказал Эрвин.

Глава 24. Эрвин. Дукс

— И что потом будем с ним делать? — Андре кивнул на яйцо, которое так уютно выглядывало из-под мёртвых, но мягких тел, что стало страшно.

— Оттащить его к Дуксу? — предположил Матвей.

Правда, в его голосе сквозило такое же сомнение, как и в мыслях любого из охранителей. Каждый понимал, что если родитель этого большого белобокого погубил столько разумных, то что можно ожидать от маленькой голодной «птички» из этого яйца?

— Нет, Дуксу его везти не будем, — категорично и очень твёрдо заявил Джолли. — Он был на редкость серьёзен и суров. — Представьте, что случится, если два монстра: вот этот, — он кивнул на яйцо, — и Дукс встретятся. Жалко Лес и его обитателей.

Наверное, скажи он эти слова с улыбкой, все посмеялись бы шутке, хоть ничего смешного и не было сказано, но только Джолли глянул в самую суть, туда, куда остальные старались не смотреть, и не улыбался, отрезая возможность перевести всё в шутку.

— И что ты предлагаешь? — Эрвин забросил в рот маленький комоч сушеной травы из сухпая, пытаясь перебить неприятные ощущения на языке, рождавшиеся от неприятных запахов.

Товарищ подумал, скривился в сомнении и изрёк:

— Корни здания — хорошее место. Выбраться отсюда можно только через центральный ствол, окон нет, других дверей тоже. То есть если Зверька запереть здесь, без помощи он не выберется. Мы же не знаем, насколько долгий период вегетации у таких... — Джолли хотел сказать «зверей», но сделал паузу и исправился, — существ. Может, проклюнется к закату, а может, через несколько оборотов...

— Скорее всего, не сегодня, — предположил Андре, кивнув на горы разложившихся изнутри трупов, — родитель таким странным образом не заготавливал бы ему еду да ещё и в таком количестве. Скорее всего, что маленький Зверь прожорлив, но что попало ему не подойдёт. Поэтому и вот эти... заготовки на будущее.

Джолли с интересом выслушал и, глянув на каждого и не увидев желания высказаться, продолжил:

— Тогда такая идея, — чуть оживился. — Вытаскиваем несчастных отсюда, предаем их Лесу, а парня, — кивок в сторону яйца, — оставляем тут одного. Вылупится — сдохнет без еды, а если всё же выживет — все равно будет обессиленный, без еды-то, поэтому неопасный. А мы пока разберемся с его родителем: найдем, решим, что с ним делать, куда девать, а потом и с этим будем определяться.

— Думаю, Дукс захочет и его тоже к рукам прибрать... — задумчиво проговорил Эрвин, рассматривая белую округлую верхушку яйца, будто подсвеченную изнутри.

Все переглянулись, и Джолли высказал общую мысль:

— А давайте не скажем Дуксу, что мы нашли яйцо?

Эрвин с сомнением уставился на товарища: на уровне рефлексов у него была установка докладывать наверх обо всех событиях. Таков порядок, таков долг охранителя, такова привычка. Но с другой стороны, он недавно нарушил этот порядок — не отправился сам на доклад, узнав о разумности и иномирности Зверя, а отправил птичку. И ничего не произошло: мир не перевернулся, Лес не рухнул, небо не упало на его кроны. Почему же не сделать подобное ещё раз? Тем более что про монстров Джолли не ошибался, а способ

обезвредить возможную опасность, запечатав её в корнях здания, выглядел вполне рабочим.

Эрвин глянул на небо. Это было непривычно — длинный день, не то что на северной части материка, где он так долго жил. Но даже этот длинный южный день уже заканчивался, и светило давно клонилось к закату. И им, охранителям, было бы неплохо заняться своим прямым делом: защитой людей Леса от угрозы, исходящей от Зверя и его потомства. Время сейчас дороже всего, и потому Эрвин кивнул — Дукс потерпит без новой важной информации о яйце Зверя.

Это новое чувство от обдуманного нарушения приказов, которое даже в пьяном бреду было совершить очень непросто, показалось очень интересным и требовало вдумчивого рассмотрения. Жаль, не было ни времени, ни возможности — охранители принялись за дело: стали переносить погибших женщин и детей к лестнице, а затем по цепочке передавать их наверх.

Это было самым тяжёлым испытанием. Прикосновение к ледяной коже мертвого человека было неприятным, но оттого, что холодная мертвая плоть подавалась, проминалась под рукой, будто живая, было ещё хуже, а волосы на теле вставали дыбом; кислотнотворный запах выедал глаза, а лоснящиеся лица погибших будто провожали взглядами тех, кто вытаскивал их под своды родного Леса, чтобы предать корням.

Подняв всех на поверхность, товарищи постояли над скорбным рядом женских и детских поблескивавших мокрым тел — у некоторых были неестественно выгнуты мягкие конечности или шеи, — и снова взялись за неприятный до тошноты и ужасный по своей сути труд.

Эрвин как самый сильный просил Лес принять дар, когда погибших укладывали в траву под кусты, и к закату всё было закончено. В ближайшем доме охранители нашли бак с бактериями-очистителями и, сбросив туда всю одежду, пошли в душ, чтобы попробовать отмыть запах и впечатления.

— Интересно, — задумчиво проговорил Джолли, необычно молчаливый, — а если бы заставить этих руудов, запертых в домах, самих переносить их женщин и детей под корни деревьев? Что бы они сказали?

— Морду они бы тебе набили, Джолли, — твёрдо ответил Матвей, дергая за брызговик водяного зверя, который, подпитавшись щедро отданной Эрвином силой, поливал всех теплой водой и похрюкивал от удовольствия. — Не может мужчина отдать самое ценное — жену и ребёнка — какой-то зверюге просто так. И если не боролись, не дрались, значит, Зверь их зачаровал. Силой своей или ещё чем — не знаю. Но в здравом уме они бы не допустили этого. А здешние люди защищали не свои семьи, а его, Зверя. И что он с ними сделал?..

Матвей шагнул из-под потока воды и, покопавшись, вытащил из бака очистки свою одежду. Поднёс к носу, недовольно сморщился — запах стал меньше, но все равно чувствовался — и принялся одеваться. За ним потянулись и остальные.

Дукс

Прооравшись, что его отвлекают, Дукс всё же соизволил прочитать полученную от Эрвина почту, скривившись от вида бледного Полита.

Прочитав, скривился ещё больше. Перечитал, смял бумажку и, побагровев, снова разорался:

— Что за бред? Они перегрелись на южном солнце?! Какое это не наше происхождение? Какая разумность?! — и бросил листок под ноги.

Метнулся к лаборатории, вскочил внутрь, выбежал обратно в общий зал форума, вращая гневно глазами, сделал круг по помещению, нервно дергая лицом и бормоча: «Бред, ну бред же!». Потом остановился, уставился в пространство, прищурился. «Ну если только предположить, только на одно маленькое мгновение допустить...» — пробормотал и заозирался, ища на полу смятую бумажку. Схватил жадным движением, расправил, пробежал глазами раз, другой. Снова сощурился и вытянул вперед губы.

— В Лесу, на расстоянии нескольких градусов смещения Солнца над уровнем горизонта, найден механизм, предположительно произведённый не в Лесу и указывающий на иномирное происхождение Зверя. — Губы читающего главы форума снова с сомнением вытянулись вперёд. — Внутри механизма обнаружены следы целенаправленной деятельности Зверя. Следов присутствия людей или других разумных нет. Зверь несомненно разумен.

Дукс снова ничего не видел вокруг себя и метался по общему залу форума, сбивая сиденья, натываясь на столы, и всё бормотал: «Разумен? Не может быть, не может быть!» Наткнувшись уже на стену, замер, погруженный в свои мысли, не замечая, что стоит, едва не касаясь вертикальной поверхности носом.

Рывком развернулся и заорал:

— Доставить мне его живьём!

— Кого, уважаемый глава глав? — с поклоном проговорил Полит, становясь чуть боком, чтобы сподручней было уворачиваться.

— Зверя! — гаркнул Дукс, снова погружаясь в поток своих мыслей и не глядя отдавая распоряжения: — Снорре, приготовить вольер, укрыть его от посторонних глаз! Свер! Проверь готовность инструментов, посуды, оборудования, приведи всех лабораторных и бытовых животных в чувство. Приступить незамедлительно! Зэодан, идёшь со мной, займемся планом опытов.

— Уважаемый Дукс, — пробормотал Полит, едва не плача. — Вы хотите проводить опыты над Зверем? Который погубил не один десяток людей?

— Да! — рявкнул сморщенный старик.

— И вы будете проводить эксперименты над разумным?

— Именно! Ведь он убивал наших людей! — до рези патетически и столь же фальшиво провозгласил Дукс, и предвкушающе улыбнулся. Повернулся к Политу и хищно оскалился: — А ты решил мне возражать, что ли?

Полит проглотил комок в горле, побледнел, облизнул губы, но промолчал. А Дукс проорал:

— Не твоё дело, слышишь? Твоё дело — бумажки перебирать! Как ты смеешь что-то мне перечить? Я глава форума, ясно? И я принимаю решения, кто что будет делать и является ли законным. Потому что закон здесь — я! — И обведя всех взглядом полководца, гаркнул: — Исполнять!

Войдя в лабораторию, он полностью погрузился в уютный туман научного исследования, размышляя, что исследовать сначала: систему воспроизведения или систему пищеварения? И как применить новые знания для своих целей.

Дукс совершенно забыл, что еще до полудня горевал о слабом состоянии своей младшей жены, которая лежала уже у него в доме. Она была бледна и очень слаба, говорила медленно и даже моргала с трудом. А ведь она была самой молодой и перспективной для его опытов по улучшению репродукции. Как же жаль... Он так рассчитывал при её содействии

произвести на свет гения, если не такого же, как он сам, то хотя что-то близкое. Было бы неплохо, если бы его жена была столь же развита в умственном плане и в плане силы. Но может, откроется что-то новое с этим Зверем?

Он был счастлив, открывая новые перспективы, диктуя план опытов Зэодану, но его опять оторвали от этого важного и интересного занятия. В дверь лаборатории заглянул секретарь и, словив взгляд помощника, робко попросил выйти.

Глядя снизу вверх на здоровенного Зэодана, Полит, дрожа и с трудом выговаривая слова, попросил:

— Уважаемый! Пропала девушка, надо передать главе форума.

— Какая ещё девушка?!

— Идона. Это дочь главы стейта Мариджна.

— С чего ты взял, что она пропала? — уточнил помощник Дукса, заглядывая на своего шефа через открытый проем. — Может, она просто глупая, любопытная ящерица?

— Она обычно отирается возле вашей лаборатории, а сейчас её нет, — кусая губы, тихо бормотал Полит. — У неё был запрет выходить из форума. Но она уже дважды пропустила еду, чего раньше не было. И я поднялся проверить её комнату, там пусто. И она, видимо, со вчерашнего дня туда не заходила.

Зэодан, помня о том, что его шеф выделял эту особу, решился побеспокоить погруженного в себя Дукса и сообщить о пропаже. Тем более что подобные исчезновения в столице становились не таким уж редким явлением.

— Уважаемый, — тихо обратился к шефу помощник, — какие планы у вас были на ту девушку, Идону, дочь Мариджна?

Дукс встрепенулся и хмуро уставился на помощника.

— Что случилось? — спросил раздражённо.

— Она пропала. Ещё вчера. Стоит ли её разыскивать или оставим всё как есть?

Когда шеф форума обещал Эрвину Идону в качестве награды, он говорил серьёзно, но сейчас, по прошествии времени считал, что охранители вполне могут поработать и без всякой оплаты. Разве жизнь, которая у них есть — не его подарок каждому? Однако, его встревожило другое: Дукс вдруг вспомнил, что Эрвин когда-то ухаживал за его младшей женой, и после неудачных родов заходил к ней, разговаривал. Страх, что он затребует его жену, которую ещё можно поставить на ноги, был нелогичен, но встряхнул всё существо шефа форума и тот засуетился и крикнул:

— Немедленно соберите жителей Центра! Отправьте на поиски девушки! Если она выходила за стены города... — в лабораторию, привлечённый громким голосом заглянул Полит, и Дукс, увидев его лицо, ткнул в него пальцем, — вы ответите головой!

— Да при чем тут я?! — вскрикнул словно раненое животное Полит.

Он хорошо понимал, что под настроение подобные слова вовсе не бравада, не пустая угроза. И если Дукс опять разозлится, всем будет жарко, и можно в самом деле лишиться головы.

— Я сказал — выполнять! — заверещал Дукс.

Глава 25. Эрвин

На обратном пути к яйцу охранителей застала птичка с посланием. Эрвин подставил ладонь под тонкие птичьи лапки, когтями крепко вцепившимися в загрубевшую кожу ладони, осторожно вынул капсулку с посланием и развернул. Он не заметил, как переглянулись друзья, отмечая силу, вложенную в птичку, отправленную не на почтовую башню, а наобум — так мог только Дукс. Да ещё их наварх, хотя не считал, что его сила большая, чем у Дукса, и что это повод к разговорам или это к чему-то обязывает. Потому и не любил, когда их сравнивали — его и Дукса, и разговоры об этом резко пресекал.

— Что там? — спросил Матвей, улавливая напряжение, мелькнувшее в лице наварха при чтении.

Сминая бумажку в ладони, Эрвин скривился:

— В Центре пропадают люди.

— А подробнее? — Андре спросил тихо, но шум Леса, чириканье и перекличка птиц не смогли заглушить его вопроса.

Эрвин сглотнул, осмотрелся и глянул на товарища:

— Выходят за ворота, когда незаметно, а когда и не скрываясь уходят в Лес вблизи Центра и не возвращаются.

— Зверь? — спросил после короткой паузы Андре.

Наварх молча кивнул и вздохнул:

— Думаю, что он.

Все словно по команде обернулись к двери главного здания поселения, где стояло в корнях яйцо неизвестного существа, питавшегося разумными. Так же молча все двинулись внутрь, чтобы заблокировать все выходы новому чудовищу и не дать ему возможности навредить жителям Леса.

— И что дальше делать будем? — нахмурился Андре, когда все вышли наружу.

— Защищать будем. Лес и людей, — уверенно сказал Эрвин.

— И как? — хмуро уточнил Матвей. Он думал о том, что дитя Зверя может и не быть таким чудовищем, как родительская особь. И что дети — это почти святыня. Но это у них, людей. А как у Зверей со звёзд? Перед глазами встало лицо мальчишки, так похожего на его сына, когда тот был маленьким. Вот только его сын вырос, а этот — ушел к корням, запрокинув удивленное блестящее лицо на мягкой неестественно гнущейся шее и уже никогда не вырастет.

Уверенный тон Эрвина был сейчас очень кстати:

— Найдём и обезвредим того, кто больше всего вредит людям и Лесу.

— Дукса, что ли? — надсадно пошутил Джолли, и никто не улыбнулся.

— Мы пойдём воевать Зверя, други мои.

План был прост и сложен одновременно.

Он складывался, когда искали по поселению следы, складывался, когда податливые обмякшие и холодные тела перетаскивали под деревья, и наконец-то полностью сложился, когда прилетела почта из Центра.

До сих пор не было достоверно известно, почему мужчины не только не защитили своих женщин и детей, но и, судя по всему, помогали Зверю: или перетаскивали уже мертвые тела, или привели в корни своих близких. До сих пор было непонятно, как могло получиться, что

Зверь на глазах мужчин убивал их самых дорогих людей. И они не только не сопротивлялись этому (ну нет ни единого следа!), но даже защищали от своих же, от охранителей, то самое яйцо — будущего детёныша того, кто может с голоду и их самих съест.

Почему они стали послушны воле Зверя, но не потеряли же они разум совсем? Ведь они вполне осознанно разговаривали с прилетевшими на драконах, отвечали на вопросы, даже пытались шутить! Неужели они не понимали, что настанет и их очередь пойти на корм? Не могли не понимать... Но, тем не менее, не сопротивлялись.

— Думаю, Зверя нужно искать где-то рядом с Центром, — проговорил Эрвин. — С воздуха присмотреть укромные места, где он может прятаться, разузнать в форуме все новости и, возможно, подробности, вычислить место и ложиться в засаду.

— Плохо то, что мы не знаем, как часто пропадали люди. Если Зверь как-то действует на них, то могли ли они вернуться в город и там выполнять его команды, как эти? — Матвей мотнул головой в сторону одного из тех домов, в которых закрыли местных жителей охранители, и откуда уже который час доносились приглушенные удары.

— И почему это важно? — в слабой улыбке показал зубы Джолли.

— Можно предположить, что были те, кто уже побывал за стенами поселения и потом отводил людей в Лес, к Зверю.

— Ты ещё скажи, что этот человек собирал группы и выводил их на экскурсии за стены Центра! — насмешливо сказал Джолли, а потом замер, так и не закрыв рот. Глаза его становились всё круглее. Примерно так же выглядели все остальные, переводя ошарашенные взгляды друг на друга — каждому вспомнилось, как Зэодан молчаливо проводил группу из шефов стейтов форума к воротам города, чтобы показать, как продвинулась наука в столице.

— Зэодан? Подручный Дукса? — пробормотал удивленно Эрвин, ни к кому конкретно не обращаясь. — То есть этот громила покорен Зверю? Может, и сам Дукс?

Он вскинул взгляд на товарищей и пристально всмотрелся в каждого, будто пытался увидеть не находится кто-то из них во власти Зверя.

— Думаю, ты прав, Джолли, — проговорил Андре, потирая затылок. — Но есть и сомнения: почему только он не сместил сразу Дукса?

— Это как раз понятно, — ответил Эрвин, сплюнув травинку, превратившуюся в зелёную кашу. — Дукс — зло известное и предсказуемое, а новый человек, разбираясь в том бедламе, что творится в форуме сейчас, легко нашел бы концы, спрятанные в воду. Поэтому могу поклясться последним цукканом, Зэодан, если он в самом деле во власти Зверя, уберёт самых сильных претендентов на место главы форума, и затем уже обезглавит обескровленный совет шефов стейтов. Это поистине мудро, разве нет? А значит, Зверь не просто разумен, он стратег, и неплохой — так быстро разобраться в устройстве незнакомого общества.

— И что же ты предлагаешь делать? — товарищи казались растерянными, когда глядели на своего наварха.

— Думаю, у нас особенно нет вариантов. Возможно, прямо сейчас кто-то ещё погиб. И не один. Нужно брать Зверя на живца. Поэтому мы слетаем в Центр, изучим обстановку, проследим за Зэоданом и затем разделимся.

— Эрвин?.. — непонимание и недоверие нарисовались на лице Матвея так отчётливо, что даже серьёзный в эту минуту наварх смягчился и улыбнулся.

— Я понимаю, Матвей. По одному он переловит нас, как слепых детенышей. Ты об этом? — Товарищ кивнул, продолжая хмуриться. — Поэтому кто-то один пойдет пешком,

остальные полетят — кто-то следом, кто-то по кругу, выслеживая Зверя, — и будут присматривать сверху. И того, кто пойдет, мы вооружим железным мечом.

Товарищи кивнули, соглашаясь, но каждый молча выразил свои сомнения: Джолли недоверчиво качнул головой и улыбнулся, Матвей хмыкнул, опуская голову, а Андре хлопнул наварха по плечу. А потом вздохнул и полез в поясную сумку.

— Думаю, это будет лучше меча, — сказал и протянул Эрвину металлический предмет, того же черного цвета, как и машина, что прилетела из-за звезд и принесла с собой Зверя.

— Что это? — Эрвин принял предмет, который заметно оттянул руку. — Тяжёлое, — заметил с удивлением.

— Не знаю. Думаю, оружие. Уж очень оно похоже на наш бехар, что плюётся ядом, только морда короткая и глазок горит зелёным.

— Но... как им пользоваться? — спросил Эрвин, осторожно вертя предмет в руках.

— Не знаю, — пожал плечами Андре. — Но, мне кажется, спроси мы об этом у машины, в которой я его нашёл, всё равно ничего не поняли из её слов.

Ладонь наварха крепко обняла рукоять. Казалось, что её изгибы были созданы именно для его руки — настолько четко она повторяла рельеф его ладони. Губы Эрвина растянулись в улыбке удовольствия — никогда он ещё не испытывал такого глубокого единения с оружием.

— А отойдите-ка, парни, — непривычным, каким-то шалым тоном, приказал-попросил он, не отводя взгляда от оружия. Товарищи переглянулись и сделали шаг-другой за спину наварху, открывая простор. В каком-то десятке шагов шумели на ветру огромные деревья Влажного Леса, увитые ползучими лианами с темно-зелёными, будто лакированными листьями, в кронах которых скакали, перелетали и кричали тысячи птиц.

Палец Эрвина прикоснулся к едва заметной кнопке рядом с зелёным глазком, и из которого носа металлической штуковины вырвался ослепительный белый луч, вырвался и пропал — от неожиданности мужчина дернул пальцем, и тот соскочил с податливого кружка. И к лучшему. Потому что на стволе ближайшего дерева появился угольно-черный след, а толстая стволу лианы, обнажившейся под вмиг почерневшими листьями, оказалась прожжена наполовину, и теперь уродливыми обгорелыми обрубками будто тянулась друг к другу, но никак не могла дотянуться. За спиной Эрвина послышался слаженный выдох — это его ребята выразили своё недоумение и восхищение.

А сам наварх дернул кадыком и сдержал порыв отбросить от себя страшную вещь, которая обладала невиданной доселе, невероятной, пугающей мощью. Медленно выпустил воздух сквозь стиснутые зубы, и так же медленно повернулся к своим товарищам.

Матвей едва заметно кивал, Андре сделал рукой знак — ого-го-го! Джолли, как всегда, широко улыбался и сверкал глазами. Он и высказался за всех:

— Кажется, металлический меч нам не понадобится.

Эрвин старался идти спокойно и неторопливо, смотреть по сторонам, но при этом не вертеть головой и держать в поле зрения всё вокруг. Немного мешала Арта. Она дурачилась — мурчала на весь Лес и терлась о его ноги прямо на ходу, тыкалась башкой в колени или вовсе, вставая на задние лапы, упиралась передними в грудь человеку. Он отталкивал её, не успевая поразмышлять о причинах такого поведения, и продолжал идти вперёд.

Странное поведение зверя, ласково, но настойчиво мешавшего ему идти вперед, отвлекало от тревожного чувства разлитой вокруг опасности, не давало схватиться за лук или вовсе за новое оружие. Но сама цель — не сильно-то скрытое логово Зверя поблизости от Центра — пугала и заставляла быть осторожным. Потому ноги сами пружинили, как перед прыжком, плечи сутулились и подтягивали руки к груди, приводя всё тело в боевую стойку, едва он отвлекался от Арты.

* * *

Посещение Центра дало неожиданный результат. Бывшие охранители без особого труда выяснили, что пропажи людей из столицы Леса стали явлением массовым. Пропадало куда больше, чем об этом знали в форуме — Полит, как и всегда, малодушно замалчивал тревожную информацию. Но едва услышал вопрос бывших охранителей, ввалившихся в здание форума, и увидел интерес в их глазах, в глазах тех, кто мог защитить, кто имел на это право и кто готов был выслушать, как стал рассказывать. Захлёбываясь и тревожно оглядываясь на вход в лабораторию Дукса, вываливал всё, что знал. А знал он немало...

Например, рассказал, что Зэодан и ещё несколько мужчин организовывали познавательные походы в Лес для взрослых и детей именно сейчас, когда за стенами столицы стало опасно, а в самом Центре тревожно. Тут же перескочил на то, сколько недосчитались людей, и что среди них очень много детей и женщин. А когда секретарь, мелко дрожа всем телом и дергая ртом, стал рассказывать о том, что большинство пропавших были именно из числа участников походов, раздался на странный звук.

Эрвин повернул голову — это Матвей выдохнул с тихим рыком и двинул головой, разминая шею как перед боем. Казалось, он расширился в плечах от гнева — то, что говорил секретарь форума, практически прямо указывало на связь Зэодана, его походов и последующих исчезновений, но тревожно хлопающий глазами и запинаящийся Полит этого не замечал, продолжая лепетать о том, как плакала одна из матерей, потерявшая ребенка, и как он боится сообщать о проблеме Дуксу, опасаясь его гнева.

Так же между делом Полит указал путь, которым пользовались помощники Зверя, водя «познавательные походы», отчего сложилось впечатление, что никто особо и не прятался. От этого Матвей вообще потемнел лицом, так, что Джолли даже предупреждающе ухватил его за предплечье и крепко сжал — не время и не место терять выдержку.

Полит, видимо, что-то понял, обвёл бывших охранителей испуганным взглядом и замолчал, вжимаясь спиной в стену, будто только сейчас осознав, что наговорил.

Больше его расспрашивать не пытались. К Дуксу с докладом решили не ходить — это сейчас было неважно, а вот времени, которое таким образом легко потеряют, было жаль

заранее. Поэтому, переглянувшись, вышли из здания форума, и в ближайшем тихом углу — под тремя невысокими деревьями, образовавшими зеленый шатер, — устроили совет, придумывая план по захвату чудовища. Здесь же, не откладывая, стали воплощать: распределили обязанности, договорились о сигналах и разошлись по гондолам, наметив направление, в котором будут искать лёжку Зверя.

* * *

И вот Эрвин уже на тропе, а рядом — рысь. Никто не думал о том, нужна ли она здесь или нет — она сама сделала выбор, выскочив из гондолы впереди хозяина и скрывшись в подлеске, не откликаясь на слова Джолли, высадившего наварха на безопасном расстоянии от логова. Да и сам Эрвин, чуть помедлив, махнул рукой — мол, пусть остаётся.

Зачем? Он бы и сам не мог сказать. Но почему-то рядом со знакомым зверем в ставшем опасным Лесу было чуточку спокойнее, хоть всё равно каждый волосок на теле стоял дыбом, а в крови бился громким пульсом адреналин.

Эрвин осторожно, едва не на цыпочках, шёл по лесной тропе среди высоких зеленых трав. Где-то над головой — он это точно знал — летели драконы, неся в гондолах товарищей, смотрящих одним глазом за ним (белую повязку на голове наварха хорошо видно в просветах крон), а другим выслеживающих Зверя, так беспардонно открывшего охоту на разумных жителей Леса.

Эрвин заметил легкое шевеление листвы в стороне от тропы, собрался весь, напряжился, как тетива лука перед выстрелом, повернулся и... утонул во взгляде огромных печальных глаз доброго существа, чувствуя огромное, необъятное и необъяснимое ощущение счастья и желание обнять весь мир, а особенно — то чудесное существо, что смотрело ему в душу. Руки расслабились, плечи опустились, даже лицо размягчилось от улыбки умиления. Обнять, запустить пальцы в мягкий короткий мех, прижаться к нему и мурлыкнуть, как...

Что-то острое вонзилось в ногу, и Эрвин, зашипев, дернулся, глянул вниз. Чуть позади стояла Арта, прикусив зубами его лодыжку, и утробно мурчала. Отпустив ногу человека, подняла морду и встретила взгляд хозяина. Рука Эрвина по привычке провела по голове пушистой подруги. И только увидев пульсирующие, расширенные зрачки питомицы, держа ладонь у неё на голове, понял, что рысь не мурчит, а утробно, почти неслышно рычит — предупреждает об опасности.

И он плавно поднял взгляд к существу, которое принял за чудо, вот только теперь был осторожен — старался не смотреть в глаза, так поразившие его печалью и добротой, так притягивавшие его взгляд снова. Так же плавно приподнял руку, чтобы стянуть с головы белую повязку, тем самым дать знак товарищам о том, что встреча произошла и пора принимать меры.

Боковым зрением Эрвин видел огромную глыбу почти в человеческий рост, серый короткий мех, такой пушистый и мягкий на вид, что, даже не глядя в глаза твари, хотелось её погладить. И неведомая опасность, что будоражила ему кровь, наконец обрела воплощение.

Взгляд скользнул вниз, на тонкие лапы существа. Шесть? Или восемь? Неважно. Главное, эти лапы-ноги-щупальца были сильными, мощными, раз держали такое огромное тело, будто слившееся с головой. На конце каждой лапы из-под нежного меха выглядывает

крепкий крупный коготь размером с его, Эрвина, ладонь. Он мгновенно оценил внушительность оружия Зверя, напоминавших клюв хищной птицы. Мысленно бывший охранитель усмехнулся: вот тебе и ответ на вопрос о пальцах — их просто нет! Нет, нет ни рук, ни пальцев, лишь множество ног, на каждой из которых по огромному хищному когтю.

А раз так, то... Таким орудием вполне можно разрывать жертву в клочья, даже не обладая ростом и силой подготовленного бойца. И если это создание разумно, то разум его совершенно чужд человеческому.

Арта, прижавшаяся боком к ноге человека, зарычала на тон выше, и Эрвин ощутил это как перемену вибрации с нежного мурчания на грозный рык. Глаз опытного охотника уловил изменения, мозг ещё анализировал — то ли Зверь немного повернул корпус, то ли двинул одной из лап, — а тело уже реагировало: зазвенели мышцы, готовясь дать бой, рука потянулась к поясу за чудо-оружием, подаренным ему Андре.

Но Зверь оказался быстрее — серые щупальца метнулись к человеку, уже уходящему с траектории поражения и вцепились в него. Эта хватка была бы смертельной, но бывший охранитель начал двигаться раньше, чем Зверь, и удар пришелся вскользь, лишь рана. Огромное серое существо, почувствовавшее угрозу в человеке, что отводил взгляд и не поддавался на его ментальный посыл, не отступило, снова молниеносно двинулось на Эрвина.

Эрвин не чувствовал боли, он нажимал на едва заметную выпуклость на матовом боку оружия, выпускал и выпускал белый смертоносный луч, но резкое движение серой конечности сбilo прицел, и луч лишь слегка опалил чудовищу бок. Плечо запекло и запульсировало только когда Эрвин оказался на земле, перекатом уходя от атаки.

Подвижность массивной туши нарушала все представления бывшего охранителя о возможностях живых организмов. И он не успевал реагировать на действия противника, с которым сошелся практически в рукопашной, но палец будто прирос к выпуклости на оружии и то и дело выпускал белый луч, то разящий огромное серое чудовище, то проходящий мимо. Зверь невероятно быстро уворачивался, при этом старался достать Эрвина когтем. Уже две его конечности повисли беспомощными опалёнными обрубками, Зверь свистел от боли так, что с деревьев сыпались листья, но частичного успеха он всё же добился — сбил человека с ног и одной из лап придавил его руку с оружием к земле, пошатываясь на оставшихся целыми лапах.

Бывший охранитель пытался вывернуться и выдернуть руку из-под веса огромного тела, и в тот же миг что-то темное, большое и тяжёлое пролетело рядом, задев Зверя, и упало чуть в стороне. Чудовище покачнулось, чуть ослабило хватку, и Эрвину удалось приподняться и выдернуть придавленную руку с оружием. Но опомнившийся Зверь навалился на него всей тушей, не давая возможности поднять оружие. Эрвин застонал, чувствуя, как огромная тяжесть придавливает его к земле, а острые камни впиваются в поясницу. Его стону вторил другой, женский. Бывший видел перед собой только огромный бок, покрытый нежным серым мехом с черными подпалинами. Охранитель повернул голову в одну, в другую сторону, пытаясь рассмотреть, кто там стонет поблизости.

— Беги отсюда, — прохрипел он, чувствуя, как прогибается грудина под весом навалившейся туши, мешая вдохнуть.

Тихие звуки Леса прорезал боевой клич лесного зверя из породы кошачьих, и почти сразу Эрвин почувствовал, как ему становится легче дышать, а ещё через пару мгновений он смог освободить руку. И не особенно раздумывая, бывший охранитель упёр оружие в

близкий серый бок отвлекшегося на вопль Зверя, нажал на выпуклость под зеленым глазком и держал палец жестко прижатым до тех пор, пока не почувствовал, как безвольно обмякло серое пушистое тело, снова придавливая его ноги.

Упершись в нависшее над ним обмякшее тело, Эрвин попытался отжать его, чтобы освободить ноги, но лишь понапрасну растратил силы и откинулся на траву, тяжело дыша. Ну ничего, его товарищи вот-вот придут на выручку! Надо подумать о чем-нибудь, кроме ног, которые всё больше и больше теряли чувствительность. Например... Что отвлекло Зверя? Почему у него, Эрвина, появился тот крошечный шанс, который его спас? Кто издал тот клич?

— Наварх! Я помогу! — неподалёку раздался знакомый голос Андре, и Эрвин облегчённо перевёл дыхание — товарищи всё-таки пришли ему на выручку.

Откуда-то из-за головы появилась крепкий длинный ствол давно поваленного дерева, поднырнул насколько смог под серый бок Зверя и чуть приподнял, давая Эрвину возможность освободиться.

Тот выдернул ноги из-под тяжёлой туши, откатился в сторону и несколько мгновений лежал, вслушиваясь в тело — всё ли цело? Нет ли повреждений? Придавленная Зверем рука тупо ныла, болела поясница, глубокая царапина на плече пульсировала болью, саднили ушибы — ничего страшного, неопасно. Он осторожно поднялся и огляделся.

Андре стоял рядом, но смотрел на поверженное чудовище. И во взгляде его была смесь недоверия и отвращения. А за деревьями слышались крики и движение, и Эрвин посмотрел в ту сторону, но наткнулся взглядом на то, что упало неподалёку. Это была та девушка, что приходила к нему в корни форума и обещала награду за службу. Она приподнялась в высокой траве, неловко усаживаясь и кривясь от боли.

Сейчас в ней трудно было узнать ту самодовольную, уверенную в себе девицу — слишком грязным было её лицо и одежда, слишком ошарашенными глаза, которые почти с тем же, что и у Андре, выражением смотрели на труп Зверя. Эрвин хмыкнул и сделал неуверенный шаг, чтобы обойти чудовище и рассмотреть его поближе, но заметил тело Арты. Она лежала рядом с серым боком неестественно вытянувшись, морда пряталась в траве, и у бывшего охранителя сжалось сердце — погибла!

Неужели это она отвлекла Зверя, дав ему, Эрвину, шанс спастись? В груди резануло, и он бросился к пушистому телу, желтевшему в траве.

— Арта! — опустился на колени рядом с кошкой человек. — Арта!

Животное лежало, не шевелясь. Эрвин присмотрелся и заметил, что бок чуть двигается — кошка дышала. Часто, поверхностно, но дышала!

Наполнившись надеждой, человек быстро и ловко примял высокую траву вокруг рысьего туловища и головы, затем принялся сноровисто ощупывать зверя, заглядывать в глаза и уши в попытке понять, что повреждено. Добравшись до кошачьей морды, заметил, что рысь чуть приоткрыла глаз и теперь смотрит на хозяина из-под белёсого третьего века. Усы дёрнулись, будто желтая кошка хотела мявкнуть, но звук не получился.

— Эрвин! Эрвин! — наварх дёрнулся и от этого неожиданного звука, и последовавшего за ним неожиданного прикосновения — кто-то сильно сдавил раненое плечо.

Он повернул голову, сдерживая стон. Рядом на коленях стояла Идона и смотрела ему в лицо.

— Эрвин, я была права! — тише, но всё так же горячо проговорила девушка, крепче сжимая его руку. Ищущим взглядом она ощупывала его лицо и быстро-быстро шептала: —

Ты достоин большего! Я неправа! Ты силен, ты очень силен. Тебе надо стать главой форума! А я буду тебе помогать. Я приложу все силы... я буду с тобой, всегда рядом! Я поддержу тебя, я за тебя... я...

— Откуда ты только взялась? — недовольно пробурчал Эрвин, с трудом отрывая её пальцы от своей руки и снова склоняясь над Артой.

Девушка поспешно рассказывала что-то о том, как проснулась в норе, как помощник Дукса таскал её за волосы следом за собой, а потом, закинув веревку на ветку ближайшего дерева, прыгнул с ней под мышкой в сторону сражающегося Зверя. "Я ему говорила! Говорила! — с ноткой истерики в голосе кричала рядом Идона, размахивая руками. — Не так на лианах перепрыгивают! А он не слушал. Вот и уронил меня, цукканова отрыжка!" И демонстрировала наливающиеся красным ушибы, на которые Эрвин не смотрел — в мыслях была тысяча предположений, как определить внутренние повреждения у Арты, что делать, если они есть, и кто может помочь его любимице.

Рука Эрвина замерла на пушистом мехе загривка, а ладонь другой моментально вскинулась перед лицом Идоны, заставляя её замолчать — ему нужна была тишина. В негромкой переключке товарищей, шуме высоких лесных деревьев он без труда понял, что ему не показалось — под рукой отчетливо чувствовалось урчание. Большая желтая кошка урчала.

— Ах ты же зараза! — с облегчением выдохнул Эрвин, наконец, отдавая себе отчет, что с его пальцев по капле сочится сила, впитывается в израненное тело животного, облегчая боль, заживляя раны и принося успокоение. А Арта мурчит, чувствуя это и благодаря хозяина. Потрепав рысь по морде, Эрвин улыбнулся и почувствовал горячий шершавый язык на своих пальцах. Растроганно повторил: — Ах ты же зараза! — И поднялся.

Идона, оставшаяся сидеть, смотрела на него снизу-вверх и всё говорила и говорила. Теперь не истерично, а убежденно и убедительно:

— Ты должен возглавить форум! Ведь это ты убил это чудовище, — она кивнула в сторону близкого серого тела, возвышавшегося на расстоянии вытянутой руки. — Ты самый сильный из разумных в нашем Лесу! Ты достоин...

— Помолчи, женщина, — недовольно скривившись, пробормотал Эрвин, вглядываясь в то, что происходит за деревьями. Не оборачиваясь к стоящему за плечом Андре, спросил: — Кого это они ведут?

Между стволов огромных деревьев двигались люди. Бывший охранитель рассмотрел Матвея и Джолли, которые вели перед собой нескольких человек, среди которых мелькнуло ещё одно знакомое лицо.

— Это Зэодан, — обличающе проговорила Идона, с ненавистью глядя в ту же сторону. — Это он меня бросил в ту нору! Это он меня уронил, руудово семя! Да там таких слуг у Зверя было знаешь сколько?! — в её голосе снова послышалась истерика. — Они сами рыли эти норы и держали в них людей!

Её голос сорвался, и Эрвину пришлось снова выставить ладонь, чтобы остановить вопли.

— Тихо, — сказал спокойно, чуть скривившись от боли в ранах, оставленных острым когтем Зверя. — Разберемся.

Андре, до этого стоявший молча, спросил:

— Наварх, а как мы Дуксу это предьявим? — и указал на огромный серый меховой бок, возвышавшийся между ними и приближающейся группой под конвоем зубоскалящего, как и

всегда, Джолли и сурового Матвея.

Эрвин повернулся к товарищу, посмотрел сквозь прищур и хмыкнул:

— Дуксу надо — пусть сам сюда прилетает.

Андре криво улыбнулся и согласно качнул головой.

Глава 27 и последняя

Эрвин резко присел, пропуская над собой тяжёлое тело, летящее сверху и немного сбоку, но зверь будто чувствовал, что предпримет человек, и тяжелое меховое тело врезалось мягким пузом прямо мужчине в лицо, заваливая его навзничь.

— Ах ты ж зараза мохнатая, — проскрипел Эрвин, хватая жилистое тело в густом меху руками, перекатываясь и подминая Арту под себя. — Я тебя укушу!

И зарычал, скаля зубы и глядя в расширенные зрачки большой желтой кошки, что сейчас пыталась вывернуться в его захвате и лежала, прижав уши и скаля клыки. Оценив его оскал и злой взгляд, фыркнула, облизнулась и выпрямила уши. Зрачки мигом уменьшились, а шершавый язык лизнул поросшую щетиной мужскую щеку.

— Цукканово отродье, — ласково проговорил Эрвин, поднимаясь. Прежде чем полностью разогнуться, последним движением потрепал Арту по холке.

Рысь ловко поднялась на лапы, отряхнулась, боднула человека под коленку и снова скрылась в низком подлеске, которым так богат Южный Влажный Лес. Её последний косой взгляд не оставил сомнений, что игра не закончена, и зверь обязательно попробует снова. Эрвин продолжил путь, проводив взглядом прирученного хищника и улыбнулся — их давняя дружба-борьба продолжалась, и он был рад этому. Ноги чуть скользили на влажноватой земле, а улыбка так и не сошла с непривычных к таким упражнениям губ: у него было прекрасно на душе, так прекрасно, как давно не было.

Может, он испытывал редкое удовольствие, вспоминая вопли Дукса, узнавшего, что Зверя они с товарищами завалили, и живьём его никто больше не увидит. А может наслаждался воспоминаниями о том, как старого сморчка вызвала на честный бой гордая красавица Идона, когда старикашка велел ей отправляться в свой дом, быть послушной и выполнять работы, которые укажет его старшая жена, пока он закончит тут, в форуме. Или он радовался задорному смеху, которым разразились его товарищи, когда Дукс визгливо, полузадушено приказывал им схватить гневливую девицу, скрутившую его и пригнувшую к земле так, что и капля силы не могла сорваться с его пальца.

Справа от бывшего охранителя раздался звук, едва отличимый среди других звуков Леса, — чуть более длинный шорох листьев. А может ему только показалось, но Эрвин всё же проговорил:

— Арта, я тебя вижу.

Короткое «мыр» было ему ответом. Мужчина только хмыкнул, продолжая свой путь в зеленоватом сумраке тропического леса, скорее чувствуя, чем видя, как рысь отступает от тропы, выискивая более удобный случай напасть на него. И опять улыбнулся — как же всё-таки хорошо!

Да, пожалуй, это — возможность идти туда, куда хочется, и делать то, что хочется, что интересно, — и делало его настроение таким хорошим. Таким, каким оно уже давно не было. Так давно, что бывший охранитель уже и забыл, что оно может быть.

Да, он держал путь к той странной машине, чтобы снова забраться внутрь и снова сказать: «Покажи, откуда прибыла», чтобы снова ощутить то чувство полёта, когда небесные огни — звёзды — шквалом обрушиваются на тебя, мчатся, кажется, прямо в лицо, но пролетают мимо, а дыхание забивается, будто ныряешь в ледяную воду, и в крови бурлит восторг... Эрвин судорожно-счастливо, как в детстве, вздохнул, и улыбка снова мелькнула на

его губах.

Он всё ожидал нового нападения своей кошки, но так и не дождался: вскоре Арта тихо выбралась из подлеска и потрусилась рядом, чуть заметно приседая и настороженно поглядывая по сторонам. Продолжая шагать, Эрвин положил ладонь ей на загривок и почувствовал едва заметную вибрацию, так похожую на тихое кошачье мурчание. Вот только это был что-то совсем другое — пока ещё тихий и утробный, но точно рык. Рык, а не ласковое мурлыканье, предупреждение об опасности. Значит, они уже рядом. От понимания этого в душе всплеснулось нетерпение, такое же как у маленького мальчишки Эрвина, когда ему когда-то очень давно наконец доверили оружие, чтобы ловить рыбу или охотиться на зверя, и выпустили на промысел одного.

Теперь и его шаг стал медленнее и осторожнее, хотя бояться было нечего: после вскрытия трупа Зверя точно установили, что все отложенные чудовищем яйца бывшие охранители обезвредили, а те, что ещё остались в чреве родителя, уже никогда не могли бы дать жизнь новому маленькому монстру. Что, кстати, тоже сильно не понравилось Дуксу. Подумав об этом, Эрвин опять расплылся в улыбке, кривой, неприятной, злорадной.

Но мысли о бывшем главе форума быстро улетучились из головы от осознания одного важного факта, к которому бывший охранитель возвращался снова и снова: он может, смеет, имеет право не подчиняться, не служить Дуксу, не быть его послушным орудием. Он может вот так идти туда, куда хочет, проводить время так, как считает нужным, и никому — никому! — не слать отчётов о том, чем он занимался и с какой целью.

Поляна, на которой он очутился как-то вдруг, казалась знакомой из-за пробитой «крыши» леса — дыра в кронах деревьев всё ещё зиявшая, словно огромная широко раскрытая пасть, никуда не делась, но вот черного матового прибора среди поломанных и примятых лиан не было.

Вместо него высилась зеленая гора, густо увитая таким-то ползучим растением, так густо цветущим желтоватыми, сладко пахнущими цветами, что голова от этого запаха начинала кружиться. Это было странно. Такие лозы были нетипичны для этих мест, да и такой быстрый рост — оплести огромную махину за такой короткий промежуток времени казалось невероятным.

Тревога кольнула сердце, и бывший охранитель сделал несколько решительных шагов, приближаясь вплотную к стене зелени и хватаясь за ближайшую лиану, чтобы начать расправу с тем, что посмело укрыть от него мечту последних дней, спрятать, украсть.

— Это что же ты задумал? — вдруг раздалось сбоку.

Голос был высокий и очень сердитый. Эрвин отпустил лианы и повернул голову на звук. Перед ним стояла девушка, но какая-то странная...

— Кто ты? Что здесь делаешь? — спросил он, сквозь прищур рассматривая подозрительную незнакомку.

В ней всё было не так — одежда не такая, как носили люди в поселениях, прическа — множество косичек будто в беспорядке торчавших из копны волос, но, тем не менее, организующих что-то гармоничное на её голове. Даже поза — одна нога отставлена, руки упёрты в бока — была непривычной. Люди Леса такими не бывают. Ещё один пришелец из-за звёзд? Или...

— Отступница! — Эрвин выхватил новое оружие из черного матового металла, то самое, которым поразил Зверя, и направил его на девушку.

Она только недовольно цокнула языком и тяжело, немного ненатурально, вздохнула.

— Отступница... Ну почему сразу отступница? Я просто не живу в ваших дурацких поселениях! — сказала с вызовом, складывая руки на груди. — Да и ты непрост, — она двинула подбородком в сторону оружия в его руке. — Твой бластер не сильно похож на ваше деревенское рукоделие.

— Бластер? — всё ещё не теряя подозрительности переспросил Эрвин. И хоть и опустил оружие, но был настороже — что выкинет это девица, было не ясно, да и Арта в любое мгновение могла прыгнуть на голову неожиданной помехи.

— Ну вот эта штука у тебя в руках, из металла, который вы так не любите, — пояснила девушка, вновь указывая на металлическое оружие в руке бывшего охранителя, только теперь глазами.

Рысь показалась из-за горы зелени, но не так, как ожидал Эрвин: Арта вальяжно двигалась вдоль преграды, отделившей её хозяина от черного механизма из-за звёзд, пригнувшись и лениво посматривала по сторонам. Куда делась вздыбленная на загривке шерсть, чуть согнутые, готовые к прыжку ноги? Неужели и угрожающе рычать перестала?

— Арта? — удивлённо переспросил Эрвин, неверяще глядя на то, как его подруга усаживается аккуратной статуэткой у ног незнакомки.

— О, её так зовут? — с неподдельным любопытством спросила девушка и почесал рысь за ухом. А та, вместо того, чтобы вывернуться из-под человеческой руки, как это было обычно, только повернула голову, подставляя свои шикарные бакенбарды под тонкие девичьи пальцы. — Он у тебя умная.

С улыбкой незнакомка теребила морду рыси, а та только довольно щурилась. Эрвин приподнял бровь, показывая, что удивлен, недоволен, не нуждается в лести и требует назад свою лесную подругу. Попытался сложить на груди руки, но помешало оружие, и пришлось крепить его на поясе, чтобы получить возможность для маневра.

— Это мой домик, — сказала девушка, и послушный её воле из высокого подлеска встал небольшой бескрылый дракончик, которого Эрвин не заметил. Животное сделало несколько шагов, и вся эта цветущая и благоухающая гора стала двигаться за ним следом.

Бывший охранитель едва удержал на лице маску невозмутимости, провожая взглядом передвижной дом на колёсах и размышляя о гениальности такого изобретения: как ловко спрятано растительностью, как интересно придумано. Интересно, как она это устроила? Возит с собой кадки с корнями или так сильна, что подпитывает из своего ресурса?

— Ты хотел в космический корабль попасть? — спросила девушка, когда черный матовый бок показался из-за всё более отодвигавшегося в сторону зелёного дома незнакомки.

Эрвин изобразил гримасу, долженствующую обозначать что-то вроде: «Тебя это не касается», «Шла бы ты своей дорогой» и «Без тебя разберусь». Но промолчал. Наверное, из вежливости или чего-то ещё, название чего уже давно выветрилось из его головы.

— А пошли вместе, а? — предложила девушка и, приподняв подол своего странного прямого платья, похожего на мешок с прорезями, на который нашили разноцветные лоскутки, шагнула к тому месту, где у черного механизма однажды открылась дверь.

Эрвин открыл рот, чтобы сказать ей всё то, что так хотел — что попутчики ему не нужны, что он справится один и вообще, присутствие чужачек в его планы не входит. Но все эти слова замерли у него на губах, когда без каких-либо усилий перед девушкой открылась черная дверь, бесшумно отъехав в сторону. Изнутри послышался знакомый Эрвину голос машины, и девушка ответила ему на том же языке.

Вот так, стоя в округлом отверстии, подсвеченная изнутри неярким светом, она обернулась к бывшему охранителю:

— Ну что, идём? Мне не терпится полетать.

— А как же твой дракон? — спросил Эрвин и глянул на зверя, который, оттащив домик на колёсах в сторону, опять скрылся среди зелени, укладываясь в подлеске. — Может, распряжешь? Кто знает, как долго нас не отпустит.

Вот сам он не знал, как быстро выберется из механизма. Мало того, что его исследовательская экспедиция планировалась как длительное пребывание внутри, потому и Матвеем он договорился, что бы тот принял его старушку Санну, и верхового дракончика, которого ему дал товарищ, чтобы добраться к месту, которое так будоражило его любопытство, расстался ещё на дальних подступах, так и не знал, получится ли у него быстро договориться с голосом, чтобы тот его выпустил. Потому и едой запасся так, чтобы не беспокоиться как можно дольше.

Девушка повернулась к нему всем корпусом и, придерживаясь кончиками пальцев за открытый проем, чуть наклонила к плечу голову и стала рассматривать бывшего охранителя с легкой улыбкой.

— А ты добрый, — сказала и улыбнулась ярче. А потом пояснила: — Если нам понравится, и мы захотим улететь навсегда...

Эрвин замер, потрясенный мыслью, которая с трудом помещалась в его голове: не просто посмотреть, как летят в лицо звезды сквозь крошечную тьму, но и улететь самому?.. Навсегда?! А девушка, не замечая, как он смешался, не давая ему опомниться, продолжила:

— Тогда мы вернёмся и отпустим наших зверей. А ты, Арта, давай с нами! — она махнула большой желтой кошке, что стояла у дверного проема, с интересом вытянув шею и пригнувшись к внутренностям "космического корабля", — Да, совсем забыла сказать: меня зовут Заринка.

Эрвин кивнул, что услышал, и когда девушка двинулась вглубь «космического корабля», чуть скривил губы в саркастической улыбке, хотя в душе обрадовался и тому, что она сама назвала своё имя, и что оно было именно таким — незнакомым и странным, и что сказала она его просто, без всяких уточнений вроде места откуда родом или поселка, из которого прибыла. Ему не хотелось сейчас выяснять кто она на самом деле такая и что здесь делает.

Такое имя он никогда раньше не слышал, но оно очень шло этой тонкой девушке со смуглым узким лицом и гладкими темными волосами, перекликалось с её голосом и блеском карих глаз, было созвучно её быстрым и ловким движениям. А ещё не вызывало вопросов. Заринка, и всё.

— Меня — Эрвин, — сказал он и шагнул к открытой двери в механизм. — Почему ты называешь эту машину «космический корабль»?

Заринка уже шла по узким коридорам, поступь её была свободная и легкая, такая, будто она знакома и самим «космическим кораблём», и с коридорами в нём. Глянула на бывшего охранителя через плечо, улыбнулась и ответила:

— Потому что он так называется. Потому что может летать в космосе. Потому что оттуда и прилетел.

— И ты умеешь им управлять? — спросил самым небрежным тоном Эрвин, следуя за узкой спиной, белеющей в слабом свете настенных светильников.

— Ну так, немножко, — дернула плечом Заринка, не оборачиваясь. — Но вообще-то в одиночку это непросто — он рассчитан на двух человек: пилота и штурмана. Если хочешь, я

буду за штурмана, а тебя научу быть пилотом.

И она снова глянула на него через плечо. Эрвин сглотнул и сказал хрипло:

— Да. — Откашлялся и уточнил: — Хочу.

* * *

Звёзды неслись в лицо, дыхание забивалось, будто он снова летел высоко над облаками в гондole Санны. Только вокруг было темно, а воздух не леденил лицо и был почти неподвижным, а горло перехватывало от восторга, от восхищенного визга девушки, которая знала удивительно много, но была просто и открытой и делилась своими знаниями с Эрвином так же легко, как и смеялась, и тоже обожала скоростные полёты сквозь черную бездну.

Они летели сквозь космос, и впереди их ждало бесконечное множество открытий и приключений...

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net